Сумы: эксперимент продолжается

Игорь Северянин. Жизнь и стихи

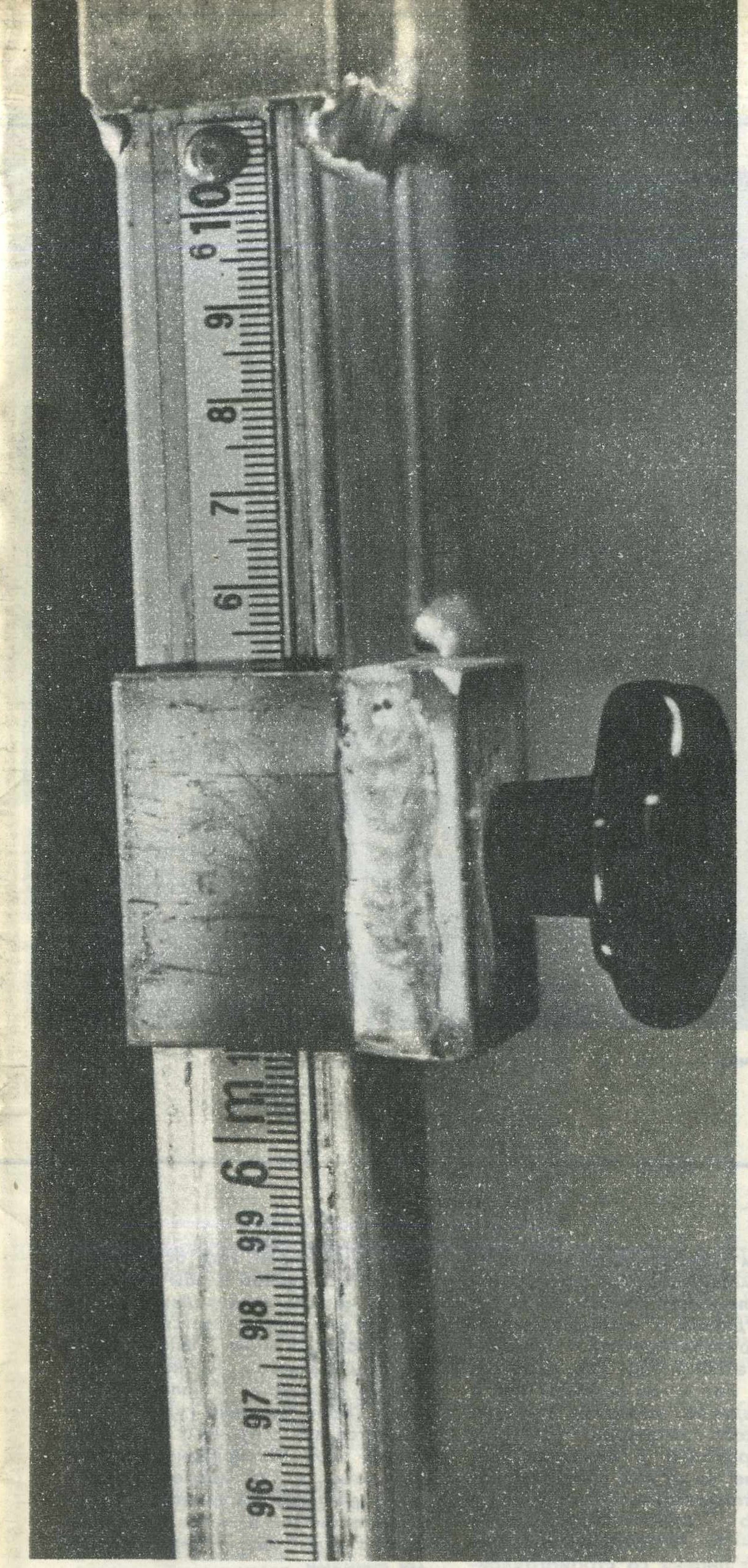

Трудная судьба робота

ДОБРЫЙ ПО

◄ *4×400 метров... Так значится эта эстафета в легкоатлетической программе. Но сколько таится за этими цифрами эмоций! Только частицу их передает снимок. Четыре советских бегуна — Владимир Крылов, Владимир Просин, Владимир Володько и Александр Курочкин — в борьбе со знаменитыми американскими спринтерами, соединив воедино свой порыв, добились победы.*

На обложке спортивного дневника Сергея Бубки такая надпись: «Пока есть у тебя попытка — ты не проиграл». На Играх доброй воли Бубка установил новый мировой рекорд с первой попытки, не использовав полагающихся ему еще двух...
И вот что зафиксировали судьи: на планке 6 метров 1 сантиметр.

ЧИН

В. ВИКТОРОВ
Фото А. БОЧИНИНА

Спортсмены 76 стран встретились в Москве как друзья, и как многозначительно прозвучали слова тренера японских волейболисток Кози Кодзима, который сказал окружившим его журналистам: «Это прекрасно, что мы снова вместе». И вот все вместе участники Игр доброй воли посадили на стадионе аллею из березок и кленов, и тот, кто видел эту прекрасную церемонию, не мог не подумать о том, что есть мир под русскими березами, что для укрепления дружбы и встретились в Москве спортсмены пяти континентов. Как же нужно, чтобы такое же душевное расположение распространилось и на значительно более широкие и важные сферы взаимоотношений между народами. В этом-то и была главная цель Игр доброй воли, инициаторами которых стали Госкомспорт СССР, Гостелерадио и американская телекомпания Ти-би-эс. Меньше года назад было заключено между ними соглашение о проведении Игр в Москве, и за этот короткий срок советская сторона провела огромную работу, сделав интересный замысел радостной явью.

В ложе прессы на стадионе в Лужниках рядом с журналистами разных стран работала большая выездная редакция Ти-би-эс, которую возглавил президент этой телекомпании Тед Тернер. Американские комментаторы и телеоператоры, среди которых было немало в прошлом известных спортсменов, работали не разгибая спин: ведь на рассказ об Играх их телекомпания выделила 129 часов. И это было не такое уж простое дело — привлечь к Играм доброй воли внимание миллионов американцев, ведь в Америке действуют силы, для которых каждое проявление доброй воли в отношениях между народами — нож острый. И что это так, мы почувствовали уже на пресс-конференции, проведенной до открытия Игр. На этой пресс-конференции мы узнали, что глава Пентагона Уайнбергер не разрешил девяти боксерам отъезд в Москву под предлогом, что они военнослужащие. И как же многозначительно рядом с этим «нет», долетевшим до нас с берегов Потомака, тепло прозвучали слова чернокожей девушки из Лос-Анджелеса Джеки Джойнер! Когда Джеки после двух дней выступлений по семи видам лег-

Бег на сто метров. Нет, на сей раз победил не знаменитый американский спринтер Карл Льюис, а канадец Бенджамен Джонсон. Его результат всего две сотых секунды уступил мировому рекорду.

См. стр. 30—31.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 29 (3078)
19—26 ИЮЛЯ

В НОМЕРЕ:

событие недели

14 июля М. С. Горбачев по просьбе иностранных участников международного форума ученых за прекращение ядерных испытаний встретился с группой ученых — инициаторов этого форума.

Профессор Дж. Б. Марини-Беттоло вручил М. С. Горбачеву единодушно принятую на форуме декларацию, обращенную к руководителям всех ядерных держав, в первую очередь СССР и США.

Во время встречи.

«Чьим же интересам отвечают предложения политических сил, ученых, общественности, настаивающих на сокращении гонки вооружений, на том, чтобы приступить к разоружению и в конце концов уничтожить ядерное оружие? Думаю — отвечают интересам всех народов. А выше интересов нет».

Из беседы М. С. Горбачева с советскими и иностранными учеными.

молодой современник

Призвание

А. РЫЛОВ

— Что я делал в начале семидесятых годов, когда в мире начинали конструировать роботов, обладающих «зрением»?— повторяет мой вопрос Александр Федосеенков, один из десяти лауреатов премии Ленинского комсомола 1985 года, полученной за разработку первого промышленного образца такого робота в нашей стране.— Кончал школу в городке Демидове, что недалеко от Смоленска. А по вечерам мы с ребятами ходили в кинотеатр и выпрашивали у механика электронные детали. Радиокружок у нас был бедный, а самым злачным местом для обзаведения запчастями было почему-то кино.

Роботов тогда я представлял эдакими ковыляющими человечками с лампой вместо носа. Уже потом в Смоленском филиале Московского энергетического института выбрал специальность, близкую к робототехнике,— автоматика и телемеханика. Студенты и преподаватели занимались по одним книжкам. Я надеялся работать с ЭВМ, и вдруг перед самой преддипломной практикой знакомый говорит: «Хочешь делать роботов? В нашем Техноприборе ищут парня-автоматчика. Сходи, посмотри!»

Так Александр Федосеенков начал трудиться в смоленском научно-производственном объединении Техноприбор, где работает до сих пор и где встретил тех, с кем недавно разделил премию Ленинского комсомола.

Конструкторы и механики, работавшие тогда над проектом нового технологического универсального робота — сокращенно ТУР-10,— по достоинству оценили новичка: парень со стройотрядовской закалкой, до дела въедливый, безотказный, инициативный, не ждет, когда его другие подтолкнут.

Трудились они, не считаясь, день ли, ночь ли. Александр среди них был единственным специалистом по системе управления — электронному мозгу робота. Пока установку делали в железе, Александр разбирался в чертежах и производил расчеты. Главная его работа была впереди.

Перед тем, как дать новому роботу «зрение», нужно было сконструировать само его тело, научить двигаться. А никакого опыта в нашей стране по созданию электромеханических роботов тогда еще не было.

Трудной задачей было соединить электронный мозг устройства с его рукой. Долго не удавалось молодым конструкторам добиться этого. Но они заставили своего робота двигаться, а потом установка обрела «зрение», чтобы сортировать детали.

ТУР напоминает миниатюрный подъемный кран. Над основанием в виде оранжевой тумбы лежат по углам четыре электродвигателя, а между ними поднимается оранжевая трехсуставная лапа — дуга с черным захватом на конце. Все вместе примерно с человеческий рост. Робот тихонько гудит и тренируется для сварочных операций. Перед ним установлена чертежная доска, и ТУР медленно выводит цанговым карандашом квадрат, вписывает в него круг, соединяет углы двумя перекрестными линиями.

— А эта шеренга обречена.— Александр показывает на три других робота. Словно неутомимые гимнасты, они поднимают, опускают, поворачивают груз.

— Мы их испытываем на надежность. Будут упражняться, пока не развалятся. Честно говоря, «ребят» немного жалко.

Знаменитых «зрячих» роботов пока всего два — это выставочные образцы. Я видел их в Институте проблем управления АН СССР в Москве. Сотрудники института В. Б. Тулепбаев и С. А. Кузьмин сконструировали систему так называемого «зрения» робота на основе микро-ЭВМ «Электроника-60».

Над роботом висела небольшая телевизионная камера — его электронный глаз. На черном лотке разложены предназначенные для сортировки детали. ТУР должен сам сменить захват на манипуляторе и установить деталь в станок.

— Знаете... мне кажется иногда, что с премией нам поспешили,— вдруг неожиданно для меня задумчиво произносит Александр.—

Фото ТАСС

Переоценили работу. Скажу честно — трудная судьба у нашего робота.

Не часто услышишь такое от «именинников». Конечно, быть требовательным к себе надо, но напоминаю Александру, что одного из первых таких американских роботов доводили до ума больше десяти лет, а смоляне сделали своего за два года.

— Верно, — соглашается Александр,— но наши беды в очень плохой надежности системы.— И поясняет:— За разработкой ТУРа и его выпуском на могилевском заводе Техноприбор следило Министерство приборостроения. И когда мы просили что-то на его предприятиях, оно открывало нам «зеленую улицу». Но стоило лишь выглянуть из-под его крыла... Зачастую это было все равно что обращаться... на Луну. И то быстрее получится. То подшипников нужных нет, то электродвигателей, то волновых редукторов, словом, тысяча досадных мелочей. А сколько сил мы потратили на документацию и согласование! Больно и грустно об этом рассказывать, но только теперь я понимаю, почему другие конструкторы, не менее способные, чем мы, давно трудятся над серийной моделью электромеханического робота, так нужного промышленности, и не могут дойти до конца.

Однако это еще цветочки по сравнению с качеством деталей для нашего робота. Хуже всего система управления. Вместе с одной исправной системой мы получали с Ленинградского электромеханического завода девять негодных. Значит, из десяти роботов девять появлялись мертворожденными. Вся же ответственность — на нас, тех, кто его конструирует. Словом, новый промышленный робот пока не отличается надежностью,— с грустью в голосе докончил Александр.

Однако грусть молодого ученого далеко не элегическая. Я видел, что смоленские конструкторы не сидят сложа руки: усовершенствовали манипулятор, разобрались в системе управления, научились чинить ее, заставили ленинградцев кое-что изменить. Брак уменьшился.

И в результате технические универсальные системы пошли на заводы! На раменском опытном заводе Техноприбор, что в Подмосковье, они стали основой гибкой производственной системы.

Там изготавливают детали цикловых роботов. На орловском объединении Промприбор ТУРы обслуживают станки с числовым программным управлением, их внедряют для сварки автомобильных рам на ЗИЛе, приспосабливают для литейного производства.

Много ТУРов покупают институты и ПТУ для обучения будущих инженеров и программистов-наладчиков. И здесь возникают новые проблемы.

— Чтобы наши технические универсальные роботы нашли себя в промышленности,— с жаром говорит Александр Федосеенков,— нужно прежде всего организовать какой-то ликбез, объяснять, как устроены такие системы, что они могут дать. Как ими пользоваться. Но главная сложность в том, что роботы не приживаются в цехах с допотопным оборудованием: надо сперва обновить производство. В основном наши ТУРы рассчитаны обслуживать станки с числовым программным управлением, а все вместе это станет основой гибкого производства, вернее, его ячейки, где трудиться будут одни машины. Такие системы разрабатывают у нас в смоленском Техноприборе.

Александр Федосеенков ведет сейчас кочевую жизнь. Куда едут его ТУРы, туда и он. Наше с ним знакомство и беседы проходили словно под звуки походной трубы. Вот-вот ему надо было снова ехать, скажем, в Орел, и даже попрощаться как следует мы не успевали.

В смоленском Техноприборе мне рассказывали, что без Федосеенкова не могут обойтись при пуске ТУРов в любом производстве. Однажды на выставке что-то стряслось с роботом, а Александр был в отпуске, ловил рыбу под Демидовом. Там нашли его. Ночью он примчался в Смоленск, а оттуда срочно поездом в Москву.

Я слушал эти рассказы и думал о другом: а не приносит ли молодой талантливый конструктор вред себе, все дальше отходя от научных разработок, «заклинившись» на своих ТУРах? Ведь не его вина, что ломаются построенные из негодных деталей системы, что у нас в стране пока нет ни одного центра по подготовке специалистов для их обслуживания и приходится проводить кустарный ликбез в каждом цехе, где их ставят к станку. Почему Александр как бы променял свое место за конструкторским кульманом на незавидную должность выездного наладчика, агитатора за внедрение?

— Неужели без тебя не внедрят ТУРы в производство и не добьются их безотказности?— спросил я Александра напрямик.

— А ты знаешь, что наш ТУР — первый серийный отечественный электромеханический робот?— ответил мне вопросом на вопрос Александр.— В этом вся причина — первый.— И немного помолчав, прибавил: — В детстве я любил пускать бумажных змеев. Знаешь, как бывает: сядет змей на березу и повиснет вниз головой. Береза огромная, до верхушки не долезть. И ветер треплет змея сильнее и сильнее. Кажется, все — пропал летяга, зря только клеил! Но вот берешь себя в руки, потянешь за бечеву направо, налево, еще постараешься, еще — и вдруг, гляди-ка — змей помаленьку освободился из плена и полетел! Я любил, когда мои змеи летали высоко и красиво.

В общем, пока мне хотелось бы вместе с нашими смоленскими инженерами и могилевским заводом поставить на ноги ТУРа, чтоб стал он надежным, чтобы его узнали, полюбили на производстве. Словом, ребенка надо не только родить, но и вывести в жизнь. Это наш долг. А там видно будет...

Когда Федосеенков уехал, я подошел к его рабочему столу. На столе аккуратно сложены книги по электронике. Под стеклом лежал листок, где было написано: «Не бойся будущего... кто боится будущего, то есть неудач, тот сам ограничивает круг своей деятельности, неудачи дают только повод начать снова и более умно...»

А на кульмане висела калька с карандашным наброском. Словно из тумана или из мечты в нем проступали контуры нового робота, которого еще не было на свете, который только рождался в воображении конструктора...

ЭКОНОМИКА И БОМБЫ

Владимир НИКОЛАЕВ

Казалось бы, большой бизнес Америки может не волноваться, даже ликовать. Прибыли крупных американских корпораций в 1985 году были в 2,5 раза выше, чем в 1980 году — накануне прихода Рейгана в Белый дом. Рост небывалый! Особенно подскочили доходы фирм, работающих на войну.

Итак, сущий рай и благоденствие для бизнесменов? А может быть, и для всей страны? Ее экономическое здоровье во многом определяется так называемым индексом Доу-Джонса — совокупным показателем курса акций тридцати крупнейших промышленных корпораций США. На днях этот индекс упал сразу более чем на 80 пунктов. Для нью-йоркской фондовой биржи это была зловещая сенсация. Такое резкое и стремительное падение индекса Доу-Джонса не имеет ничего общего с обычными колебаниями курса акций. Это грозный предупредительный сигнал Америке, ее уродливой экономике, на которой раздулся чудовищный милитаристский флюс.

Известно, что одновременно с наращиванием гонки вооружений в США усиливаются и кризисные явления в экономике, бремя военных расходов становится непосильным для страны, ее бюджетный и торговый дефицит достиг громадных, невиданных ранее размеров. Вся хозяйственная структура уродливо скособочилась из-за оттока средств, талантов и рабочих рук в военные отрасли производства.

Мало этого. По официальным данным, в Соединенных Штатах около девяти миллионов безработных. Причем безработица — тоже во многом следствие гонки вооружений. Такой вот пример. Программа строительства бомбардировщиков «В-1» может обеспечить работой 25 тысяч человек. Но те же средства, что требуются на эту программу, в гражданских сферах экономики дали бы в четыре раза больше рабочих мест. Дело в том, что военные расходы — это «интенсивный капитал», требующий большого количества оборудования и дорогостоящих материалов, а такие капиталовложения, естественно, дают меньше рабочих мест. Вот и выходит, что военные расходы не приносят благ экономике, не повышают занятость, а, напротив, порождают безработицу. И к тому же приводят к инфляции. Профессор-экономист С. Мелмэн констатирует: «В отличие от гражданских фирм, которые традиционно стремятся свести к минимуму производственные издержки ради извлечения максимальной прибыли, фирмы на орбите Пентагона стараются как можно больше завысить все издержки, а тем самым и субсидии, которые будут им выплачены. Такой подход ведет к постоянному повышению цен. Военная экономика США — главный двигатель инфляции».

Те же закономерности прослеживаются и на примере американских союзников, прочно прикованных к НАТО. Так, с 1979 года, когда к власти в Англии пришли консерваторы, ее военные расходы выросли вдвое. При этом пострадали мирные отрасли британской промышленности. Уровень производства в ее обрабатывающей сфере на 6—7 процентов ниже, чем в конце 70-х годов, а безработица выросла почти в три раза.

Есть во всей этой истории о бомбах и экономике еще один аспект. На него очень рассчитывают те вашингтонские стратеги, которые делают ставку на «изматывание» Советского Союза с помощью гонки вооружений. Они полагают, что Запад может и должен навязать нашей стране свою волю путем обострения соперничества в области вооружений до уровня, который окажется непосильным для советской экономики. Некоторые прыткие американские специалисты спешат объявить, что силы наши в ходе этого соперничества уже на пределе. Недавно с таким утверждением выступил К. Эдельман, глава американского Агентства по контролю над вооружениями и разоружению. Что ж! О нашей слабости и неминуемой погибели мы слышим от Запада почти 70 лет, начиная с Октября 1917 года. Многие горе-пророки хоронили нас не один раз, в том числе и в 1941 году. А мы не только выжили, но и победили. И сегодня тем более не время для таких пророчеств. Вот цитата на этот счет из газеты «Лос-Анджелес таймс», весьма влиятельной в США:

«И, наконец, можно задаться вопросом: а что делает с самими Соединенными Штатами одержимость стремлением взять верх над СССР? Сосредоточение энергии Америки на этом узколобом и, в сущности, бесплодном соперничестве усугубляет пренебрежительное невнимание к отраслям промышленности и областям науки, которые призваны обслуживать нужды народа, и это уже привело к тому, что важные секторы экономики терпят крах под нажимом зарубежных конкурентов. Соперничество между США и Советским Союзом способствует милитаризации мышления американцев, идеологические шоры сужают их видение мира, и этот процесс зашел достаточно далеко.

Все это может обернуться для Соединенных Штатов поражением — они окажутся чрезвычайно ослабленными экономически и интеллектуально, а важные ресурсы страны будут растрачены впустую».

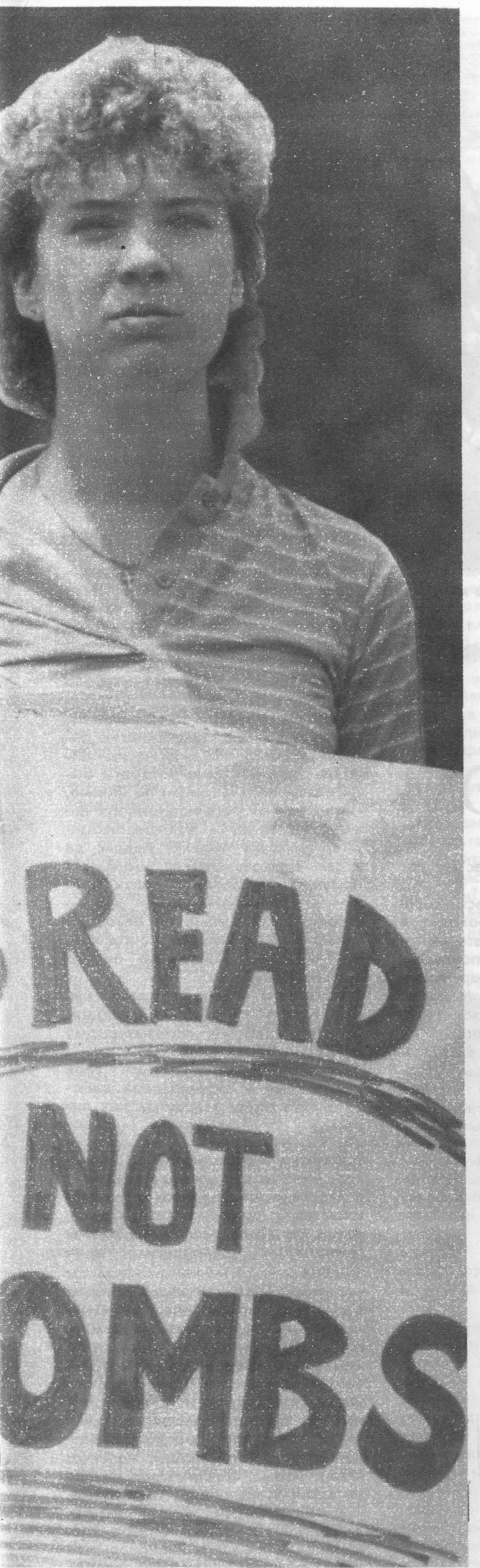
Веские соображения! Особенно, если вспомнить о только что случившемся резком падении курса акций на нью-йоркской бирже.

Вместо гонки вооружений и связанного с ней разорительного соперничества Советский Союз предлагает Западу сокращение вооружений и взаимовыгодное сотрудничество в разных сферах, в том числе и в экономике. Это наше искреннее стремление было еще раз продемонстрировано в ходе недавних советско-французских переговоров. Президент Франции указал на конструктивный характер советских предложений и выразил желание, чтобы они были активно обсуждены в ходе соответствующих переговоров. Мы — за развитие диалога, который необходим Западу не меньше, чем нам.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

В Соединенных Штатах усиливается голос протеста против милитаристского курса нынешней администрации, против производства и испытаний ядерного оружия. Волна протеста особенно заметно нарастает в стране с тех пор, как Советский Союз ввел односторонний мораторий на любые ядер-

ные взрывы, заявила координатор антивоенной организации «Американское мирное испытание» Джесси Кокс.

На снимке: «Хлеба, а не бомб!» — призывает плакат участницы антивоенной манифестации в Вашингтоне.

Фото Е. Шальневой (ТАСС)

Как ухаживать за очковой змеей

Свирепые псы спущены на людей. Водяные пушки бьют в гущу мятущейся, гневной толпы. Полицейские пули и дубинки оставляют после себя залитые кровью, устланные телами тротуары...

Америка видела все это в куцых, искалеченных цензурой телевизионных репортажах из Южной Африки. Даже президент Рейган был вынужден признать, что в ЮАР идет «настоящая гражданская война».

Так как же, на взгляд американцев, обстоит сейчас дело с демократией в Южной Африке?

— Там кровавая баня,— сказала мне преподобная Джоан Кемпбелл, исполнительный директор американского филиала Всемирного совета церквей.— Три тысячи темнокожих активистов арестованы. И это только после двенадцатого июня, после того, как в стране ввели чрезвычайное положение. В тюрьмах — церковные деятели, профсоюзные лидеры, в тюрьмах — юристы, которые осмелились защищать темнокожих в суде. И даже медики, рискнувшие помочь жертвам полицейского террора.

— Публикуют ли имена арестованных?

— Нет. Прикрываются законом о чрезвычайном положении. На самом деле этот закон — лицензия на убийство...

К словам Джоан Кемпбелл можно добавить: под этой лицензией подписи не только жрецов апартеида вроде президента ЮАР Питера Боты. Рядом — подпись администрации Рональда Рейгана.

Пылающая Африка превратилась сегодня в пробный камень международной морали. Мир еще не забыл, с каким сладострастием, с какой благородной миной праведника, выжигающего чужие грехи каленым железом, Вашингтон вводил экономические и прочие санкции против Кубы, Никарагуа, Польши, Советского Союза, Афганистана, как только его, вашингтонские, представления о демократии и правах человека расходились с национальной политикой этих стран. Не приглянулась американским верхам Ливия? Немедленно приостановить операции нефтяных корпораций США в этой слишком неподатливой Ливии, бомбить ее, непокорную!

Не то с ЮАР. К режиму апартеида, жертвами которого только за последние полтора года стали 1600 темнокожих жителей, отношение у Вашингтона да и вообще у Запада, как к домашней очковой змее. Да, немножко кусается, зато какой редкий, достойный хорошего ухода экземпляр.

Факты последних дней:

Соединенные Штаты и Великобритания наложили вето на резолюцию Совета Безопасности ООН, которая ввела бы ограниченные экономические санкции против ЮАР.

Соединенные Штаты, Великобритания и ФРГ бойкотировали Всемирную конференцию по санкциям против расистской Южной Африки в Париже.

Когда я отстукивал на машинке эти строки, репортер Эй-би-си чудом подключился к телефонной сети Кейптауна и позвонил епископу Десмонду Туту, одному из лидеров темнокожего большинства.

— Я читал вашу речь, епископ. Не намекаете ли вы там, будто Соединенные Штаты и президент Рейган — соучастники режима апартеида?

— Очень, очень это печально и трагично, но я оказался прав, и он (Р. Рейган.— В. С.) соучастник, да, фактический соучастник. Соединенные Штаты поддерживают расистов...

Этот разговор юаровская охранка могла подслушать с помощью электронной аппаратуры американского концерна Ай-би-эм. Бронемашины и танки, что утюжат сейчас черные пригороды Йоханнесбурга, заправлены горючим американской фирмы «Мобил ойл». А кое-какие финансовые нужды правительства П. Боты заботливо удовлетворяет банковский концерн «Америкэн экспресс».

Триста фирм США с капиталом в 2 миллиарда долларов контролируют на территории ЮАР треть всего рынка автомашин, 44 процента нефтяного рынка и 48 процентов — компьютерного.

Какие уж тут санкции, леди и джентльмены! Не стрелять же себе в ногу для острастки этих шалунов из Претории!

И мир слышит застенчивое бормотание государственного департамента США насчет того, что, мол, экономическое давление на ЮАР было бы «жестом отчаяния», что, мол, лучше продолжать политику «конструктивного вовлечения» расистов в общие с американцами дела. Авось образумятся.

Палата представителей конгресса в порыве пустого демонстративного пафоса одобряет билль о санкциях, но только для того, чтобы сенат его провалил, а президент, если понадобится, окончательно доконал своим вето.

Меня тут особенно поражает вот что. Ведь все это происходит в богатые трескучими речами дни, когда Вашингтон отпраздновал 100-летие статуи Свободы и мчится на всех парах к 200-летнему юбилею конституции.

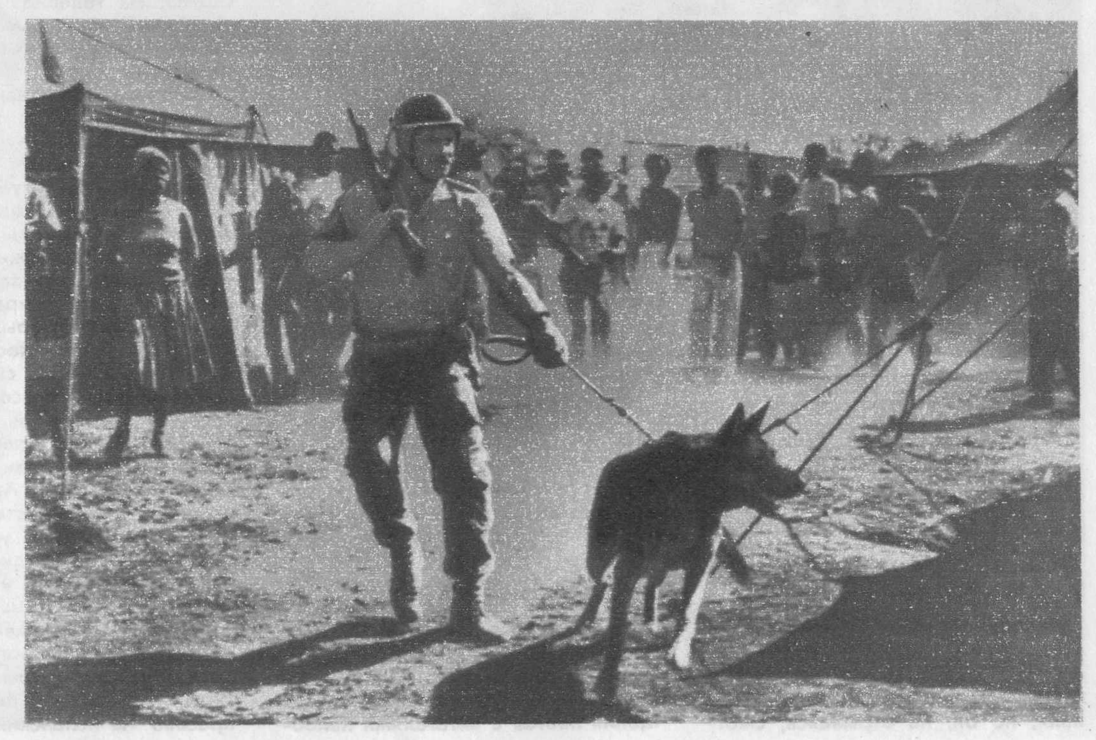
А что, если спросить у темнокожего большинства ЮАР, что они думают сегодня об этой многоюбилейной Америке?

Любопытно, что они ответят?

Владимир СИМОНОВ,
соб. корр. АПН — для «Огонька»

Нью-Йорк.

В пригороде Йоханнесбурга в эти дни. Телефото АП — ТАСС

«...Бери! Читай — смотри!..» Фото К. Кокошкина, С. Герасимова и автора

говорят гости

СЛОВО, хранимое народом

В июне — июле этого года с большим успехом прошли традиционные праздники поэзии Пушкина, Тютчева, Лермонтова, Некрасова. Они стали неотъемлемой частью культурной жизни нашего народа, год от года расширяя географию и привлекая все новых поклонников творчества корифеев русской литературы, а также любителей современной поэзии. В поэтических фестивалях принимают участие видные поэты, критики, литературоведы, гости из многих стран мира. Журнал «Огонек» будет регулярно освещать в фотоочерках и корреспонденциях эти знаменательные праздники отечественной и мировой культуры.

Среди зарубежных гостей IX Всесоюзного некрасовского праздника поэзии, состоявшегося 5 июля в музее-усадьбе «Карабиха» и посвященного 165-летию со дня рождения поэта, находился депутат Национальной ассамблеи, секретарь Союза писателей Никарагуа, поэт Алехандро БРАВО. Наш корреспондент Ю. НОВИКОВ задал ему несколько вопросов.

Алехандро Браво.

«Огонек»: — Сеньор Браво, что вы читали только что со сцены?

Браво: — Это был отрывок из моей поэмы «Народная война».

«Огонек»: — Что на вас произвело самое большое впечатление на этом празднике?

Браво: — Прямо напротив меня в первом ряду сидел мальчик лет шести-семи. Со всех сторон прибывали все новые зрители, его толкали, но он, не отрываясь, смотрел на выступавших, настолько был погружен в происходящее. Я подумал, глядя на него, насколько с детских лет чувствительна душа русского, советского человека к поэзии... Впечатляет то, что мы встретили в составе фольклорных групп людей разного возраста, даже совсем пожилых. Не забуду радость на их лицах — оттого, что их могут видеть и слышать...

«Огонек»: — Какие формы общения поэтов с читателями наиболее распространены у вас на родине?

Браво: — В Никарагуа есть один праздник поэзии, он проходит в январе и приурочен к дате смерти нашего величайшего поэта Рубена Дарио. Праздник организуется в 90 километрах от Манагуа, на родине Дарио — это своего рода «поэтический марафон», он длится до двух недель и завершается в Леоне. Мы лишены, к сожалению, возможности устраивать такие масштабные фестивали, как у вас, но наши поэты и прозаики выезжают в трудовые коллективы, на заводы, к бойцам СФНО. На телевидении есть специальная программа — представление молодого поэта и его произведений.

«Огонек»: — В какой степени можно говорить о предстоящем знакомстве народа Никарагуа с поэзией Некрасова?

Браво: — Никарагуа сейчас в тяжелом положении из-за империалистической блокады. Но и империализм сам переживает кризис: у него уже нет за спиной тех стран третьего мира, развивающихся стран, которых он привык иметь в качестве послушных своих колоний. Моя страна тратит много сил и ресурсов, чтобы выстоять в навязанной империализмом войне. Но благодаря солидарности ряда стран, в частности Советского Союза, Аргентины, Испании, которые поставляют Никарагуа бумагу, нам удается печатать самое необходимое, ценное из литературного наследия. Как гость VIII съезда писателей я был ограничен во времени и не имел возможности просмотреть в вашей Библиотеке иностранной литературы имеющиеся переводы Некрасова на испанский, а они есть. Но у меня будет возможность, так как я сотрудничаю с приложениями самых революционных газет и издательств, порекомендовать произведения Некрасова для широкого издания.

«Огонек»: — Поэзия Некрасова сыграла особую роль в формировании народного самосознания в России, она подводила общественную мысль к революционным выводам. История никарагуанской поэзии, видимо, тоже располагает примерами участия прогрессивных литераторов в освобождении народа от эксплуатации...

Браво: — Да, уже в начале нынешнего века Рубен Дарио одним из первых в истории латиноамериканской литературы поднял знамя антиимпериалистической борьбы. Затем его дело продолжили Соломон де ла Сельва, Хоакин Пасо. Это о них сказал Эрнесто Карденаль: «Запомните их имена. Потому что они заложили основы свободолюбивой поэзии, словом своим подготовили создание новой конституции Никарагуа».

Во времена сомосовской диктатуры стихи и поэмы, протестовавшие против антинародного режима, ходили в списках. Когда образовался Сандинистский фронт национального освобождения, он прямо призвал поэтов к участию в революционном движении. Можно привести целый список поэтов, участвовавших в боях. Многие погибли, и среди них — 20-летний Лионель Ругамон, стихи которого были столь же прекрасны по форме, сколь полны революционного накала. Известен и поэт-революционер Рикардо Моралес Авелас, да и сам Даниэль Ортега, нынешний президент, тоже писал стихи, сражаясь с сомосовцами в составе фронта национального освобождения. Слово, которое народ хранит и чтит, неотделимо от его борьбы за правду...

«Огонек»: — Сеньор Браво, как вы стали поэтом, когда приобщились к нелегкому литературному труду?

Браво: — Я могу считать себя причастным к писательской работе с 1975 года. Я начинал как лирик, но затем вместе с революционно настроенными студентами обратился к политике. В то время для меня много значила изданная в Мексике книга стихов «Революционная поэзия». Кстати, прологом к ней был отрывок из поэмы Маяковского «Владимир Ильич Ленин».

Затем сборник стихов Эрнесто Карденаля, нынешнего министра культуры Никарагуа. Познакомившись с этими двумя книгами, я понял, что поэзия может не только услаждать слух, но и быть политическим оружием. С тех пор я пытался придать большинству своих стихов политическую направленность. А это, кстати, нелегко: в них форма, эстетическое начало не должны страдать в угоду теме.

«Огонек»: — От имени читателей нашего журнала примите поздравления с вашим национальным праздником — Днем Революции. Желаем вашему народу полной и окончательной победы над силами империализма и реакции. Мы будем делать все, что в наших силах, чтобы помочь вам приблизить этот момент.

Браво: — Спасибо вам и всем нашим друзьям в «Огоньке»...

Ярославль — Карабиха — Москва.

«Я ХОТЕЛ ПРОВЕРИТЬ САМ...»

В жизни он весь подкупающая улыбка. На сцене неотделим от инструмента, который смеется и плачет вместе с ним. «Я живу, играя на гитаре»,— признается Пако де Лусиа, знаменитый исполнитель музыки фламенко, прибывший на гастроли в Советский Союз.

...Больше всего тогда было обидно за себя. Наверное, потому, что он не оправдал надежд старшего брата Рамона, потратившего уйму времени на разучивание с ним сложнейших пассажей. Но только ли Рамон? Остальные пятеро в семье, включая отца и мать, также мечтали о его победе на конкурсе гитаристов фламенко, организованном некоей благотворительной организацией почти нелегально. Собственно, первый в жизни конкурс был выигран, равных в технике владения шестью струнами не нашлось этому андалузцу, которому исполнилось лишь двенадцать лет. Но устроителей испугал возраст, и Пако де Лусиа из города Алхесирас получил поощрительную премию за аккомпанемент. Слабое утешение, какие-то ничтожные гроши в скудный семейный бюджет...

1959 год. Франкистская ночь Испании—нищета многодетных семей, безработица, огромный урон всей национальной культуре.

— Первая попытка вырваться в люди оказалась неудачной,—вспоминает Пако.— Только через год я смог устроиться с гитарой к танцовщикам, разъезжавшим по Испании. Попал туда, где жило настоящее фламенко, воспетое нашим великим Федерико Гарсиа Лоркой. Искусство народа боролось, не могло не победить в труднейших условиях диктатуры, запретившей все талантливое и прогрессивное. Знаете почему? Фламенко — это достоинство андалузца, его извечное стремление к свободе...

Разговор с Пако де Лусиа начался в международном аэропорту Шереметьево-2, затем продолжился в Доме дружбы с народами зарубежных стран на встрече, организованной обществом «СССР — Испания». В Москве Пако впервые, прибыл из Финляндии, перед этим закончил турне по городам Канады. Устал? Конечно, но не намерен расслабляться!

— Никакие коммерческие интересы мной не руководили во время этих гастролей,— подчеркивает он.— Многие из музыкантов, например, Чик Кориа, Гэри Бёртон, Антонио Гадес и другие, ранее выступавшие здесь, восторженно отзывались о советской публике, признавая ее лучшей в мире. Я хотел проверить сам, справедливы ли они были в оценках, а то мне даже было немного завидно...

После первого же концерта Пако в ответ на мой вопрос выразительно поднял вверх большой палец руки. Глаза его сияли, казалось, он нашел то, что давно искал. Гром аплодисментов, море цветов были ему наградой.

— Музыке фламенко принадлежит моя душа и сердце. Хочу познакомить с ней как можно больше людей за пределами Испании. После выступлений в Москве ко мне прямо на улице подходили незнакомые люди — они меня узнавали! — и говорили: «Мы знали раньше Пако де Лусию как исполнителя мелодий испанского классика Мануэля де Фальи, знали как мастера джазовых импровизаций, а сегодня убедились, что его стихия — фламенко». Такие признания мне особенно приятны. При этом чувствуешь, как музыка объединяет разных по характеру и убеждениям людей, ради этого, поверьте, стоит жить.

— Гитара и только гитара занимает вас в жизни? Ничего, кроме музыки?

— Даже когда не играю, мысленно не расстаюсь со своим инструментом, творением волшебных рук мастеров из семьи Кондэ. Мне кажется, так легче переносить разлуку с родными, которые остались в Мадриде.

— Но в Москве с вами ведь два брата — Рамон и Пепе!

— А дома три чудесных малыша, один из которых, провожая меня в аэропорту, впервые произнес «папа»...

— Расскажите о вашем участии в фильме Карлоса Сауры «Кармен», с успехом прошедшем на советском экране...

— В фильме-балете «Кармен» снялся по предложению артистов труппы и Антонио Гадеса, моего давнего друга, прекрасного танцовщика и балетмейстера. Главное, что я снимался со своей гитарой!

— Чем вам запомнились встречи с известнейшими джазовыми гитаристами Джоном Маклаффлином, Элом ди Меолой? И в рок-музыке у вас был прекрасный партнер — Карлос Сантана...

— Воспоминания наилучшие, ведь благодаря таким совместным выступлениям в мире начинают прислушиваться к испанской народной музыке. Как бы ни изменялось фламенко — что вполне естественно для всякого живого искусства,— оно осталось таким же искренним, непринужденным, полным драматизма и любви. Традиционный рок нынче не оправдывает надежд, в жизнь вступило более интеллектуальное поколение, и его не устраивают повторы, топтание на месте...

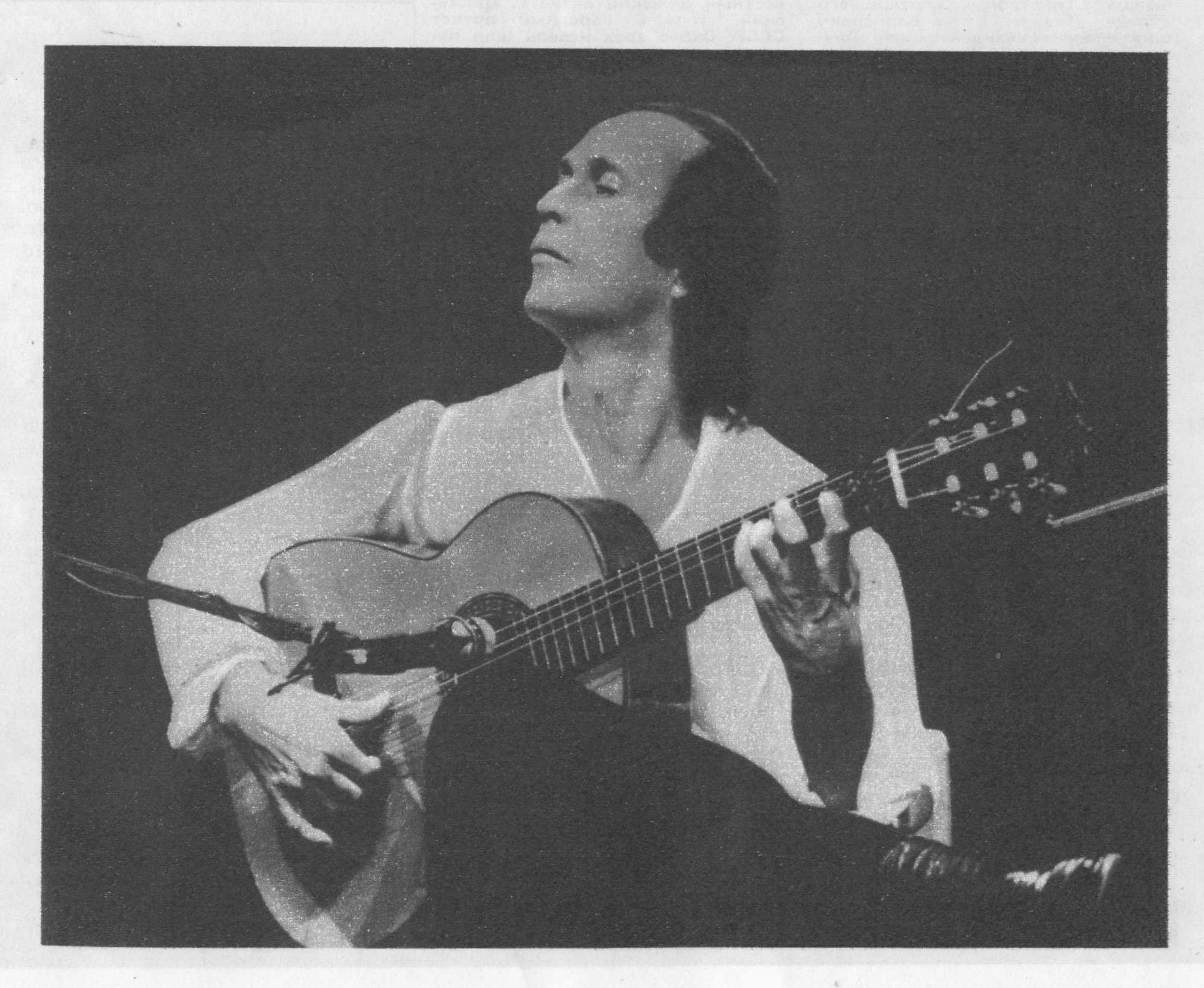
Да, Пако де Лусиа мог бы стать без труда кумиром миллионов, создав экстравагантную рок-группу и удивляя всех своей виртуозностью. Но Пако де Лусиа — один из тех, кто остался верен Искусству. У нас в стране мгновенно разошлись две его пластинки: «В пятницу вечером в Сан-Франциско» и «Андалузские мелодии».

— А сколько всего вышло дисков?

— Я не веду им счет. Много. Не записана пока что лишь одна моя пластинка — лучшая. Жду и надеюсь, что когда-нибудь она все же появится.

Владимир КОВАЛЕВ.

Фото Игоря ФЛИСА

МУНДИР ДЛЯ ПАУЛЯ ЗИБЕРТА

О легендарном разведчике, своем земляке Николае Кузнецове, чье 75-летие со дня рождения отмечается в июле, свердловские кинематографисты создали два фильма. Первый фильм «Человек из легенды» был снят режиссером А. Н. Садовским на Свердловской студии телевидения в 1964 году. И автор сценария, писатель Олег Коряков, и режиссер, и консультанты — бывшие партизаны — много потрудились, готовясь к съемкам картины. Но вот возник, казалось бы, рассказывает об этом эпизоде своей жизни.

Минуло семь лет после выхода фильма. На Свердловскую киностудию пришло письмо из города Ровно. Украинские товарищи сообщили, что местный краеведческий музей открывает Музей-квартиру Героя Советского Союза Н. И. Кузнецова. И для будущей мемориальной комнаты хорошо бы иметь мундир «Пауля Зиберта».

Теперь уже за дело взялись костюмеры съемочной группы друго-

простой вопрос о френче Кузнецова — Зиберта. Кто-то посоветовал обратиться к Е. Б. Драхману — бывшему портному партизанского отряда. Именно Ефим Борисович шил френч «обер-лейтенанту Паулю Зиберту» в 1942 году. Драхмана разыскали быстро. Оказалось, что он работает в киевском театре имени Леси Украинки.

Портному пришлось вспомнить, как при свете керосиновой лампы в партизанской землянке выполнял он этот ответственный заказ, какие были на кителе знаки отличия, ленточки, пуговицы...

В картине «Человек из легенды» есть кадры, где старый мастер

го фильма о разведчике — «Сильные духом». Роль Кузнецова в этом фильме сыграл тогда еще малоизвестный рижский актер Г. Цилинский, теперь народный артист СССР. Около трех недель шли поиски «костюма Цилинского». Костюм был приведен в порядок и отправлен в город Ровно, где сражался в дни войны Герой Советского Союза Н. И. Кузнецов.

Б. ЗЕЛИЧЕНКО

Свердловск.

На снимке: кадр из фильма «Сильные духом». Г. Цилинский в роли Н. Кузнецова.

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО СОЛДАТА

Я прошел войну и думаю, что каждый, кто испытал ее ужасы, не остался равнодушным к опубликованному в № 24 материалу З. Золотовой «Не было безымянных солдат...». Напишу о том, что беспокоит меня, можно сказать, всю жизнь.

В двух километрах от нашего села находится могила тридцати восьми воинов, которые прикрывали отступление основных сил к Одессе. Я писал во все инстанции, разыскал командира полка Сереброва, замполита Лифшица. Однако имен погибших никто не знал.

Когда хоронили солдат, жительница села Евдокия Кузьминична Мотузко среди документов погибших нашла письмо, которое потом передала мне. Письмо это было без адреса, и солдат даже не успел сложить его в треугольник. Оно очень короткое, но там есть сведения, за которые можно «зацепиться».

«Здравствуй, дорогая, любимая Анна Григорьевна,—пишет он жене.— Как там наши дети, живы ли, здоровы, помогают ли братья. Мы горячо воюем и победим». В конце подпись: Коваленко Иван Митрофанович. Служил он в 95-й Молдавской дивизии, в 161-м стрелковом полку, в 6-й роте.

Может быть, прочтут эти строки родственники Коваленко. Я передам им последнее письмо солдата, покажу, где его могила. Не было безымянных солдат на этой великой войне.

Д. ГРИГОРЬЕВ

с. Понятовка Раздельнянского района Одесской области.

ПАМЯТЬ

ПРОДОЛЖАЕМ РАЗГОВОР

НЕ ПОЕЗДКА, А СКАЗКА!

Прочитали в «Огоньке» № 26 о том, что журнал учредил переходящий кубок, который будет вручаться лучшей бригаде фирменного поезда «Россия», следующего маршрутом Москва — Владивосток. При этом станут учитываться письма пассажиров. Так вот, пожалуйста, учтите и наше письмо.

В пути нас обслуживала молодежная бригада № 23, начальник поезда В. А. Стручков. Чистота, чай подают своевременно, отношение проводников к пассажирам чуткое. Мягкая, приятная музыка. Перед каждой остановкой по радио рассказывалось о достопримечательностях города, к которому подъезжали. В ресторане официанты вежливы, пища горячая, есть и соки, и минеральная вода, и молочные продукты. Не поездка, а сказка!

Мы, пассажиры, благодарим проводников А. Данилину и М. Михалеву, Г. Федосеенко и Л. Рожкову, В. Силендина и В. Вдовенко. Не можем назвать ни одного проводника, который бы халатно отнесся к своим обязанностям. Наша бригада № 23 лучшая!

Л. КОЛЕНЧУК, М. СИДОРЕНКО, семья НАЗАРОВЫХ, А. БАРАНОВ, всего 70 подписей.

ЗДОРОВЬЕ — ВСЕМУ ГОЛОВА

С тревогой прочла выступление министра здравоохранения РСФСР А. И. Потапова. Почему с тревогой? Да потому, что в его интервью ни слова о профилактике заболеваний, а речь идет только о лечении. Основными показателями считают количество коек и число врачей — чем больше, тем лучше! Пора понять, что здоровьем надо заниматься до того, как человек попал на больничную койку.

Г. ФЕДОТОВА, врач

Ярославль.

У нас в Старом Осколе слишком часто привлекают врачей и медсестер на сельскохозяйственные работы. Прихожу в поликлинику № 3, а талон на прием взять не могу. Из двенадцати терапевтов принимают трое. Так было 12 июня. Понимаю, что отпуска, профосмотр, врачи тоже, как и все, болеют... А тут еще сельхозработы. Естественно, что в коридорах очереди, нервотрепка. Вторую неделю не могу попасть к врачу. Правильно считает министр здравоохранения, что здоровье — всему голова и начинать нужно с организации медицинской помощи в поликлиниках.

В. КОНОВАЛОВ, электрослесарь

Старый Оскол.

ОТ РЕДАКЦИИ: В журнал продолжают поступать отклики на выступление министра здравоохранения РСФСР А. И. Потапова «Здоровье — всему голова» («Огонек» № 21). Сообщаем, что по просьбе министра они будут переданы ему для анализа и комментария, с которым читатели познакомятся в одном из ближайших номеров.

ПРИПИСКИ ПО «ДЕТОДНЯМ»

Здравствуйте, редакция журнала «Огонек». Пишет вам воспитательница детского сада-яслей № 79 объединения «Уралкалий». Обращаюсь за справедливостью, которой не нашла в нашем городе. Но расскажу по порядку. С марта прошлого года администрация нашего детского садика начала заниматься приписками по «детодням». Поясню. Если заболевших детей мало — значит, план по «детодням» выполнен, и всем сотрудникам — от нянечек до заведующей — выплачивается премия. В марте старший медработник нашего садика Н. П. Сычкова по табелям, составленным воспитателями, обнаружила недовыполнение плана на один процент. Согласовав свои действия с заведующей Л. И. Шарцевой, внесла в столбики цифр «исправления», после чего воспитатели переписали табели своей рукой. Премию получили. То же самое и с приписками, и с премией повторилось в мае.

Не скрою, что я тоже была в числе приписчиков. Переживала, не выдержала и обратилась в ОБХСС с повинной. Мои показания долго проверялись. Против заведующей было возбуждено уголовное дело по соответствующей статье. Но вскоре мне сообщили в прокуратуре, что дело против заведующей прекращено и направлено в п/о «Уралкалий» для принятия мер общественного воздействия.

Теперь отношение ко мне в коллективе такое, как будто я единственная виновата во всем. Сослуживцы не скрывают своего презрения, называют доносчицей, кляузницей, недостойной звания воспитателя, и на общем собрании предложили уволиться без отработки...

В. П. РАСПОПОВА

Березники Пермской обл.

ОТ РЕДАКЦИИ: «Огонек» направил это письмо в Березниковский горком партии. В ответе секретаря горкома Э. Горожаниновой сообщалось, что факты, приведенные в письме, подтвердились. Заведующая садом освобождена от занимаемой должности, методист уволилась. По факту приписок возбуждено уголовное дело. В настоящее время обстановка в коллективе изменилась к лучшему.

Казалось бы, виновные наказаны, справедливость восторжествовала и можно поставить точку. Можно, если бы не новое письмо В. П. Распоповой, в котором она пишет: «Хотя приписками занималась среди воспитателей не я одна, уголовное дело возбуждено только мое. Другим воспитателям — товарищеский суд, а мне — статья. Мне говорили: «Не связывайся, все равно виноватой будешь»... Так и вышло...»

Вот как обернулось дело. Редакция направила своего корреспондента в Березники с заданием проверить истинную суть создавшегося положения. В ближайших номерах журнала мы опубликуем материал по письму В. П. Распоповой.

ПОМОЧЬ ЧЕЛОВЕКУ

В. Боровиковский. 1757—1825. ПОРТРЕТ НЕИЗВЕСТНОЙ С РЕБЕНКОМ.

Саратовский государственный художественный музей имени А. Н. Радищева.

В. Тропинин. 1776—1857. ПОРТРЕТ МАКОВСКОЙ. Саратовский государственный художественный музей имени А. Н. Радищева.

ЗА НАШУ И ВАШУ СВОБОДУ!

В эти дни у народной Польши большой праздник. Наши друзья отмечают 42-ю годовщину освобождения от фашистских захватчиков. В канун этого события гостем Москвы был популярный актер театра и кино Станислав Микульский. По просьбе читателей «Огонька», принявших участие в фотовикторине «Мои встречи с мастерами культуры», мы публикуем интервью, которое взял у актера Александр ЖИГАРЕВ.

Со Станиславом Микульским я знаком уже лет двадцать. Мы встречались в Москве и Варшаве, в Киеве и Колобжеге, на съемках фильмов и на концертных площадках. И я знаю, что расписание дня актера составлено очень плотно. Помню, как много лет назад наш «рафик» после съемок на телевидении ранним утром мчал в Шереметьево, но неожиданно выскочивший из тумана «жигуленок» перечеркнул все планы. В Боткинской больнице мы лежали рядом. «Что делать?— тихим голосом за несколько минут до операции спрашивал Станислав.— Ведь у меня вечером спектакль, причем без замены, что же делать?» Больше всего в этот момент его тревожил спектакль.

У каждого человека в детские годы появляются желания, далеко не всегда осознанные,— выбрать себе профессию. С возрастом «детские планы» быстро меняются...

Однажды я спросил у Микульского, кем он хотел стать в детстве.

— Военным,— ответил он.— И знаешь, почему? Никогда не изгладится из моей памяти то, что я пережил в юности. Сентябрь 1939 года. Вторжение немцев в Польшу. Бомбежки. Толпы беженцев и среди них мы, дети. Мы еще толком тогда не понимали, что произошло, но из разговоров взрослых и необходимости куда-то бежать и прятаться нам стало ясно, что безмятежного детства больше не будет... Шесть лет продолжалась гитлеровская оккупация. Мы, взрослея, старались быть полезными взрослым, которые, несмотря на жесточайший террор, продолжали борьбу. И я решил стать военным, чтобы отомстить за мою Польшу.

Он помолчал и продолжил:

— Ты же знаешь — я пою редко. Но когда один композитор показал мне песню о детях, которые прятались от фашистов, мне захотелось ее спеть.

— Ну и что же?

— Спел! Даже на пластинку ее записали... Зима и весна сорок пятого стали для нас, поляков, самым светлым и счастливым временем, и когда потом, несколько лет спустя, мне довелось играть в пьесе Леона Кручковского «Первый день свободы», я поразился — насколько точно драматург сумел выразить душевное состояние миллионов людей, переживших оккупацию и счастье освобождения. Я навсегда запомнил лица наших освободителей — усталые, добродушные, красивые, и никогда не забуду, что 600 тысяч советских воинов отдали свои жизни за свободу Польши.

— А как случилось, что ты не стал военным, а стал актером?

— Вместе со своими сверстниками я пел и танцевал перед советскими и польскими солдатами в те первые годы после освобождения. Как-то на улице на меня обратил внимание один режиссер из Люблина, пригласил к себе в театр, а точнее, в полуподвал разрушенного здания. Так начался мой путь в искусство. Впрочем, не только мой, но и многих моих товарищей... И тут мне повезло: словно зная о моей детской мечте, режиссеры поручали мне военные роли.

— Значит, так начинался путь к Клоссу в фильме «Ставка больше чем жизнь»?

— О Клоссе чуть позже. Моя первая роль в кино была небольшой. В фильме «Канал», посвященном бойцам восставшей Варшавы, я играл солдата Армии Людовой, это был коммунист, выполнивший свой гражданский и человеческий долг... Потом были и некоторые другие роли в кино. И, наконец, сценарий «Ставка больше чем жизнь».

— Чем он увлек тебя?

— При всей его очевидной шероховатости и даже наивности, особенно заметной теперь, спустя годы, с этим фильмом в наш кинематограф пришел поляк-победитель, коммунист-интернационалист, бесстрашный и умелый боец. Популярность «Ставки» побила все рекорды. Картину много раз показывали по польскому телевидению. И всякий раз я получаю горы писем. В них раздумья, воспоминания о минувшей войне. И во многих из них мне задают вопрос: был ли действительно такой человек — Клосс? А если был, то как сложилась его судьба? Мне порой самому кажется, что Клосс не вымысел, а живой человек, мой добрый знакомый. Ведь в юности, в годы оккупации, я видел себя в польском мундире сражавшимся с гестапо, и на экране мои мечты ожили, а главное — мой герой стал примером бесстрашия, верности родине, примером для нового поколения поляков.

— Доволен ли ты сыгранной ролью?

— Иной раз я спрашиваю себя: правильно ли я сделал, что сыграл Клосса,— ведь из-за него режиссеры фильмов впоследствии отвергали мою кандидатуру на новые роли только потому, что я уже был неотделим от Клосса! Бывало даже, что в театре я выходил на сцену в роли шекспировского персонажа и слышал, как по залу проносился шепот: «Клосс». И все-таки эту роль можно назвать моей главной ролью. Я сыграл ее с чувством исполненного долга перед многими людьми, которые не вернулись с войны, сражаясь за нашу и вашу свободу. Да, это главная роль, но не единственная. Было много ролей в театре — в пьесах Шекспира, Словацкого, Арбузова, да и в кино тоже. Причем многие роли требовали от меня не только актерского мастерства, но и других качеств, как принято говорить, «проверки» на прочность...

Я понял, что имел в виду Станислав Микульский. По польскому телевидению показывали фильм «Крещение огнем» — о боевом братстве польских и советских солдат в годы войны. Главную роль в картине сыграл Станислав. Это было в начале восьмидесятых, когда антисоциалистические, контрреволюционные силы начали откровенную травлю всех истинных патриотов Польши, твердо стоящих на позициях интернационализма. Его освистывали, с ним не здоровались, ему угрожали расправой. Подводя итог тому времени, он говорит:

— Жизнь сама рассудила, на чьей стороне историческая справедливость и кто в действительности оказался другом поляков, а кто врагом. Проиграли те, кто в угоду сомнительным идеалам предал собственное прошлое и поставил под сомнение достижения народной Польши, завоеванные такой дорогой ценой. Только что завершился X съезд ПОРП, наметивший конкретные планы дальнейшего развития Польши, укрепления завоеваний социализма в нашей стране. Я счастлив, что сыгранные роли в советских и польских фильмах всегда отвечали и моей гражданской, партийной позиции. Так было в фильмах «Освобождение», «От Буга до Вислы», «Европейская история»...

— А теперь о твоих планах. Читателей «Огонька» интересует, в каком фильме они снова встретятся с тобой.

— Я готовлюсь к новой роли в советском фильме о боевых действиях польских и советских партизан в годы войны. Есть еще интересные предложения, которые я пока обдумываю...

Польша, год 1944-й. Так встречали советских воинов-освободителей на улицах Лодзи.

Фото Виктора Темина

Супьянбек ШЕРИПОВ,
фото Алексея ГОСТЕВА

Трудна дорога в гору

Минувшим летом на глазах у изумленных жителей и гостей города Сочи вмиг потускнели обычно полные важности и презрения к покупателю лица «хозяев», диктовавших астрономические цены на продукты первой необходимости. Потускнел рыночный хапуга от бессилия. С огородником, что за недосугом старался продать товар за полцены или чуть выше, «разговор» обычно вели или перекупщики, или молодые люди боксерского телосложения, что, поигрывая мускулатурой, советовали убраться подобру-поздорову, не сбивать цен. Бывало, и избивали тех, кто оказывался не робкого десятка: профессионалы рынка не сносили посягательства на свои доходы, и как бы там ни билась милиция, цены пребывали в зените. И вдруг...

Что же произошло, чтобы случилось долгожданное «вдруг»? В магазин «Огонек», известный разве больше по названию, чем по щедрости прилавков, пришли новые хозяева. Месяц ушел на ремонтные работы — и стал «Огонек» самым популярным магазином города-курорта. Взял он не позолотой на стенках, не лепниной в стиле «елисеевского», что в Москве и Ленинграде, взял тем, чем покупателя и надо брать,—изобилием товара, цены на которые были выше государственных, но куда ниже рыночных: килограмм мясной полуобрезной свинины — два семьдесят, а говядина шла по три пятьдесят. На два рубля дороже говядины полукопченые колбасы, аж десяти сортов. Сразу расхватывались наборы для приготовления столь ценимого на Кавказе (только ли там?) хаша, другие субпродукты, что по редкости перешли в разряд деликатесов. Почти повсеместно магазины союзного Минторга заставили нас забыть вкус парного, свежего мяса. Мясо, что продается в сочинском «Огоньке», незнакомо с морозильными камерами, от места забоя до прилавка оно находится в пути не больше двенадцати — пятнадцати часов. Словно только что с грядки, поля, бахчи или сада зелень, томаты, арбузы, капуста, яблоки, груши. Есть в продаже и краснодарский чай, и орехи, мед разных видов, и яйца, и консервы. Филиалы «Огонька» уютно устроились и на рынке, стали определять цену, вызывая тем самым лютую ярость спекулянтов. Согласитесь, это та ярость, которая не может не радовать всех тех, у кого рубль трудовой, а потому особенно ценимый.

Кто же автор этого, повторюсь, долгожданного чуда? По возрасту — сущий младенец (двух лет от роду), по природе и сути своей — богатырь, объединяющий армию из тридцати с лишним тысяч тружеников: агроторгово-промышленный комбинат «Кубань», созданный в порядке эксперимента по решению Политбюро ЦК КПСС.

Цель эксперимента — создать на базе современной техники и технологии производственно-экономический комплекс, обеспечивающий производство, заготовку, переработку, реализацию сельскохозяйственной продукции и продовольственных товаров самого высокого качества. Сам выращивает, сам перерабатывает, сам продает, чем сразу убивается множество зайцев, и едва ли не самый распространенный: ссылка-оправдание, что во всем-де виноваты смежники, которые и поставили не то, и не вовремя, и не в том количестве. «Кубань» — это конвейер, начинающийся в поле и кончающийся у прилавка.

Без смежников совсем, естественно, не обойтись: это в основном поставщики техники, запчастей, горючего, минеральных удобрений, и все-таки дышать стало гораздо легче, хотя легкой жизни не предвиделось и в помине. Немало помех возникло у «Кубани» с первых же шагов. Генеральный директор комбината, делегат XXVII съезда партии М. М. Ломач с горечью вспоминает о днях «раздела» имущества, когда брали верх ведомственные интересы.

— Не обошлось и без тяжб, затяжных, лишний раз убеждающих, что ведомственность — зло, с которым трудно бороться. Вот пример. Огромное автохозяйство — 480 автомобилей — мы «унаследовали» от Минавтотранса РСФСР. Но, передав машины, министерство не передало нам полагающуюся часть фондов на бензин, запчасти,— говорит Михаил Михайлович.— И уж вовсе коварную подножку мы получили от Минавтотранса в канун жатвы: ни одного двигателя на КамАЗы для обменного фонда автотранспортники не дали. Почти весь автопарк оказался парализованным. Это по одному министерству, а дело ведь мы имели с тринадцатью! Не легче и со строительством. Летом прошлого года Минпромстрой СССР согласовал с нами объем работ на новую пятилетку — 39,5 миллиона рублей, из них восемь миллионов предполагалось освоить в нынешнем году. И вдруг через несколько месяцев узнаем: строители исключили наши заказы из своих планов. Между тем на базе планируемых инженерных коммуникаций наши партнеры из Югославии с 1986 по 1989 год должны сдать нам «под ключ» кондитерскую фабрику, молокозавод, три завода по упаковке. Надо ли говорить, как тяжко было исправлять чужие грехи.

«Кубань» родилась не в рубашке. В это с трудом веришь, когда знакомишься с ее сегодняшним днем. Я ни слова не слышал здесь о необходимости перестройки, о новаторском подходе к делу — здесь просто заняты перестройкой, демонстрируют образцы новаторства, где-то и ошибаются, но ищут самые эффективные пути, ведущие к изобилию.

— И самые экономные,— добавил Ломач.— Нам важно не просто произвести как можно больше мяса, молока, масла, овощей и фруктов. Мы на самоокупаемости. Если хотите, одна из целей нашего эксперимента — доказать истину, которая пока, увы, нуждается в доказательствах: сельское хозяйство не только не может, но и не имеет права быть убыточной отраслью. Оно должно доход приносить, а не ходить в иждивенцах. А то у нас возник какой-то перекос во взглядах, особенно за два последних десятилетия: существование, вернее, прозябание убыточных колхозов и совхозов считалось чуть ли не нормой, а прибыльные воспринимались пусть и приятным, но исключением. Это даже в нашем благодатном Краснодарском крае.

Михаил Михайлович Ломач, будучи уже в зрелых летах, занимая солидный пост начальника краевого управления сельского хозяйства, без колебаний решился на крутую перемену в жизни: возглавив «Кубань», стал районщиком.

Сегодня «Кубань» — это один из флагманов нашего сельского хозяйства.

Почему для эксперимента был выбран именно Тимашевский район Кубани? Находится он в семидесяти километрах от Краснодара, не столь уж далеко и от курортной зоны, прежде всего от Сочи; железная дорога, густая сеть шоссейных дорог позволяют быстро перевозить скоропортящийся груз. В комбинат вошли как колхозы, так и совхозы. Характерная особенность: все колхозы — многоотраслевые хозяйства, а совхозы — специализированные. У трех совхозов («Индустриальный», «Красносельский» и «Кубанец») профилирующее производство — свинина, «Тимашевский» совхоз — говядина и свинина, «Садовод», как явствует уже из названия, занят в основном выращиванием плодов и ягод, а птицефабрика «Тимашевская» — производством яиц и мяса. Помимо этого, в районе есть и межхозяйственные сельхозпредприятия — тепличный комплекс «Прогресс» и комплекс по доращиванию и откорму крупного рогатого скота, другие учреждения, каждое из которых по-своему необходимо.

Долго дебатировался вопрос, какие же предприятия и учреждения включать, с какими повременить. Добились права «входа» в комбинат и, так сказать, иногородние: зверосовхоз «Туапсинский», объединение специализированных совхозов «Краснодарский чай», а всего под одной крышей собралось 56 предприятий и организаций — целый комплекс. В одни руки попала и земля, и предприятия по переработке сельхозпродукции, перевозкам и строительству. Чуть позже, когда «Кубань» прочно встала на ноги, в нее вошли и розничные торговые объединения в Тимашевске, магазины в Новороссийске, Анапе, Краснодаре. Самое большое торговое объединение — сочинское. Это и ресторан «Казачий хутор», и магазин «Дары России», и два продмага, и целых шестнадцать летних павильонов по торговле зеленью, фруктами, овощами и картофелем.

Становление шло тяжело, давалось с боем.

— Все предприятия и организации,—рассказывает М. М. Ломач,— сохранили хозяйственную и юридическую самостоятельность, была внедрена единая система управления, планирования и финансирования. Одно не противоречит, а помогает и способствует другому: сообща выбирается направление главного удара, усилия концентрируются в одном, самом важном направлении.

— С особым вниманием подходим мы к колхозам и совхозам,— вступает в беседу первый заместитель генерального директора А. Никишин.— Их руководители и специалисты получают бóльшую самостоятельность в планировании, над хозяйствами нет мелочной опеки, сведен к минимуму пресловутый «бумажный вал», созданы все условия для проявления социалистической предприимчивости, повышения роли экономических методов управления — все в русле решений XXVII съезда КПСС. Как это осуществляется на практике? Учитывая инициативу снизу, принята рациональная структура посевных площадей, установлено оптимальное поголовье скота и птицы. Предпочтение отдано озимой пшенице, кукурузе, сахарной и кормовой свекле, подсолнечнику, люцерне, гороху, витаминной тыкве. Увеличены площади под растениями, которые пользуются особенно большим спросом и потому в такой же мере выгодны: зеленый горошек, кабачки (они выращиваются даже на межхозяйственном тепличном комплексе), перец, баклажаны. Планирование мы начинаем от потребителя: сначала выясняем, что нужно именно ему, а затем, изучив и проанализировав покупательский спрос, решаем, что надо сделать, чтобы покупатель получил именно то, что хочет. Если мы не станем изучать конъюнктуру рынка, то, извините за непарламентское выражение, вылетим в трубу, будем производить никому не нужную продукцию и разоримся.

Чтобы шла чистая прибыль, необходим строгий счет каждой копейке. Лучше и дешевле — вот лозунг «Кубани». Этому во многом способствует коллективный подряд, без которого «Кубань» не стала бы «Кубанью». Невозможно переоценить роль внутрихозяйственного расчета. С апреля прошлого года перешли на новшество — внедрили лимитно-чековую систему учета прямых затрат. Это

позволило каждый день контролировать производственные операции, знать, сколько же и на что израсходовали. Обычный же хозрасчет позволял оперативно влиять на дела лишь через месяц или даже после подведения квартальных итогов.

Курс на экономию в большом и малом оказался благотворным. В прошлом году «Кубань» получила чистой прибыли семьдесят миллионов рублей, рентабельность увеличилась до 66 процентов, что почти в полтора раза превышает контрольную цифру. А больше прибыли — больше и зарплата. Немалую роль сыграло и то, что в «Кубани» внедрена оплата труда руководителей и специалистов за конечный результат производства. От каждого — по способностям, каждому — по конечному результату.

«Кубани» два года, а слава о ней шагнула и за рубеж. Со всех концов страны идут письма: нет ли вакантных мест? Много таких писем приходит в колхоз имени Димитрова. Но председатель колхоза А. А. Чернышенко категоричен:

— Со стороны не принимаем, своих достаточно, тем более что колхоз молодеет.

У колхоза свой дом отдыха, вернувшимся из армии выдается безвозвратно по тысяче рублей, хорошие условия труда, приличные заработки — вот и молодеет колхоз, одна из опор «Кубани»!

Было бы неверным все сводить к одному материальному. Людям в «Кубани» нравится работать, велик творческий настрой, в цене инициативные, ищущие, пытливые. Растет и связь с наукой. «Кубань» становится научным полигоном. Тесный союз науки с практикой — что может быть плодотворнее?

С новым в «Кубани» встречаешься буквально на каждом шагу. Никого не удивляет, что директор мясокомбината Е. Мартыненко ездит в колхозы и совхозы, знакомится с условиями выращивания скота. Он ведь тоже заинтересован в конечном результате своего труда. Чем разнообразнее будет продукция мясокомбината, тем выгоднее и его директору. Раньше у него какие заботы были? Выполнил план по валу — и в передовиках, хотя и получал покупатель колбасу двух, от силы трех сортов. А чтобы марку «Кубани» поддерживать на должном уровне, поскольку торгует продукцией собственного изготовления, надо тех же колбас выпускать никак не меньше десяти — двенадцати видов, на любой вкус. Это возможно при одном условии: чтобы скот был высшей упитанности.

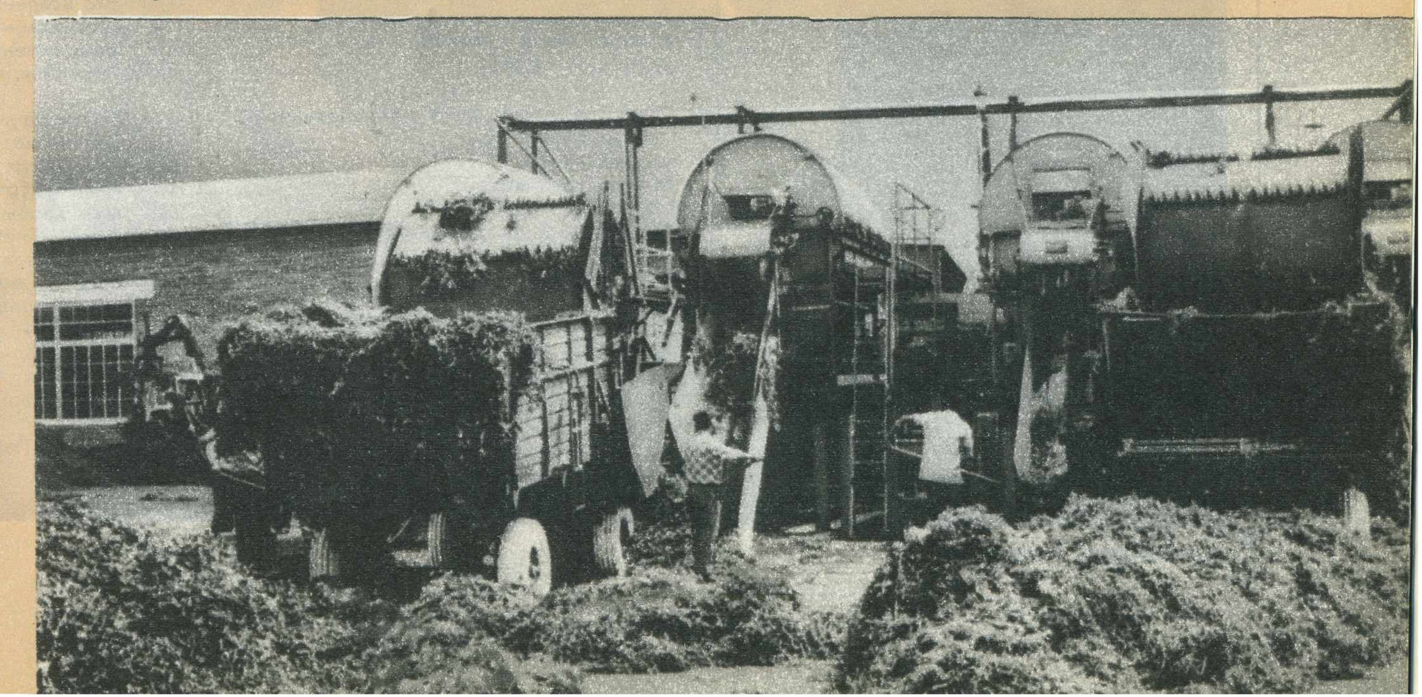
Продукция 213 наименований поступает в магазины «Кубани», и спрос на нее все растет. В нынешней пятилетке только в Сочи появятся семь новых овощных магазинов, пять предприятий общепита, два универсама. «Кубань» продолжит наступление на рыночные цены и на дельцов, привыкших шиковать на неправедные доходы.

В «Кубани» буднично, но напористо заняты перестройкой, поиском новых путей развития сельского хозяйства, выполнением решений XXVII партийного съезда. Нет у «Кубани» легкой жизни. Да и может ли быть она у того, кто трудится самозабвенно, творчески, кто идет в гору?

Тимашевск — Краснодар — Сочи.

Черешня пойдет в торговую сеть совхоза «Садовод».

Зеленый горошек пока еще не в банках.

ИЗ БЕРЕЗОВОЙ КОРЫ

Михаил ВОЛОДИН

«...И страна березового ситца не заманит шляться босиком...» — писал Есенин.

А меня заманила, но не босиком — в резиновых сапогах, чтобы иногда забираться в топи и находить места, где может лежать поваленная береза.

Зачем?

Вот выдержка из письма директора совхоза и директора картинной галереи «Вороново»: «В Вороновской художественной галерее... экспонировалась выставка ваших произведений, изготовленных из коры лежалой березы. Экспозиция носила название «Живопись без красок». За этот период ее посетило свыше 8 тысяч человек, и у всех посетителей ваши работы пользовались успехом, о чем свидетельствуют сотни записей в книге отзывов...»

Однажды случилось так, что я впервые оказался летом под Москвой без красок. Живешь в лесу — близко река, поля — и нет материала для работы... Но сидеть без дела не мог и начал делать из бересты вазы. На одной из них получилось две фигурки танцующих женщин. Роль красок выполнила кора березы. Для себя я обнаружил, что, расслаиваясь, она дает разнообразные и красивые оттенки. С этого и пошло. Сделал «Концерт на стройке», «Тройку», натюрморты «Грибы», «Цветы и фрукты на фоне березового леса» и другие. За пять лет набралось восемь работ.

Потом я уже ездил на этюды, как всегда, с красками и холстами, но и для «живописи без красок» время находил. Палитру ограничил только корой березы, она прочна и богата по колориту — все зависит от того, где и сколько лежало дерево, его возраст. Иногда долго приходилось искать кусок коры, чтобы по цвету он выражал то, что требовалось.

Лесники, наблюдая за мною, поначалу шутили, пока не увидели законченную работу.

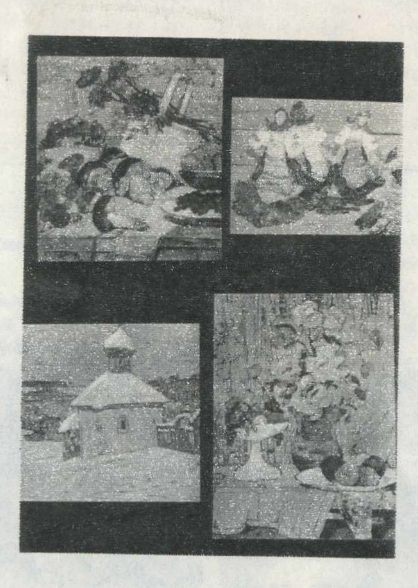
Был даже такой разговор:

— Надо бы составить акт да оштрафовать художника за содранную кору,— сказал один из них.

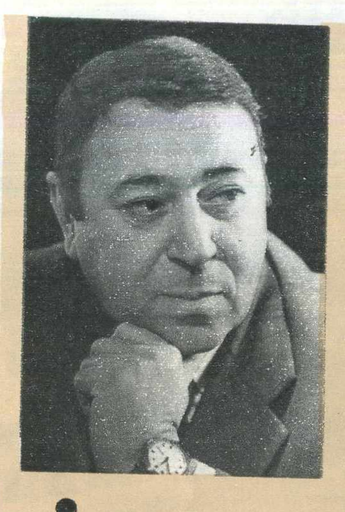
— Что ж, я готов! Вы сможете отличить, где кора лежалой березы, а где живой?

Если найдут кусочек коры с живой березы, я обещал заплатить сто рублей штрафа. Но если не обнаружат, то они мне — двадцать пять. Все закончилось дружным смехом.

Я продолжаю заниматься этим, как оказалось, увлекательнейшим искусством, ставлю и решаю здесь те же задачи, что и в живописи. Когда работа подходит к завершению, все кажется, что не удалось до конца исчерпать и раскрыть возможности палитры «березового ситца». Возникают и технические вопросы: какой толщины оставлять кору, чтобы клей не проходил на лицевую сторону, какой клей лучше...

Наби ХАЗРИ

МЕЧТА МЕЧТЫ

•

Бег времени —
Незримый вечный бег.
На жизненном пути за вехой веха.
Давайте пронесем в грядущий век
Всех матерей сегодняшнего века!
Нить времени
Теряется вдали...
Пусть большего, чем мы,
Добьются внуки!
Пусть наконец
Они с лица земли
Сотрут все виды горя и разлуки!

Пусть в этом веке
Зависть отомрет,
Недобрый взгляд
И чувство превосходства.
Пусть верность
В век грядущий перейдет,
И чистота души,
И благородство!
Пусть только ожидание любви
Останется из мук и ожиданий,
И пусть еще останется с людьми
Живая мука творческих страданий!

Впервые
В космос мы открыли дверь,
Впервые к звездам
Протянули руки.
Мы сделали великий шаг!
Теперь
Пусть большего, чем мы,
Добьются внуки!

...Я мысленно
Лечу в тот мир чудес,
На противоположный берег века.
Я вижу:
Непроглядный мрак исчез,
И к морю ласки,
Доброты и смеха
С надеждой устремился взгляд небес.

И звезды шепчут мне:
— Подай нам руку!
Мы знали только вечную разлуку,
Мы одиноки миллионы лет.
К нам не взлетит,
Кто верит лишь в науку,
И сыну своему скажи, и внуку —
С собой взять в космос
Матери портрет.

Пусть, окрылен мечтою дерзновенной,
Достигнет сын Земли
Звезды своей,
И пусть, как звезды,
Из глубин Вселенной
Осветят мир улыбки матерей!

...Когда мерцают звезды сиротливо —
Одни,
Во тьме космических морей,
Мне кажется,
Что так несправедливо,—
Пусть обретут и звезды матерей!..

•

Ласковым словом и ласковым взглядом
В жизни меня одарила ты.
Сколько прошли мы с тобою рядом,
Спутница жизни —
Мечта мечты!
Огненный дар —
Дар любви беспредельной.
Песня твоя —
Дети наших детей.
Ты —
Колыбельная колыбельных.
Спутница жизни,
Мать матерей.

•

Мы вместе с тобой испили
Целое море воды.
Мы шли с тобой в этой жизни
По самым трудным дорогам.
И не пропали даром
Бессонницы и труды,
Мы были верны друг другу,
А это дано немногим.

Ты прислонишься к дочери,
Я прислонюсь к сыну,
Пусть горлицы
К нам на веранду
Прилетают с радостной вестью!
Сердце все чаще видит
Свадебную картину.
Где-то для нас, наверное,
Уже лелеют невесту!..
А может, свадьба ликует
Где-то совсем уже рядом?
Так не пора ли руки
Поднять нам с тобой для танца?
Хочется побыстрее
С невестой встретиться взглядом
И океаном улыбок
По всей земле расплескаться!..
Пусть счастье детей воссияет
На всей голубой планете.
Пусть дети сверкают, как звезды,
Зажженные нашей судьбой.
И пусть от них возгорятся
Их светоносные дети.
И пусть они будут счастливы —
Счастливее нас с тобой.

Солнце —
Это Вселенная,
И звезды — это вселенные,
И континенты вселенных —
Галактики, полные тайн.

Спутница моей жизни!
Звезда моя сокровенная!
Каждый из нас друг другу
Навеки судьбою дан.
Мы вдвоем
В этом мире
Один оставили след.
Вовремя повстречались
Наши сердца и руки!..
Если бы мы с тобою
Снова родились на свет,
То обязательно снова
Мы бы нашли друг друга.

Перевел с азербайджанского
В. КОРКИЯ.

Из поэмы «Спутница жизни».

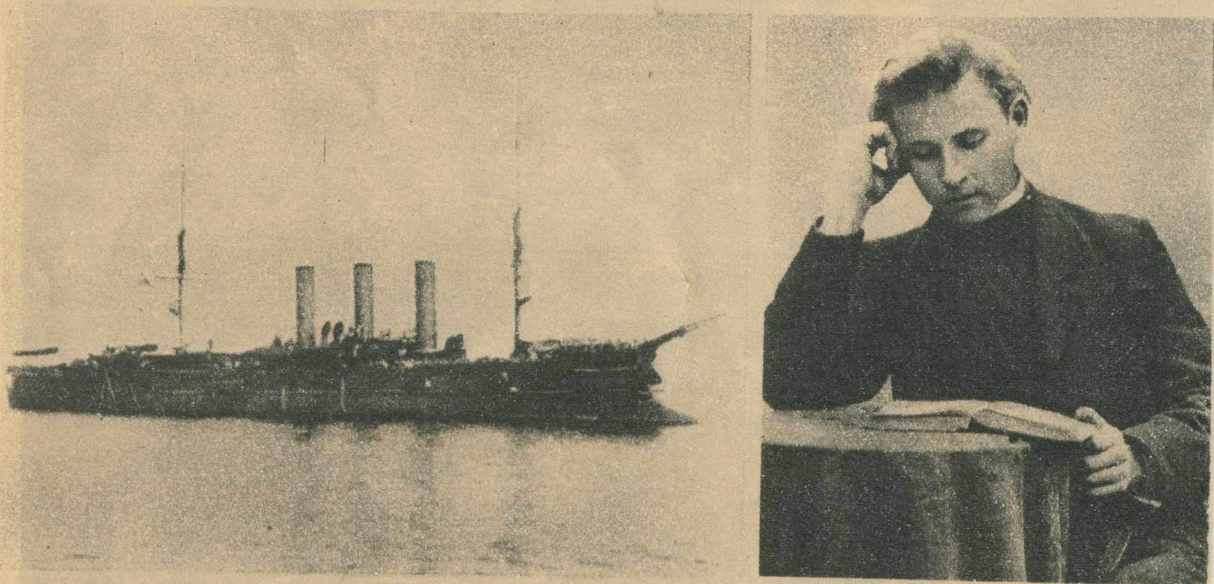
Девочка в белом...

Фото В. ОПОЛЬСКОЙ

К 80-ЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 ГОДОВ В РОССИИ

ИЗ ЮНОСТИ — НА ЭШАФОТ

Такого скопления народа улица Гоголя, пожалуй, не знала. Несмотря на проливной дождь, здесь собралось более полутора тысяч человек. Газета «Вечерняя Одесса» писала о том дне: «В нашем городе открыта мемориальная доска в честь организатора восстания на крейсере «Память Азова» Арсения Ивановича Коптюха. Доска установлена на здании школы № 43, где до революции находилась Надеждинская гимназия. Именно здесь родился и вырос Арсений Коптюх... Возле здания школы состоялся митинг, на котором присутствовали ветераны Балтийского и Черноморского флотов, представители общественности...»

Вот он, героический крейсер «Память Азова».

Арсений Коптюх.

Фото Яана Риета из фондов ЦТА КФФД ЭССР.

Арсений Коптюх родился в Одессе в марте 1886 года. Отец его был дворником в гимназии, мать зарабатывала стиркой белья. В семье росло трое детей — Арсений, Маша и Аня. Жили в подвале. Жилье своего детства мне показывала Анна Ивановна Попова, сестра Арсения. Ныне ее уже нет в живых.

Много лет я собирал материалы о том далеком времени. Казалось, их можно было найти лишь в государственных архивах да музеях. Ведь столько лет миновало! Ан нет! Люди не только сохранили в своей памяти образы участников тех бурных событий, штрихи времени, но донесли до нас документы, вещи, которые мы с волнением называем теперь реликвиями. Сейчас, когда страна отмечает 80-летие революции 1905—1907 годов в России, мне хочется рассказать о некоторых священных для нас предметах, вспомнить добрым словом тех, кто пронес их сквозь многие годы превратностей и лишений.

Передо мною пачка писем. На конвертах обратный адрес: Кировоградская область, г. Александрия, ул. Семашко, 22. Епистимия Ивановна Тараненко. Это невеста Арсения. С ней много лет, до самой ее смерти, вел я переписку, собирая по крупицам сведения о времени и Коптюхе. Жизнь ее сложилась трудно. Приведу выдержку из одного письма: «После смерти Арсения я очень много работала, училась, а потом пошла учительствовать в сельскую школу. Всю свою жизнь отдала школе и общественной работе среди крестьян (в городе стала работать только после изгнания отсюда гитлеровцев)».

До конца дней сохранила она светлую память о своем друге детства и юности, казненном в 1906 году, и сберегла два бесценных документа.

Впервые публикуемая фотография. Юный Коптюх — слесарь судостроительного завода в Николаеве. Но почему наш герой оказался в Николаеве?

В 1903 году Коптюх окончил Одесское ремесленное училище. Еще занимаясь в училище, юноша познакомился с революционером, жившим в городе под надзором полиции. Они подружились. Старший товарищ советовал Арсению, какие читать книги, а затем стал приобщать его к нелегальным листовкам, брошюрам. Товарищи же помогли ему устроиться по специальности в Николаеве на судостроительный завод, связали с подпольем. Здесь он и вступил в ленинскую партию.

Вскоре рабочие завода объявили забастовку. Коптюху поручили с группой товарищей пикетировать у ворот предприятия. Налетела полиция. Пикетчиков схватили. Арсению удалось из-под ареста бежать. Партийная организация направила его в Екатеринослав (Днепропетровск).

Едва Коптюх осмотрелся в Екатеринославе, как в городе началась всеобщая политическая забастовка. Возглавил ее ленинско-искровский комитет. Во время уличной демонстрации в столкновении с казаками Коптюх был ранен пикой в ногу. Его бросили в тюрьму. Рана не заживала. Тогда Арсения временно перевели в земскую больницу. Около его палаты дежурил жандарм. Декабрьским утром во время врачебного осмотра Коптюх, переодевшись в переданное с воли женское платье, покинул палату. Поиски беглеца ничего не дали: подпольщики переправили его за кордон.

Вернувшись в Россию с паспортом на имя Николая Ивановича Рязанова, он устроился слесарем на Невский механический завод в столице, вел пропагандистскую работу.

4 декабря 1904 года Коптюх вновь в руках полиции по обвинению в принадлежности к «Объединенной социал-демократической организации студентов города Санкт-Петербурга». При обыске у него нашли нелегальную литературу и револьвер. И вновь побег.

На воле узнал: Одесса бастует. С разрешения боевой организации петербургских большевиков Арсений спешит в родной город. А здесь начались аресты. Выжидая на конспиративной квартире удобный момент для отъезда, Коптюх познакомился с прибывшим из Швейцарии по заданию В. И. Ленина Михаилом Ивановичем Васильевым-Южиным. Им вместе удалось покинуть на пароходе Одессу в надежде встретиться с потемкинцами у кавказских берегов. В Новороссийске из газет они узнали, что броненосец «Потемкин» прибыл в румынский порт Констанца, где был интернирован.

Зимой Арсений Коптюх вел работу среди крестьян Александрийского уезда. Жил у родственников в селе Бандуровка. Перед приездом Арсений послал Епистимии, которая жила в тех местах, открытку. Держу ее в руках. Мелким четким почерком Арсения указана дата: «Октября 9 дня 905». Характерен для молодого революционера выбор открытки: репродукция популярной в ту пору картины художника-передвижника Богданова-Бельского «Устный счет. В народной школе». Арсений знал, что любимая девушка готовит себя к учительской работе в деревне.

Эта открытка — единственный сохранившийся автограф А. И. Коптюха. Если, конечно, не считать протоколов допросов охранки, под которыми ему приходилось расписываться.

Теперь настало время рассказать о главном революционном подвиге Арсения Ивановича Коптюха.

Летом 1906 года из Кронштадта в Ревель (Таллин) прибыла учебная эскадра, которую возглавлял крейсер «Память Азова». Примерно в те же дни в Ревель по заданию Петербургской военной большевистской организации приехал Арсений Коптюх. В подполье и среди балтийских матросов Коптюх был известен под псевдонимом Оскара Минеса. В Ревеле он повел активную работу среди рабочих, создал боевые дружины, установил связь с солдатами местного гарнизона и с большевиками «Памяти Азова».

Восстание на Балтике должно было начаться по условной телеграмме из Свеаборга — военно-морской крепости Гельсингфорса. Царские власти пронюхали неладное и отвели учебную эскадру в отдаленную бухту Папон-вик (Хара-лахт), чтобы оторвать матросов от ревельских рабочих. И тут неожиданно, задолго до предполагаемого срока, восстал Свеаборг. Нужно было действовать!

Коптюх тайно проник на крейсер, и ночью «Память Азова» оказался в руках восставших. На остальных кораблях эскадры офицеры сумели увести команды в лес, а корабли посадить на мель. «Память Азова», подняв красный флаг, взял курс на Ревель. Впервые в истории крупным кораблем командовал не офицер, а матрос. Им был Нефед Лобадин, сын крестьянина-бедняка из села Большая Садовка, что в глухом углу Пензенской губернии. Обязанности старшего офицера принял матрос А. Колодин. Он родился и вырос в селе неподалеку от Тамбова. Душой восстания стал представитель Ревельского комитета РСДРП Арсений Коптюх.

Преждевременное выступление балтийцев было жестоко подавлено в Свеаборге и Кронштадте. Та же участь постигла крейсер «Память Азова». При подавлении восстания погиб Н. Л. Лобадин. Арестованных революционеров предали военно-полевому суду. Восемнадцать человек были расстреляны. Среди них — А. И. Коптюх.

На месте казни в Таллине, на древней башне Длинный Герман, в 1956 году, в день 50-летия со дня восстания, установлена мемориальная доска. На берегу бухты Хара-лахт у поселка Локса возвышается памятник в честь революционных моряков.

Лет десять назад в эстонском городе Вильянди на чердаке старого дома две пожилые дочери давно умершего местного фотографа Яана Риета обнаружили ящик со стеклянными негативами. О своей находке они сообщили в Таллин. Приехали специалисты. И — удача! На одном негативе был опознан крейсер «Память Азова» в день восстания! Крейсер занимал позицию на Таллинском рейде в тот момент, когда мимо проходил только что покинувший Купеческую гавань пароход, беря курс на Гельсингфорс (Хельсинки). На палубе стоял с аппаратом на треноге Яан Риет, выискивая сюжет для съемки. Внимание фотографа привлек красавец-крейсер с облепившими его по борту махавшими и что-то задорно кричавшими матросами. И объектив запечатлел корабль, первым на Балтике повторивший революционный подвиг броненосца «Потемкин».

Б. КОТЕЛЬНИКОВ

Станислав КАЛИНИЧЕВ,
фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

Сумская линия

Трудовой коллектив: чувство хозяина

НА ГРЕБНЕ СОБЫТИЙ...

Сумские машиностроители гордятся тем, что в Березниках поставлен на пьедестал как памятник... их компрессор. Удивительна его история.

В годы первой пятилетки сумчане получили заказ на два гигантских по тому времени компрессора для производства аммиака. Подобные машины выпускала единственная в Европе фирма «Эрхард-Земмер» в Германии. Оттуда пригласили в Сумы консультантов. Один из них, специалист по литью, посмотрел, в каких условиях тут собираются выпускать сложнейшую технику (испортил две плавки), плюнул на все и уехал. По контракту он ни за что не отвечал, мог бы сидеть и получать свое — золотом. Но совесть не позволила быть причастным к явно безнадежной, по его мнению, затее. Иначе думали местные литейщики. Они добились нужного качества и сумели залить 4300 пудов чугуна. Сделали заготовку маховика, главного цилиндра, других многотонных деталей, сдали в обработку.

Весь завод жил этими заказами. Создавались «сквозные» и «буксирные» бригады, комсомольские отряды «легкой кавалерии»... Секретарь ЦК КП(б)У Постышев так писал наркому Орджоникидзе: «Как известно, это сложное оборудование до сих пор было импортным, и, таким образом, завод имени Фрунзе первый в стране положил основу для производства высококачественного оборудования для химической промышленности...».

А что творилось на заводе в те дни! Испытав себя на сложнейшем заказе, фрунзенцы поверили в новое дело. Они даже заводскую многотиражку «Молот» переименовали в... «Компрессор»!

Но самое удивительное произошло потом. Смонтированный в Березниках компрессор побил все рекорды надежности и долговечности. Он проработал в непрерывном производстве пятьдесят лет! Его не сдали в металлолом, а водрузили на пьедестал.

Без этого эпизода трудно было бы понять коллективный характер фрунзенцев. Сто лет исполнилось заводу, тут помнят бури пятого года, события Февральской и Великой Октябрьской революций. Что характерно — их вспоминают не как исторический фон, а и через известные факты из жизни работавших на заводе людей. Например, многие хорошо помнят кузнеца Григория Васильевича Чвертку, который проработал тут 70 лет и умер на 103-м году жизни. А где вы еще увидите знаки участника Февральской революции или особые — участника штурма Зимнего (именные, изготовленные в те далекие годы)? А тут в заводском музее они есть, и живы еще ветераны завода, носившие их...

Я что хочу сказать: сумские машиностроители всегда были на гребне масштабных, если хотите — мирового значения,— событий. Чем иначе объяснить непостижимый, казалось бы, факт. В двадцать первом году завод лежал в развалинах. И вот 67 рабочих, бывших фронтовиков-фрунзенцев, дали слово, что будут восстанавливать его бесплатно. Они трудились, не получая денег в заводской кассе, перебиваясь кое-какой натуроплатой за выполненные для села заказы, пока не восстановили основные цехи. К тому времени это был уже большой, объединенный одним стремлением коллектив.

К началу тридцатых годов завод стал флагманом нашего химического машиностроения. В ту пору здесь многое делалось впервые в стране, впервые в Европе. Но грянула война, и лучших своих товарищей фрунзенцы проводили на фронт, одиннадцать из них стали Героями Советского Союза. Оставшиеся в цехах в тяжелейших условиях эвакуации, располагая лишь частью своего оборудования, почти под открытым небом выпускали для фронта грозные гвардейские минометы «Катюши» и боеприпасы. И погибали тут как на фронте. В скорбном списке умерших в те дни есть и имя кадрового рабочего П. И. Недбайло. Впервые он пришел на завод в самом начале века, здесь получил рабочую закалку. Призванный на царскую службу, служил матросом на знаменитом «Потемкине». И когда летом 1905 года на броненосце вспыхнуло восстание, матрос Недбайло спас мятежный корабль... Он смело вступил в схватку с офицером Тоном, который пробрался к пороховому погребу, и предотвратил взрыв...

После революции Петр Ильич вернулся из эмиграции на родной завод, был ударником, в годы первых пятилеток его награждали грамотами заводского парткома и ЦИК СССР... Литейщик Недбайло в пору войны умер, как и многие его товарищи, от недоедания, перенапряжения, от того, что расходовал себя без остатка.

Не раз фрунзенцы оказывались в центре важнейших событий. Когда глава Белого дома наложил пресловутое эмбарго на поставку в Советский Союз оборудования для трансевропейского газопровода, сумские машиностроители приняли, как говорят, основной удар на себя. Вместо пяти агрегатов для газоперекачивающих станций они изготовили 55!

Вот без этой истории, мне кажется, трудно понять постоянную настроенность коллектива: «Если не мы, то кто же?!»

ЭКСПЕРИМЕНТ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Два года назад, когда начинался широкомасштабный экономический эксперимент на предприятиях нескольких министерств, сумчане следили за ним ревниво и... довольно критически. Оно и понятно: хозяйственный расчет в цехах объединения ведется не первый год, вошла в практику аттестация рабочих мест, внедрена бригадная форма организации труда. Они, как наиболее подготовленные, могли бы преуспеть в этом эксперименте.

Но в том-то и сказывается характер коллектива, что ему неинтересно повторять уже в основном пройденное. Через свое министерство фрунзенцы (как и «АвтоВАЗ») вышли с предложением углубить эксперимент, пойти дальше. Их предложения были обсуждены на самом высоком уровне и после необходимых поправок одобрены.

Чтобы понять суть этих нововведений, мне захотелось встретиться с главными «возмутителями спокойствия», которые не прельстились гарантированным успехом. (Объединение имени Фрунзе последние пятнадцать лет выполняло и перевыполняло годовые планы, которые ни разу не корректировались в сторону уменьшения!) Ведь среди тех, кто «искал бурю», наверняка были и главные, как говорится, закоперщики.

Прежде всего мне назвали Владимира Матвеевича Лукьяненко. Директора. Бывшего. Ныне он — министр химического и нефтяного машиностроения СССР. Называли Владимира Петровича Москаленко, доктора наук, заместителя директора по экономике. Он — не бывший, но, как и Лукьяненко, находится в Москве вот уже несколько месяцев. В командировке. В Сумах появляется наездом. Дело в том, что с будущего года намечено перевести все предприятия отрасли на условия, в которых ныне работают фрунзенцы. Естественно, что многие заводские «штабисты» переместились на время в министерские кабинеты и помогают там отрабатывать в деталях экономические «рецепты», которые будут прописаны всей отрасли.

— Что же это получается,— спросил я у секретаря парткома Н. П. Обозного,— за сумским опытом надо ехать в Москву?

— Не следует,— серьезно ответил Николай Петрович.—Одна из главных особенностей эксперимента в том, что он ориентирован прежде всего на человека. Перед тем, как решиться на этот шаг, мы все серьезно учились, проводили занятия с командирами производства, в цехах, бригадах. Занятия, можно сказать, были взаимными и довольно настойчивыми. Даже экзамены устраивали. Выборочно. На любом участке: в отделе, цехе — могли задать вопрос инженеру, мастеру, подсобнику.

Николай Петрович выждал паузу, чтобы дать возможность собеседнику осмыслить масштабы работы в многотысячном коллективе, а потом продолжил:

— Так что за нашим опытом, поскольку вы уже здесь, в Москву можете не ехать. Подойдите к любому токарю, слесарю, инженеру или технику — он все расскажет: и о своих задачах в эксперименте, и о своей роли в делах коллектива.

Полная отмобилизованность каждого исполнителя—это первая особенность сумского эксперимента, а его экономическая сущность в том, что крупное научно-производственное объединение перешло на полное самофинансирование.

Такое решение настолько просто, однозначно, не ограничено никакими условиями и оговорками, что вначале недоумеваешь: и это все? Да, все. Это значит, что огромное предприятие, не прибегая к помощи государства, из собственной прибыли оплачивает все расходы: зарплату и премии персоналу, за сырье и материалы, за внедрение новых технологий, модернизацию старого и закупку нового оборудования, строит жилье, базы отдыха, детские, медицинские учреждения...

Кроме того, с каждого рубля прибыли объединение отчисляет в государственный бюджет 27 копеек и 2 копейки — в распоряжение министерства. (Эти 27 копеек превратились в прошлом году в 16 миллионов рублей.)

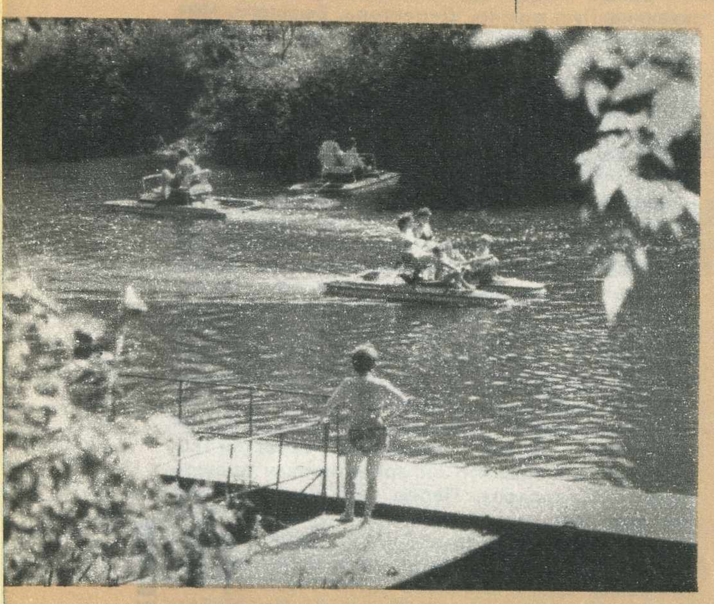
Как же обеспечить столь высокую прибыль?

Вот для этого и понадобилось обучение всего коллектива, точный и честный учет своих возможностей, большая смелость. Экономисты объединения решились заявить, что план— совсем не главный и весьма далекий от объективности показатель. Ориентироваться на план, который совершенно произвольно, одним росчерком пера может увеличиваться или уменьшаться,— значит работать вслепую.

Главное, как объяснили мне в цехах, не план, а норматив. По каждому цеху и участку подсчитаны возможности станков, транспортных средств, количество рабочих и их квали-

Столовая базы отдыха «Солнечная поляна».

На реке Псел можно хорошо отдохнуть.

«Кот в сапогах» пришел в Сумы.

Сад — для зимы и для лета.

фикация. Отсюда ясно, сколько и какой работы может выполнить этот участок или цех. Тут не придержишь лишний станок — его наличие сразу покажет рост нормативных возможностей. Точно так же на виду каждый рабочий.

В одном из цехов мне рассказывали, что, получив на месяц задание, которое явно ниже его нормативных возможностей, начальник цеха идет к соседу и просит: «Передайте мне часть вашей работы». И такое бывало!

— Теперь никто не выбивает себе план полегче,— объяснял мне начальник цеха Александр Иванович Лысенко. Его возможности обсчитаны, использовать их надо полностью, а больше сделаешь — больше получишь. В наших условиях бездельника просто некуда спрятать.

За два часа до нашего разговора на заводе появились заказчики из Черкасс. Просили внести кое-какие дополнения в заказ. В иное время... Да что теперь вспоминать! Руководство объединения отправило их прямо в цех, к моему собеседнику. А он свел их в бригаду, где выполняется заказ.

Когда мне удалось уяснить, почему главное не план, а норматив, то есть в какой мере используются истинные возможности людей и оборудования, начальник цеха А. И. Судник снова поставил меня в тупик. Он сказал, что есть кое-что и поважнее норматива, а именно — показатель своевременности выполнения работы. Одним словом — график.

ВИЖУ ЦЕЛЬ!

В объединении, по существу, нет склада готовой продукции. Не каждому работающему здесь удается увидеть изделия целиком, разве что — на фотографиях. Вот, скажем, крупный цех химического производства. Весь, до винтика, сделан здесь, а смонтирован за тысячу километров и занимает в готовом виде целый гектар или больше. Десятки таких цехов ушли из заводских ворот. Или взять колонну для производства гелия. Ее высота — сто метров, а внутри смонтировано 450 километров труб. На складе такое не уложишь.

Главный циркуляционный насос для атомной электростанции не имеет столь внушительных размеров. В цехах постоянно находятся несколько десятков его заготовок — «улиток». (Когда такая «улитка» плывет по цеху — стонут подкрановые балки.) Работа над каждой продолжается около двух лет. Такая продукция, естественно, не отлеживается на заводском складе.

— Я сверх задания не возьмусь делать деталь. Не могу,— популярно объяснял мне фрезеровщик Владимир Мазной.— Заказчик платит нам за готовую машину, и если к ней нужна всего одна такая деталь, то куда я дену вторую, лишнюю?

Выполнить досрочно прямое задание имеет смысл лишь в том случае, если ни один цех, ни один участок не отстанут от графика. Заказ, даже очень крупный, нельзя сдать, если к нему чего-то не хватает. Значит, за свою работу, если она не ушла к заказчику завершенным изделием, ничего не получишь. Будет выполнен полностью заказ — будет прибыль. В результате такой постановки дела в прошлом году производительность труда в объединении выросла на 13, а прибыль — на 32 процента!

Владимир Мазной руководит комсомольско-молодежной бригадой, в ней 28 человек, и каждый может работать на нескольких станках.

— Теперь любой из нас сам ищет мастера ОТК, чтобы сдать работу, мало того — не успокоится, пока деталь не уйдет по назначению. И за качеством следим очень строго. Требования самые жесткие: на каждую деталь — маршрутный лист, в нем указываются марка стали, номер плавки, другие данные... Даже на мелкой гаечке ставится специальное клеймо.

...Каждый эксперимент вызревает и проводится в привычном окружении ранее заведенных правил и инструкций. И вполне естественно — вступает с ними в противоречия. Поэтому, рассказывая о новаторах в экономике, мы чаще всего говорим о том, что им мешает. В Сумах картина несколько иная. Руководители объединения, с которыми нам довелось беседовать, ни на кого не сетовали! Конечно, соглашались они, есть некоторые неувязки, излишние ограничения, да только зачем их выносить на суд читателей? Есть в Москве Комиссия по всесоюзному экономическому эксперименту, она внимательно рассматривает все предложения фрунзенцев, оперативно решает их. «Иное, мол, дело, что мы и сами многое постигаем, начинаем видеть и подправлять».

Бригадир В. В. Мазной тоже, в общем, не в претензии к существующему положению вещей.

— Вот только бы пораньше нам выдавали месячное задание. Если мы снижаем плановые затраты, то половина сэкономленной суммы остается в бригаде. Зная наперед, что будем делать через неделю-другую, мы бы всей бригадой смогли все продумать, приготовить оснастку...

Фрезеровщик Мочалов дополнил рассуждения своего бригадира:

— А ремонтникам и наладчикам станков платить так: чем они больше сидят — тем больше... платить.

Столь оригинально высказанное суждение фрезеровщика поддержали и руководители цехов, и заводские экономисты, с которыми довелось беседовать. Проблема это общесоюзная. Для ремонта и отладки станков нужны рабочие высшей квалификации. Такому мастеру надо платить не за то, что у него всю смену руки по локоть в масле, а станок стоит... Он должен получать за то, что станок четко и безостановочно работает. А как этого добиться — мастер знает сам. Он и в перерыве погоняет станок на всех режимах, и отладит, и упредит поломку...

Это замечание рабочего об оплате труда ремонтников еще раз подчеркивает важную мысль: перевод многотысячного объединения на самофинансирование готовился через мобилизацию самосознания каждого... Мы знакомились с жилищным строительством, службами быта, заглядывали в заводскую поликлинику и детсадики, благополучие которых оплачивается все из той же прибыли. Но главное — везде встречали людей, которые убеждены (и вполне справедливо!), что ответственность за эксперимент лежит и на их плечах, распространяется и на их участок работы.

Так, на тихой и сонной речке Псел, недалеко от Сум, построена большая, утонувшая в цветах и зелени база отдыха «Солнечная поляна». Есть тут бассейн и зимний сад, современные корпуса и уединенные лесные домики, пляжи и лодочная станция. И все это — за 12 рублей на 12 дней.

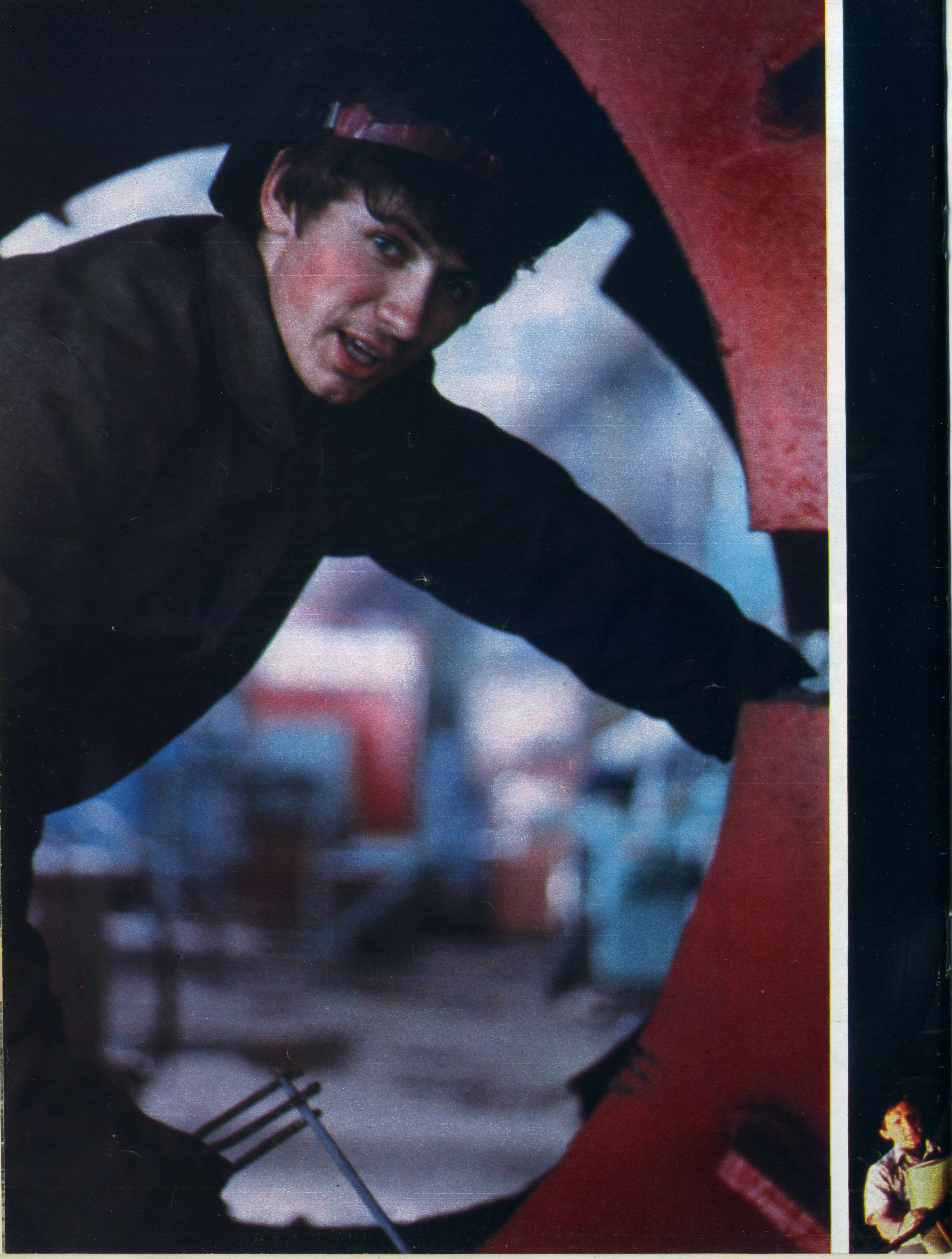
Там мы и встретились с заядлым рыбаком Юрием Дмитриевичем Карбовничим. Уже не один десяток лет работает он чистильщиком металла. Разговорились о снастях, о наживках, да хорошо ли клюет... Но едва он узнал, что мы интересуемся экономическим экспериментом, сразу переключился на дела заводские. Почему, мол, многотонную заготовку — «улитку» — приходится чистить да заливать раковины сварочными электродами долгие месяцы? Почему пороки литья иногда отнимают больше сил, чем вся дальнейшая обработка? Ведь давно опробован образец сварно-штампованной «улитки». Почему его до сих пор не утвердили, кто это не первый год избегает ответственного решения?

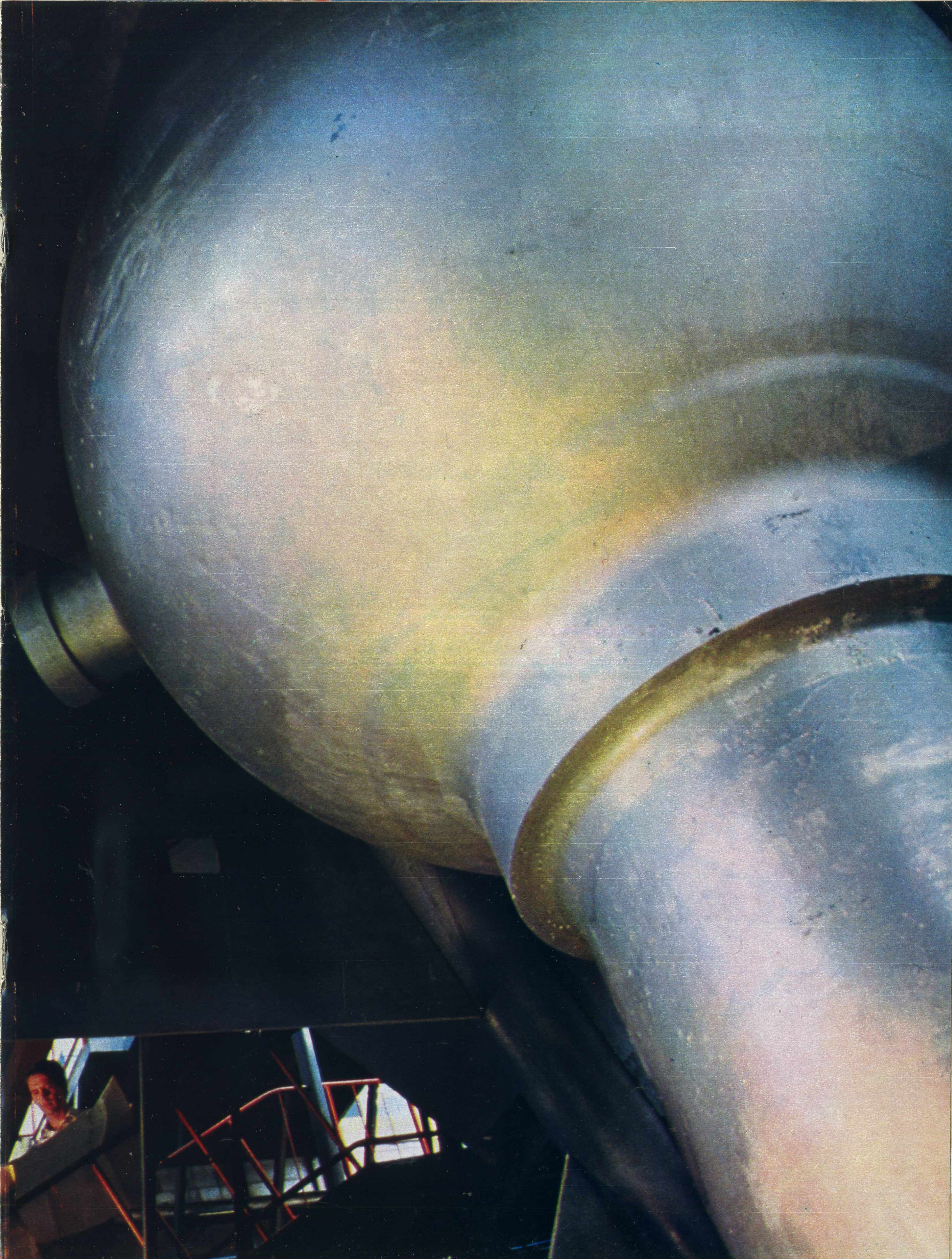
...Хорошие экономисты и опытные руководители готовили эксперимент в Сумах. Однако самая большая заслуга коллектива фрунзенцев мне видится в том, что каждый из нас с твердой уверенностью может сказать: «Вижу цель!» В этом видении цели, стремлении ее достичь — основа любого успеха.

Опускается вечер над Сумами * Парк «Сказка» интересен и детям, и взрослым.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Огонь и металл — профессия сварщика Артура Нейгебауэра * Испытание насоса-исполина.

СВОБОДА

Свет безымянной звезды

Нина КАТАЕВА

Облик актрисы. Как удивительно переменчив он может быть. Сквозь привычную сдержанность и возвышенность вдруг проглянет улыбка, полная лукавства, за обликом «нездешнего существа» проявится характер, не лишенный способности лицедействовать. Анастасия Вертинская — в кинозале нашего школьного отрочества эта актриса явилась Ассолью из «Алых парусов» и загадочной Гуттиэре из «Человека-амфибии», но сама актриса не любит вспоминать об этих работах, относя их к периоду «бессознательного творчества». Для нее начало — шекспировская Офелия в «Гамлете» и Лиза Болконская в «Войне и мире».

«...Ей дано больше прочих — лишь на другом языке» — так сказано у Александра Грина о первой киногероине Вертинской, но и сегодня, мне кажется, нельзя более точно определить суть большинства сценических и экранных ее созданий. Мало сказать, что они запоминаются одухотворенностью облика, иные действительно несут печать избранности, существуя как бы в особом мире, в лучах проникающего издалека, мерцающего света. В телефильме М. Козакова «Безымянная звезда» актриса и сыграла такую женщину — звезду, явившуюся однажды провинциальному учителю во всем блеске «той, нездешней» жизни.

Чем же так привлекает актриса? Неужели только внешностью? Конечно, это необычное лицо с чуть раскосыми удлиненными глазами притягивало. Но несомненно и то, что в самом начале творческого пути проявилась суть природы ее дарования. Неведомо как ей удавалось поселить в душах зрителей смятение: отчего, например, Офелия, столь гармоничное существо, никогда не будет счастлива?.. Отчетливо возникала тема несовершенства мира, в который приходит человек, столкновения гармонии и хаоса.

Творчество актрисы развивалось по непростым законам, сложен был ее путь «к собственной личности». Закончив театральное училище имени Щукина, она пробовала себя на сценах театров имени Пушкина, Вахтангова, прежде чем оказалась в труппе «Современника». Здесь нашла друзей и единомышленников, начала постигать тайны актерской профессии с помощью Олега Николаевича Ефремова. Молодая актриса с упорством отвоевывала право говорить со зрителем об «особом, своем». Далеко не всегда ей это удавалось. Но именно здесь осознала она театр как дом, лабораторию, мастерскую, где учатся «творить искусство», а предложения сниматься в кино расценивала как возможность продемонстрировать обретенное.

Сколько иронии звучало в сластолюбивой соблазнительнице Юленьке из гончаровской «Обыкновенной истории» или холодной, бесчувственной Принцессе из сказки Е. Шварца «Тень». А как убедительно она играет любовь в фильмах «Влюбленные» и «Случай с Полыниным». Ее героини — студентка Таня и актриса, выступающая с фронтовой бригадой на концерте, расцветают на глазах, и кто скажет, глядя на них, что творчество А. Вертинской не оптимистично?! И подлинно комедийное дарование открыл в юной Анастасии Георгий Данелия, снявший ее в ленте «Не горюй!».

Успех «Безымянной звезды», как она сама считает, пришел благодаря разнообразным ролям, сыгранным в «Современнике». Ее Мона и лирична, и забавна, и романтична, и отчасти порочна. Вертинская не превращает ее в блоковскую «Незнакомку», хотя такой соблазн был. Она находит в этой странной женщине теплоту и наполняет образ «звезды» человечностью.

В «Безымянной звезде» есть точный образ провинциальной учительницы мадам Ку-ку, под маской аскетки тщательно скрывающей желание найти наконец настоящую любовь, как у Моны.

Вот в этой точке, нет сомнения, пересекутся все, и «здешние», и «нездешние», героини Вертинской — и современницы, и те, что пришли на сцену и на экран со страниц романов. Джемма из «Овода», Лиза из «Живого трупа», Елена Андреевна из «Дяди Вани», Маргарет Чалмерс из «Кражи», Галина Петровна из «Случая с Полыниным».

Мы знаем, как по-разному ведет себя в жизни женщина, одержимая желанием любить и быть любимой. Если на героинь А. Вертинской посмотреть с этой точки зрения, то нельзя не отметить их умение вести себя с чувством собственного достоинства. «Искусство — это опыт личной жизни, рассказанный в образах, в ощущениях,— личный опыт, претендующий стать обобщением». По-моему, слова А. Н. Толстого в полной мере можно отнести к манере исполнения актрисы. Героиня Вертинской скорее предпочтет одиночество, чем позволит кому-то унизить себя. В этом нескончаемом разговоре о взаимоотношениях мужчины и женщины классика оказывается куда как современна.

Среди новых киноработ появляются отрицательные персонажи. Актриса сознательно выбирает их. Елизавета из фильма Леонида Пчёлкина «Династия Батыгиных», жена заводчика из дореволюционного Гусь-Хрустального, оказывается жертвой своих чувств. Герцогиня из «Дон-Кихота», смеющаяся над теми, кто верит в идеалы, терпит крах в поединке с несравненным идальго (советско-мексиканский многосерийный телефильм по роману Сервантеса снимает Реваз Чхеидзе). И подлинно гражданского звучания требует от актрисы образ королевы Морганы в ленте «Янки при дворе короля Артура», которую снимает по роману Марка Твена на киностудии имени Довженко Виктор Гресь. Очень актуально может прозвучать сегодня эта легенда — о попытке создания идеального правления в государстве, окончившейся из-за междоусобиц и раздоров бессмысленной всеобщей бойней.

Шесть лет назад Анастасия Вертинская перешла во МХАТ. Начался новый этап в творчестве. Олег Ефремов продолжает открывать ей мир чеховской драматургии, а в спектаклях Анатолия Эфроса она играет непривычные по пластике и остроте рисунка роли Эльмиры («Тартюф» Мольера) и Лизы Протасовой («Живой труп» Л. Толстого).

И здесь следовало бы сказать, что актриса великолепно чувствует себя в костюмах разных времен, умело носит самые пышные платья (например, в мольеровском «Тартюфе»), ее появление в кадре или на сцене — всегда образец подлинного вкуса, хорошего тона. Этим врожденным артистизмом, как и театральным воспитанием, не раз признавалась она в интервью, они с сестрой Марианной обязаны родителям Лидии и Александру Вертинским. Кому не известны песни их отца, а мать сестер — художница и актриса.

— Мне кажется, я очень хорошо понимаю отца,— говорит А. Вертинская.— Он был незаурядной личностью, поэтом прежде всего. Когда говорят о настоящих русских интеллигентах, я представляю своего отца. Он был добр, знал, что такое милосердие, верил в людей. По субботам в нашем доме за накрытым столом собирались актеры МХАТа — Названов, Грибов, Массальский, Яншин, композиторы Богословский, Фрадкин, приходил Константин Симонов. Говорили об искусстве, отец часто пел новые песни, вспоминал о тяжелом времени эмиграции. Это он приблизил нас с сестрой к искусству. Каким он был фантазером! Для меня в детстве «быть артистом» означало переживать разные забавные ситуации, о которых отец беспрестанно рассказывал, возвращаясь с гастролей.

Любимым животным в доме была у нас кошка, так вот, чаще всего у отца в разных поездках «происходили» будто бы встречи с... котами, которые приходили к нему на концерты, а потом в номере делились впечатлениями, даже делали критические замечания...

Вы знаете, я пишу пьесу о нем, это будут песни, стихи, диалоги, сцены из жизни артиста Вертинского, частично использую отрывки из его мемуаров, которые готовятся к изданию в издательстве «Искусство».

Из театральных ролей Вертинской особо хотелось бы сказать об одной. Помните, юная героиня ее, которой было «дано больше прочих — лишь на другом языке», всем своим существом вопрошала, отчего мир так несовершенен? И как можно в нем жить, если гибнет все лучшее, а худшее процветает?! Годы спустя она ответила на эти вопросы ролью Нины Заречной, сыгранной на сцене МХАТа.

Эта Нина Заречная исполнена светом веры на протяжении всего спектакля. Необычное ощущение оставляет сцена, где Нина, сломленная смертью ребенка и изменой Тригорина, убитая неудачами в творчестве, самой жизнью, полной грязи и пошлости, одиночеством, Нина, одетая в черное, знает, как она будет жить дальше. Сколько всего переплавилось в ее душе с тех пор, как белокрылой чайкой вспорхнула она на зеленый солнечный луг своего ослепления любовью. Прозрела, но не отказалась любить и верить. «Я верую!» — как заклинание, произносит она.

...Несмотря на столетие разительных перемен, осталась неизменной суть человека, стремящегося к совершенству, желающего прожить жизнь с пользой, не жалея себя, отдающегося работе, сжигающего на ней все свои силы, чтобы грядущие поколения «увидели небо в алмазах». Вот почему будет вечно современным Антон Павлович Чехов. Вот почему всегда будет привлекать, манить и актрис, и зрителей провинциальная девушка Нина Заречная, так по-смешному возмечтавшая стать великой актрисой. Анастасия Вертинская отдала этому образу всю боль современницы конца 70-х — начала 80-х годов нашего века. Отдала, не растеряв способности вот так лукаво и кокетливо улыбаться и готовности иронизировать над всем на свете, начиная, конечно, с самой себя.

Заслуженная артистка РСФСР Анастасия Вертинская.

Фото В. Плотникова

Сообщение собственного корреспондента «Огонька» Н. С. Храбровой было предельно конкретно — в Таллине у вдовы поэта Игоря Северянина Веры Борисовны Коренди хранятся его чудом уцелевшие автографы и книги. Вера Борисовна хотела бы передать их в один из государственных архивов. Но к этим материалам ищут подходы и частные коллекционеры. Будет очень жаль, если то, что осталось из творческого наследия Северянина, распылится по личным собраниям, станет недоступно даже исследователям...

Наталья Борисовна Волкова, директор крупнейшего советского Литературного архива — ЦГАЛИ, откликнулась на звонок из редакции незамедлительно: «Мы уже имеем хороший фонд Северянина, рады будем его пополнить. Завтра же наш сотрудник вылетает в Таллин и свяжется с корреспондентом журнала».

Игорь Северянин

Н. ХРАБРОВА

РОСА ОРАНЖЕВОГО ЧАСА

НЕЗАКОНЧЕННАЯ СТРОКА

Таллин, тихая улица Ярве. Мы с Ольгой Леонидовной Андриановой (в дальнейшем ввиду молодости просто Оля) пришли к Верляль. Оля — «хранительница правды» — так назвал Ираклий Андроников архивистов ЦГАЛИ. Работает она в отделе комплектования документов личного происхождения Главного литературного архива страны. Верляль — ласкательное имя худенькой, маленькой женщины. Она не любит говорить о своем возрасте, седые волосы по-старинному зачесывает на уши, и, если судить по старым фотографиям, с годами все хорошеет и хорошеет — есть у некоторых женщин такое свойство. На самом деле зовут ее Вера Борисовна Коренди. А Верляль — так называл ее муж, поэт Игорь Северянин. Сложил из Веры и домашнего Ляли, и получилось северянинское...

...Оля перебирает документы — автографы, рукописи, фотографии. Их немного, уже вскоре после войны Вера Борисовна передала в ЦГАЛИ основную часть из унаследованного ею, к тому времени тоже уже не полного архива Северянина. Теперь она раскрывает коричневый чемоданчик и протягивает Оле небольшие синие книги:

— Это сборники разных лет. Я так долго держала их у себя, потому что они мне дороги: Игорь Васильевич сам переплетал их.

Время от времени она рассказывает нам о поэте — то грустное, то смешное. Например, из разговоров Северянина с нянькой Марией Никифоровной Неупокоевой, которая, по словам Игоря Васильевича, жила в доме его родителей «всегда».

— Маша, а ты у Петра Великого служила?

— Служила-с. Они были очень высокого роста.

— А у Екатерины Второй?

— Служила-с. Они веселиться любили.

— А у Александра Второго?

— Служила-с...

Но в «порядковых номерах» Александров нянька Маша явно путалась, поэтому замолкала. Северянин и Мария Никифоровна затевали подобные разговоры, чтобы посмешить Веру Борисовну. И нянька не так уж проста была, как прикидывалась. Когда Лера, дочь Веры Борисовны и Игоря Васильевича, стала подрастать, нянька принесла ей из библиотеки стихи Кольцова и сказала:

— Пора, Валерия Игоревна, и за ум браться...

Рассказав это, Вера Борисовна скрещивает на коленях руки и замолкает печально. О творчестве Северянина, так же как и о личных отношениях, говорит неохотно:

— Творчество не объяснишь. Одно могу сказать: я не видела, чтобы он, бросив все, хватался за карандаш и бумагу. У него была хорошая память, работал за письменным столом спокойно.

Живется ей нелегко. Несколько лет назад умерла Валерия Игоревна, на руках Веры Борисовны остались двое внуков, она им мать заменила. Северянина ей не забыть, конечно. Да и характер у нее для нее же самой нелегкий — прямой и требовательный.

Я, пока Оля заканчивает предварительную опись, рассказываю Вере Борисовне, что однажды в детстве видела Северянина. Году в 1936-м в Нарве, где я тогда училась, пронесся слух, что Северянин будет выступать в Русском клубе. Билеты для учеников не были предусмотрены, мы пробрались в дом напротив, на третий этаж, и повисли из окон гроздьями, пытаясь всмотреться сверху вниз. Запомнилось: высокий рост, худощавость, длинное лицо под шапкой очень темных вьющихся волос, изящество движений и быстрые жесты длинных рук. И еще помнится: нарвская весна того года была для нас пропитана поэзией. Мы, три подружки, во главе со старшеклассником Аркадием после уроков шли через гущу Темного сада на высокий, петровских времен, бастион, шли, естественно, с честным намерением готовиться к экзаменам. В липовых аллеях стояли старинные скамейки. Мы садились лицом на север и молча глядели вдаль, не видя, конечно, ничего, кроме своей привычной, красивой реки Нарвы и клубящихся кустарников в болотистой низине за рекой. Дальше — казалось, бесконечно далеко, а на самом деле всего в ста пятидесяти километрах от нас — жил своей новой, непрестанно волнующей нас жизнью Ленинград. Очень близкий духовно и географически. И совершенно запретный: в соответствии с договором 1920 года была установлена между РСФСР и Эстонией новая граница, она отрезала маленький кусочек земли от России и прилепила его к буржуазной Эстонии. И мы, русские жители Нарвы и окрестных деревень, сделались как бы ничьи. Теперь по поздним стихам Северянина понимаю: в конце тридцатых годов, многое пережив и передумав, он тоже чувствовал себя ничьим. И как же эти поздние не похожи на ранние!

...Аркадий хорошо читал стихи. Мы молча слушали: «Красуйся, град Петров...» И вдруг — фейерверком, отчаянным противоречием:

...Стрекот аэропланов! беги автомобилей!
Ветропросвист экспрессов! крылолет буэров!
Кто-то здесь зацелован! там кого-то побили!
Ананасы в шампанском — это пульс вечеров!

Неприятие в тот момент было такое, что до сих пор помнится — не надо после Пушкина Северянина! Но Аркадий тут же прочел Пушкину посвященное:

Он — это чудное мгновенье,
Запечатленное в веках!
Он — воплощенье вдохновенья,
И перед ним бессилен прах...

«Воплощенье вдохновенья» — как хорошо о Пушкине! И еще из стихотворения «В блесткой тьме»:

...Я презираю вас пламенно,
тусклыя Ваши Сиятельства,
И, презирая, рассчитываю на
мировой резонанс!

Это в 1913 году написано—между двумя революциями. Блесткая тьма — какое точное название времени и образа жизни «сиятельств».

Вот такой разный, с давней, уже полузабытой славой поэт как-то безвестно жил рядом. Ловил рыбу, писал стихи, поэмы, воспоминания в стихах и прозе — многому так и не пришлось пока еще увидеть свет. Недавно в сборнике «Встречи с прошлым», выпущенном ЦГАЛИ в 1982 году, в очерке Е. Ю. Филькиной «Судьба поэта» прочла: первое стихотворение Северянина было опубликовано в 1905 году (поэту было восемнадцать), а потом его долго не печатали. Он умудрялся сам издавать маленькие книжечки и рассылал их для отзывов. Одну из них — «Интуитивные краски» — в 1910 году прочел Л. Толстой и отозвался о ней резко. Северянин пишет в своих воспоминаниях, что после

этого «...пресса подняла вой и дикое улюлюканье, чем и сделала меня сразу известным на всю страну...». Воспоминания эти написаны Северяниным в 1924 году в Эстонии.

Но как же он оказался в Эстонии?

Связи Лотарёвых (настоящая фамилия Северянина) с балтийским побережьем давние. Как упоминает поэт в своей автобиографической поэме о детстве «Роса оранжевого часа», изданной в Эстонии в 1925 году, его отец Василий Петрович Лотарёв был отдан на обучение «в далекий Ревель». Сам поэт вместе с матерью Натальей Степановной Шеншиной-Лотарёвой начиная с 1911 года летом жил в соседнем с Усть-Нарвой рыбачьем поселке Тойла. Чистый песчаный пляж, прямые и гулкие, как струны, корабельные сосны, прохладный ветер, покой притягивали петербуржцев.

В те годы Северянин был уже хорошо известен в России. О его творчестве спорили, его стихи читали, восхищались ими, бранили их. Даже такое было: в феврале 1918 года в Москве в Политехническом музее состоялись выборы «короля поэтов». Северянин и был избран оным королем. На второе место попал Маяковский, на третье — Бальмонт. Увенчанный лаврами, Северянин вернулся в Петроград, а оттуда весной, как обычно, вместе с матерью, уехал в Тойлу: бестревожней там было, можно было надеяться — отшумят ураганы, и снова в Петроград... Но и Нарва, и Тойла оказались на том, к буржуазной Эстонии прилепленном кусочке России. Наталья Степановна и похоронена на тойласком кладбище. А Игорь Васильевич женился на местной эстонке Фелиссе Круут, посвящал ей красивые стихи и жил в несколько эфемерной атмосфере увлечения эстонским эпосом, пейзажем; дружил с поэтами, переводил их — и вряд ли были у эстонской поэзии тех лет лучшие переводчики. Местные издательства после 1920 года еще добрый десяток лет пользовались русскими типографиями, шрифтами, желтоватой плотной бумагой. Эстонские поэты еще дышали русской поэзией. Северянина в Эстонии печатали, и немало: «Эстляндские поэзы» — 1919, «Вервэна» — 1920, «Миррелия» — 1922, «Роса оранжевого часа» — 1925, «Поэты Эстонии» — 1929, «Адриатика» — 1932. Постепенно русских изданий становилось все меньше. И Северянин стал меньше писать. Отрезок придуманной жизни с ананасами в шампанском, офиолеченным горизонтом дачного сиреневого моря, алоатласными туфельками ушел в прошлое. В настоящем было темное, большую часть года угрюмое море и невеселые мысли. О последнем сужу по только что прочитанным стихам тридцатых годов. Не заладилась семейная жизнь, трудно было начинать заново.

Вот строчки из его стихотворного письма к Вере Борисовне:

Не могу я жить, тебя печаля:
Не вместит греха такого грудь.
Откажись, пока не поздно, Ляля,
От меня. Забудь меня, забудь.

И еще одно письмо:

...О, девочка, постой, повремени:
Еще настанут радостные дни!
Как озера влекущая вода
Весной освободится ото льда,
Так мы избавимся от наших бед,
И будет нами жизни гимн пропет.
И скорбь уйдет из добрых глаз
твоих,
И будет целый мир для нас
двоих...

В конце концов они оказались вместе, жили то в Усть-Нарве, то снимали дома в окрестных деревушках. Жилось трудно. В письме к Рахманинову, хранящемся в архиве композитора в Нью-Йорке, есть горькое признание: «Я живу чудом, Сергей Васильевич, случайными даяниями. Они прекращаются, ибо люди уходят, а человеки не признают. Я живу в глухой деревне, на берегу очаровательной России, в маленькой бедной избушке с женой и дочерью». Дата — 23 января 1939 года.

Он ничего другого не умел делать — только писать стихи. И если бы одни материальные трудности! Оторванность от Родины ложилась на душу тяжелым горем... Может быть, точнее других передает состояние поэта стихотворение «Без нас».

От гордого чувства, чуть
странного
Бывает так горько подчас:
Россия построена заново
Не нами, другими, без нас...

Уж ладно ли, худо ль построена,
Однако построена все ж.
Сильна ты без нашего воина,
Не наши ты песни поешь.

И вот мы остались без родины,
И вид наш и жалок, и пуст.
Как будто бы белой смородины
Обглодан раскидистый куст.

Совсем простое стихотворение. И рифмы, и размер — все просто. И все вместе пронзительно. Поэт начал новые строки в поэзии и в жизни. Насколько они были полны боли в тридцатых годах, настолько засветились прежней северянинской жизнерадостностью и легкостью, ощущением весны, вишневого цвета в 1940-м, в год восстановления Советской власти в Эстонии, в год предстоящего возвращения на Родину.

Начались новые строки — и оборвались...

Игорь Северянин умер в оккупированном гитлеровцами Таллине в декабре 1941 года, так и не перешагнув границу из прошлого в будущее. Почему?

В первые дни войны он посылал письма и телеграммы в Ленинградское отделение Союза писателей — Николаю Тихонову, Всеволоду Рождественскому, просил помочь выехать. От Ленинграда до Усть-Нарвы, где он летом 1941 года жил с семьей, рукой подать. Машину за ним выслали. Вера Борисовна считает, что ее перехватили по дороге... Как бы то ни было, Северянин остался в Эстонии, к зиме семья переехала в Таллин, и в декабре первого военного года поэта не стало. Я видела у Веры Борисовны свидетельство о смерти, выданное какой-то из таллинских оккупационных административных контор. На бланке от руки по-эстонски написана причина смерти, в дословном переводе — «повреждение сердца». Однако у этого непрофессионального диагноза оказалось и второе, немедицинское значение. Многое узнав от Веры Борисовны, прочтя неизданное и малоизвестное, невольно приходишь к выводу: поэт умер не только от болезни сердца. И не оттого, что в доме было всего несколько картофелин — это еще не голод. В болезненном бессилии, в отчаянии от гитлеровского нашествия, казавшегося неотвратимым, он потерял веру в себя, надежду на возвращение в Россию.

Да, конечно, «повреждение сердца».

СЛОВОМ ОСТАНОВЛЕННОЕ СОЛНЦЕ

«Роса оранжевого часа»... Всего три слова. Но чувствуете, какое яркое взошло солнце, зажгло росу на чистых, высоких травах и как щедрый дар поэта осталось навсегда с вами?

Стихи Северянина образны, их воспринимаешь зрением, обонянием, осязанием. Мне с давних пор кажется, что от двух томиков, чудом уцелевших в войну и стоящих теперь на полке, пахнет сиренью. Стихи, тонкие и изысканные, похожи на полотна Врубеля, Серова, Бенуа...

«Роса оранжевого часа» — автобиографическая поэма о детстве, прошедшем в Вологодской губернии. Вспомнятся эти три слова — и всегда будут звучать для тебя три волшебные ноты: и о твоем детстве, и о твоих оранжевых часах восхода и заката. И о малой точке большой страны, где тебе посчастливилось родиться.

В «Росе оранжевого часа» поэт рассказывает о своей семье — разветвленном российском интеллигентном гнезде, которое дало нашей культуре четырех незаурядных людей — его самого, «поэта с открытой душой» (так сказал о нем Блок в дарственной надписи на книге «Ночные часы»); политического и государственного деятеля, полпреда СССР Александру Михайловну Коллонтай, в юности Шурочку Домонтович; солистку Мариинского театра Евгению Константиновну Мравину; Героя Социалистического Труда советского дирижера Евгения Александровича Мравинского. Может быть, и для них северная роса Вологодского края, где иногда они гостили летом, была источником вдохновения, как была она источником на редкость искристых ранних северянинских стихов.

Жаль, что мы мало знаем творчество Северянина. Изданный в 1975 году в малой серии «Библиотека поэта» сборник дает очень небольшое и не очень точное представление о его творчестве. Архивы Северянина разбросаны не только по разным городам, по разным хранилищам, но и по частным коллекциям. Кое-что родственники Фелиссы Круут после ее смерти передали в Тартуский литературный музей имени Ф. Крейцвальда. Это, пожалуй, пока самое удачливое место — там архивами Северянина занимается знаменитая кафедра русского языка и литературы Тартуского университета: можно ждать интересных и достоверных публикаций.

Однако задолго до литературоведов сказали свое слово архивисты ЦГАЛИ: сборник «Встречи с прошлым» с публикацией Е. Ю. Филькиной «Судьба поэта» вышел в свет в 1982 году, автор пользуется переданными В. Б. Коренди архивами. Е. Ю. Филькина приводит отрывки воспоминаний Северянина. Один называется «Беспечно путь свершая...». В нем Северянин пишет об «эгофутуризме». Воздерживаясь от оценок, примем к сведению то, что пишет сам поэт: «Лозунгами моего эгофутуризма были: 1. Душа — единственная истина. 2. Самоутверждение личности. 3. Поиски нового без отвергания старого. Осмысленные неологизмы. 6. Борьба со «стереотипами» и «заставками». 7. Разнообразие метров».

Любой язык, как правило, обогащается самым необходимым или бесспорным, «единственным». Такие неологизмы, как «лесофея», «лесосон», возможно, вовсе не войдут в нашу обиходную речь. Но поэтической речи они придают особый смысл, и звучность, и даже цвет — легкий, бело-зеленый. Северянинские неологизмы распахивают перед нами неограниченные возможности русского языка. А ему по природе свойственны словосочетания: например, причудские рыбаки, сроду не читавшие Северянина, испокон веков называют внутреннее течение в своем озере весьма, на мой взгляд, изящным словом «водобег», с ударением на первом слоге.

В руках у меня книжка «Creme des violettes», напечатанная в Эстонии в 1919 году издательством «Одамеес». В ней собраны стихи 1909—1918 годов. Послушаем:

«Я выпил грез фиалок фиалковый фиал», «И в омолненном дыме Вы сойдете на Землю,— мироздань я Колумб», «Блесткая аудитория, блеском ты зло отуманена», «Вмолнилась в комнату быстрей экспресса», «Осенний парк в цвету янтарно-алом», «Ночь, белой лилией провеяв, взлетает точно белый лебедь, так по-весеннему бела»...

Музыкальна ласковая мелодия слогов с повторяющейся буквой «л». Недаром Рахманинов и другие композиторы писали музыку на слова Северянина. Изящны и смелы повторы «фиалок фиалковый фиал», «белой, белый, бела», «блесткая, блеском». Необычные образы созданы из самых простых, любому воображению доступных вещей и явлений: из северной белой ночи, листьев осеннего парка, фиалок...

Стихи красивы. Даже преувеличенно красивы, чем и давали — и дают? — повод называть их «салонными». Излишняя красивость всегда мешала и мешает истинной красоте. Но надо помнить и о духе времени, о его влиянии на творческую личность. Об особенностях творческого почерка. И о том, что у каждого времени своя эстетическая мера. Возможно, переборчивое время скоро назовет пошлостью в литературе нарочито огрубленную речь и употребление в печати не очень печатных слов — то, что ныне некоторым литераторам кажется признаком хорошего тона.

Северянин любил море, озера, реки, водопады. В его стихах большая и малая водные стихии всегда в движении. Так же всегда в движении его поэзия — она каскадами неологизмов, ассонансов и диссонансов врывается в сознание,

Вера Борисовна Коренди. 1930-е годы.

ИГОРЬ СѢВЕРЯНИНЪ

АДРІАТИКА

ЛИРИКА

ИЗДАНІЕ АВТОРА

ЭСТОНІЯ НАРВА
1932

Сборник Игоря Северянина «Адриатика» с дарственной надписью поэта.

запоминается своей непохожестью. Один из его сборников называется «За струнной изгородью лиры». Там, за струнной изгородью, всегда свежо и все неповторимо.

В конце сборников он обычно предлагал библиографию. На последних страницах сборника «Creme des violettes» указано: за шесть лет, с 1913 по 1919 г., появилось в свет десять томов. Первый из них — «Громокипящий кубок» — переиздавался 10 раз! За пять лет — с 1913-го по 1918-й — Северянин побывал во многих городах России и выступил перед читателями 87 раз.

В сборнике «Адриатика» (1932) названы поездки в Париж, Берлин, Белград, Софию, Варшаву, Бухарест, Хельсинки. Он искал русскую аудиторию и выступал почти всюду, где осела русская эмиграция. Северянин оставил большое литературное наследие, его еще предстоит изучить. Жизнь его была деятельной.

16 мая 1987 года исполняется 100 лет со дня рождения поэта. В Таллине русская редакция издательства «Ээсти раамат» готовит сборник С. Исакова и Р. Крууса, в нем будет опубликовано 10 000 стихотворных строк и немного прозы Северянина. Актриса Государственного русского драматического театра ЭССР Софья Блюхер подготовила музыкально-поэтическую программу и уже около ста раз выступила в библиотеках, аудиториях обществ «Знание» и любителей книги, в заводских и шахтерских коллективах. В программу включены 47 стихотворений Северянина, письма, документы, а также произведения Рахманинова и Шостаковича.

Вере Борисовне пишут литераторы из Донецка и Днепропетровска, просят поделиться документами, написать им о Северянине. В разных концах страны стихийно возникает интерес к своеобразному, незаслуженно забытому творчеству Северянина. В этих случаях всегда следует опасаться профанации. А чтобы избежать ее, надо ведь издавать Северянина. Думают ли об этом сейчас, накануне его столетия, в центральных издательствах? Например, в «Художественной литературе», «Советском писателе»?

* * *

...Оля наконец разобрала документы и переплетенные Северяниным в синие обложки сборники, составила опись, передала ее Вере Борисовне. Наутро уже из Москвы позвонила: все довезла благополучно. Теперь она разбирает эту часть архива, может быть, подготовит публикацию в очередной выпуск «Встречи с прошлым».

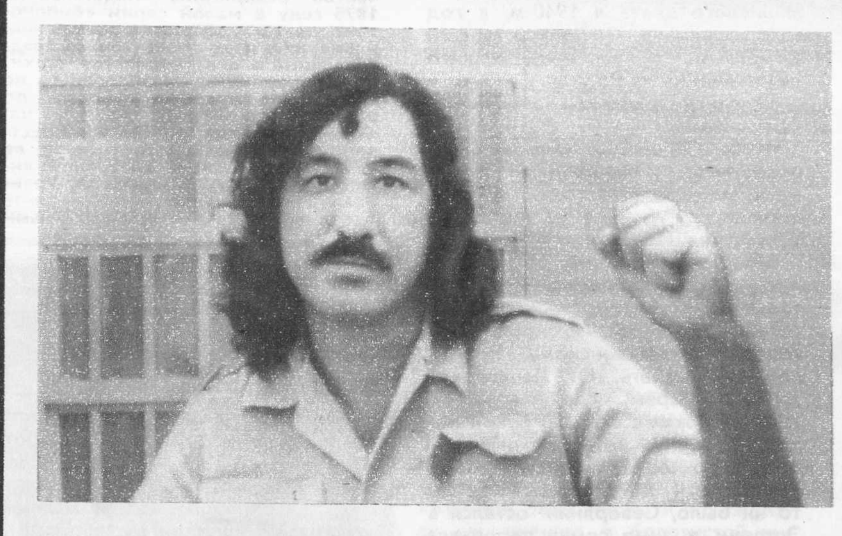
Я иногда навещаю Веру Борисовну. Она много читает, с ней интересно разговаривать.

Иногда прохожу мимо могилы Северянина на старинном таллинском Александро-Невском кладбище. Поэт похоронен в ограде Запольских, таллинских родственников Веры Борисовны, один из которых чуть ли не в петровские времена был садовником в Кадриорге. На могиле растет плотная декоративная кладбищенская трава, над травой чуть возвышается более чем скромная плита из эстонского известняка.

Таллин.

ЛЕОНАРД ПЕЛТИЕР: «АМЕРИКА—ЭТО НЕ ТО, ЧТО О НЕЙ ДУМАЮТ»

Уже десять лет, как томится в заключении Леонард Пелтиер — мужественный лидер американских индейцев, брошенный за решетку по обвинению в преступлении, которого не совершал. Об этом говорят и пишут во многих странах мира, но не в США, на его родине. В предлагаемом вниманию читателя очерке советский журналист рассказывает о посещении им тюремного госпиталя в г. Спрингфилд (штат Миссури), куда власти перевели Леонарда Пелтиера вскоре после проведенной им многодневной голодовки протеста.

* * *

Спрингфилд, штат Миссури. Американская глубинка. Около 200 тысяч жителей. Здание аэропорта, где приземлился наш самолет, чуть побольше продовольственного магазина средних размеров. У пункта выдачи багажа — надпись, вызывающая снисходительные улыбки у прибывших из больших городов: «Извините нас за наши запыленные автомобили». Оказывается, идет ремонт шоссе, ведущего к аэропорту от города.

По неистребимой репортерской привычке в аэропорту, а потом и в гостинице собираю весь доступный печатный материал о месте, куда прибыл, и о его окрестностях. В данном случае, поскольку я прилетел в Спрингфилд специально для встречи с известным вожаком американских индейцев Леонардом Пелтиером, меня, конечно же, в первую очередь интересует упоминание или описание того тюремного госпиталя, куда власти были вынуждены перевести мужественного борца после проведенной им почти двухмесячной голодовки протеста.

Однако названия «Медицинский центр Соединенных Штатов для федеральных заключенных» найти нигде не удается.

А если попробовать простое средство — такси? Шофер пойманного назавтра утром «кэбби», хотя и несколько поколебавшись, везет меня куда-то на одну из самых отдаленных окраин.

Наконец-то мы выезжаем на большую лужайку, и прямо перед нами — ощетинившееся забранными решеткой мрачными окнами-бойницами невысокое кирпичное здание. «А вот и то местечко, куда вы так стремились». Шоферу не слишком-то здесь нравится, и он спешит высадить меня и побыстрее убраться. Однако, когда до подъезда остается несколько десятков метров, с оставшейся справа сторожевой вышки нас окликает часовой. «Оружие, наркотики везете?» — кричит вооруженный до зубов охранник. Мы усиленно машем головами в разные стороны. «Проезжай!» Подкатываем к солидному подъезду. Десяток крутых ступеней наверху завершается массивной дверью. Вход осенен гербом США. Золоченые надписи разъясняют, что сие заведение принадлежит министерству юстиции США (в целом) и Федеральному бюро тюрем (в частности). Под стать двери — не менее массивные зарешеченные ставни на окнах. А сама дверь — из толстенного пуленепробиваемого стекла. И повсюду — тяжелые, выкрашенные мрачной масляной красной решетки.

Сидящая у входа в приемной секретарь, весьма учтивая дама средних лет, миссис Фортнер, обещает сразу же сообщить о прибытии советского журналиста одному из заместителей директора госпиталя, Полу Тейлору. Смотрю на часы. 8 утра. А вот и сам мистер Тейлор, внешность которого никак не вяжется с его профессией. Подтянутый, улыбающийся и загорелый, в сером с иголочки костюме. Ну, прямо преуспевающий маклер с Уолл-стрита.

Обменявшись приветствиями, мы подходим к дверям, которые ведут вовнутрь. Мистер Тейлор нажимает какие-то кнопки, что-то говорит в переговорное устройство, и через несколько секунд дверь, загудев, начинает тяжело уходить в стену. Шаг вперед — и мы в своеобразном тамбуре. Зарешеченная дверь возвращается на свое место. Опять манипуляции с кнопками — и вновь нас пропускает такая же дверь. На сей раз в тюремное чрево. Мистер Тейлор уже шагает по коридору, и отставать здесь от него мне совсем не хочется.

Сначала идем основным коридором, потом мой провожатый толкает плечом стальную дверь, мы опускаемся на пару этажей вниз и выходим в коридор с маленькими окошками под самым потолком. «Такими коридорами, на три четверти утопленными в землю, соединены все здания нашего комплекса»,— поясняет выступающий в роли экскурсовода мистер Тейлор. Наконец, последний коридор, ведущий в тупик. Его самая дальняя часть отделена дополнительным тамбуром с двумя решетчатыми дверями. Здесь нас уже поджидают двое вооруженных охранников. Меня приглашают в небольшую камеру, в которую прохожу сквозь дверь из листового железа, и еще одну из толстых стальных прутьев. В камере — небольшое оконце с двойной рамой, также забранное решеткой. В окошке вижу исхудалое, но улыбающееся лицо, знакомое по десяткам виденных ранее фотографий. Это Леонард Пелтиер.

Но как же мы будем общаться? Мне показывают на телефонную трубку. Другая трубка в руках у Леонарда.

— Господин Тейлор,— говорю,— я прилетел за тридевять земель, чтобы добраться сюда, а вы теперь предлагаете мне разговор по телефону?

Выслушав меня, заместитель начальника тюрьмы и двое охранников коротко совещаются и, видимо, без всякого удовольствия уступают.

По знаку одного из охранников Леонард встает. Пройдя через коридор, он появляется в камере, где я жду его. Мы крепко пожимаем друг другу руки. Видно, что Пелтиер волнуется, встречаясь с советским журналистом: кто знает, не озлобит ли эта встреча его тюремщиков еще больше?

Я задаю Леонарду много вопросов. Его ответы — это волнующий рассказ. Вот он с некоторыми сокращениями.

* * *

Я родился в резервации «Тертл маунтин» в Северной Дакоте. Отец — из племени чиппева, мать — сиу. Как в 99 процентах случаев, когда речь идет об индейских резервациях, «Тертл маунтин»—типичный образец страшной нищеты.

С ранних лет я принимал участие в выступлениях протеста против геноцида американского правительства в отношении коренных жителей Америки.

В резервациях люди живут в ужасающей нищете. Некоторые индейцы, не имеющие крыши над головой, спят под открытым небом. О системе медицинского обслуживания или о системе просвещения в резервациях не стоит даже упоминать, настолько плачевно их состояние. Если кто-то из ин-

дейцев покинул резервацию и приехал в соседний город, где живут преимущественно белые, то на него, как правило, совершается нападение. Часто нас просто убивают. А убийцу в суде пожурят и отпустят под честное слово.

В 1968 году группа индейских лидеров — Деннис Бэнкс, Вернон Беллекурт, Рассел Минс, Джордж Митчелл, Мэри Джейн Уилсон — положила начало «Движению американских индейцев». Их первая встреча состоялась в городе Миннеаполисе, штат Миннесота. Новая организация поставила своей целью бороться с жесточайшими нарушениями прав американских индейцев, за прекращение геноцида. Она требовала от правительства США соблюдать договоры, некогда заключенные с индейскими племенами. До 1971 года я входил в состав ряда индейских организаций, а позже примкнул к движению.

Американские власти всегда стремились подавить борьбу индейцев за свои права. А после нашего выступления в 1972 году на нас обрушились репрессии. Началась целая серия убийств наших лидеров, а также тех, кто мог в ближайшее время выдвинуться в лидеры. Чем все это обернулось для меня и моих товарищей? Педро Биссонет был убит выстрелом в живот. Многие другие индейские вожаки, активисты и рядовые члены движения были также убиты. В Рассела Минса стреляли дважды.

Если не удавалось добиться физического устранения, прибегали к другому методу: фабриковали дело по обвинению в совершении какого-либо преступления. Так ни в чем не виноватые становились виновными.

Подобная тактика была применена и против меня. Меня обвинили в убийстве двух агентов ФБР. Я никого не убивал. Все «дело» против меня было сфабриковано от начала и до конца. Организаторы процесса ссылались, в частности, на утверждения одной индианки, Миртл Пор Беар, которая якобы видела, как я убивал агентов ФБР. Однако впоследствии она сама отказалась от своих показаний и признала, что эти «свидетельства» были вырваны у нее при помощи грубого шантажа, запугиваний и угроз со стороны представителей властей. Агенты обрабатывали ее в течение длительного времени, накачивали психотропными химическими препаратами. Мои адвокаты попытались представить факты на судебном процессе и тем самым доказать, что правительственные органы повинны в фабрикации всего «дела». Но суд игнорировал эти факты. Да и сам судья был причастен к организации всего этого грязного, противозаконного «дела».

Я стал объектом преследований только потому, что власти хотели лишить меня возможности продолжать выступать за права моего народа. Они давно вели дело к тому, чтобы обезглавить «Движение американских индейцев». Это движение было одной из самых боевых организаций в США, и мы добились немалых успехов. Нас прекрасно знали те, кто жил в резервациях. Мы пользовались огромной популярностью среди индейского населения. Внимание нам вынуждена была уделять даже большая пресса. Организация насчитывала тысячи членов. Мы требовали соблюдения заключенных с индейскими племенами договоров, прекращения преследований и травли.

Спрашиваю Леонарда:

— Каковы были причины объявления вами голодовки? Есть ли основания под утверждениями многих американских газет насчет того, что это была не голодовка, а просто религиозный пост?

— В тюрьме Марион, штат Иллинойс,— рассказывает Пелтиер,— мои права нарушали постоянно. В том числе и религиозные. В частности, мне запретили встречи с духовным наставником моего племени, запретили встречаться с представителями моего народа и проводить краткие религиозные молебны. Однако это далеко не самое главное. Основное в том, что заключенных там регулярно бьют. За малейшую провинность, а иногда и без всякой провинности. Я чувствовал, что у меня нет другой возможности выразить свое возмущение, кроме как объявить голодовку. Конечно же, это была акция протеста.

— Избивали ли лично вас?

— Да! Однажды мне совершенно не хотелось есть, а заключенный в соседней камере был голоден. Тогда я передал ему свои бутерброды. Меня схватили и избили. Били по рукам и по ребрам.

— Вы, кажется, проводили голодовки и ранее?

— Да. Однажды я голодал тридцать один день. Это было в декабре 1983 года.

Ссылаясь на слова адвокатов Пелтиера, спрашиваю, есть ли основания опасаться за его жизнь в тюрьме.

— Меня неоднократно пытались убить,— свидетельствует Леонард.— При этом предпринимаются попытки подослать ко мне самых отъявленных убийц, закоренелых преступников. За расправу со мной тюремщики обещают им предоставление различных привилегий, вплоть до того, что они будут отпущены на свободу под честное слово. Короче, я все время вынужден быть начеку. Поскольку я был очень популярен среди моих товарищей по камере в Марионе, я рассказал им об этой угрозе. Они ответили: не волнуйся, Леонард, мы все встанем на твою защиту.

— Вас держат в одиночке? Расскажите о том, что такое «дыра».

— «Дыра» — это одно из названий одиночки. Это — крошечное помещение. В нем едва можно повернуться. Естественно, что поговорить совершенно не с кем. Содержание в одиночке — одна из форм воздействия на психику заключенного. В общей сложности я провел в одиночке около четырех лет.

Напомнив, что несколько лет назад Эндрю Янг, тогдашний постоянный представитель США при ООН, сказал, что в Америке есть сотни, а может быть, тысячи политических заключенных, я спросил:

— Считаете ли вы себя таковым?

— Безусловно. Собственно, политзаключенным считает меня и мой народ.

— А знаете ли вы о других политзаключенных, например, в Марионе, где вы провели так много времени? Знакомы ли вы с ними?

— В Марионе много политзаключенных. Возьмите, к примеру, членов организации «Черная армия освобождения». Или одного из негритянских активистов по имени Кларк Скуайер. Еще пример — один из лидеров движения за освобождение Пуэрто-Рико из-под американского неоколониального гнета, Кансель Рафаэль Миранда.

Я сказал Леонарду, что мне доводилось дважды встречаться и беседовать с Мирандой, он показывал страшные шрамы на теле — следы избиений.

— Миранда — очень мягкий, добрый человек,— говорит Пелтиер и мрачнеет.— А они просто фашисты, свиньи...— Леонард переходит на полушепот.— Чего они только не делают с людьми! Вы даже представить себе не можете. Накачивают наркотиками! Бьют дубинками! Приковывают к кроватям цепями и обливают нечистотами! И все это происходит в том самом блоке, где мы с вами сейчас находимся. В десятом блоке. Делается все, чтобы унизить узников, растоптать их человеческое достоинство, сломить дух. Это настоящие садисты. Многие из них хуже тех заключенных, которые являются закоренелыми убийцами. Нечто подобное происходит во всем заведении, но особенно «славен» этим блок номер 10. В целом это типично как для тюремной системы штатов, так и для федеральной системы тюрем в масштабах всей страны. Вы только посмотрите, что происходит на Юге, в Алабаме, к примеру! Там заключенных сплошь и рядом просто зверски убивают, а трупы закапывают. Словом, Америка — это совсем не то, что многие думают о ней...

— Но если взять американские газеты,— говорю я,— то может сложиться впечатление, что на белом свете есть только одна «империя зла» и что это средоточие зла — Советский Союз. А настоящая демократия есть только в Соединенных Штатах...

— Да, это то, о чем все время твердят в Америке,— с горечью говорит Пелтиер.— То, чему учат в американской школе. Русские, красные, коммунисты — это зло, вдалбливают в наши головы. И каждый раз, когда мы, бесправные и угнетенные, организуем выступление в защиту своих прав, нас сразу спешат объявить коммунистами... Американское правительство уверяет, что людям в коммунистических странах плохо. Но мы-то знаем, каково положение в самих США. Тысячи и тысячи людей спят на улицах, поскольку не имеют дома. Нам говорят: с безработицей стало полегче. Но это неправда. Лишь кое-кто получает работу, да и то в основном непостоянную. Квалифицированные рабочие вынуждены идти в поденщики. Получают работу — и лишаются ее через два-три дня. А администрация США продолжает массированное наступление на права индейцев, негров, других национальных меньшинств, бедняков, престарелых, безработных и бездомных. А как в нашей хваленой стране поступают со стариками — на это же невозможно смотреть без отвращения. Пожилые и старики... Они никому не нужны.

— Есть ли хоть какие-нибудь шансы на пересмотр вашего дела и — в перспективе — на освобождение?

— Существует много документов, на основании которых было бы очень легко установить и доказать в суде мою невиновность,— говорит Пелтиер.— К примеру, известно и доказано, что агенты, убийство которых приписывают мне, погибли от выстрелов из оружия разного калибра, и к тому же большего, чем калибр найденного у меня ружья. Однако устроители судебного процесса наняли лос-анджелесского врача, доктора Томаса Ногучи, и заплатили ему 40 тысяч долларов только за то, чтобы он заявил в суде, что роковые выстрелы произведены из одной крупнокалиберной винтовки. Документы, свидетельствующие об этом подлоге, имеются, но они конфискованы ФБР и отнесены к числу тех шести тысяч (!) документов, которые по-прежнему охранка отказывается рассекретить и предать огласке. Есть документы о том, как организаторы судебного процесса надо мной встречались с судьями из апелляционных судов. С Уильямом Уэбстером, к примеру, который был тогда судьей в восьмом апелляционном суде. Ему конфиденциально сказали: «Если вы закроете глаза на многое в этом процессе, мы поможем вам стать директором ФБР». Конечная роль его в процессе неясна. Но вот директором ФБР он и в самом деле стал... Короче, если бы удалось получить все эти документы и добиться повторного судебного процесса, несомненно, я был бы оправдан. Если бы это был действительно справедливый процесс — в соответствии даже с американскими законами и конституцией США,— меня должны были бы оправдать и выпустить на свободу. Думаю, что во многом могла бы помочь ООН, куда индейские организации, в частности Международный совет индейских договоров, постоянно направляют петиции. Очень помогают и обращения народов и правительств других стран, простых граждан.

— У нас в стране много пишут о вас,— говорю я Леонарду.— Что бы вы хотели передать советским людям?

— Прежде всего я хотел бы поблагодарить вас за ту поддержку, которую вы мне оказываете, за ту широкую кампанию солидарности, которую ведут советские люди, добиваясь моего освобождения. Мы благодарны вам за то, что вы протягиваете нам руку дружбы. Это поддержка и помощь не только мне, но и борьбе всех американских индейцев в целом.

Разговор заходит о сложившейся на планете крайне напряженной обстановке, об угрозе ядерной войны.

— В этом,— говорит Леонард,— виноваты наша администрация, милитаристский курс. Мы находимся сейчас на очень опасном этапе развития. Угроза уничтожения нависла над всем миром. Мне известно, какую борьбу за мир ведет Советский Союз. Пусть торжествуют на Земле мир, дружба и справедливость!

...Фотографирую Леонарда. Затем ставлю камеру на «автомат» и подхожу к Пелтиеру. Леонард стискивает мне руку в крепком, боевом рукопожатии. Вспышка! Это и в самом деле фото на долгую память.

Прощаемся. Еще раз жмем друг другу руки.

— Спасибо и всего вам доброго, Леонард.

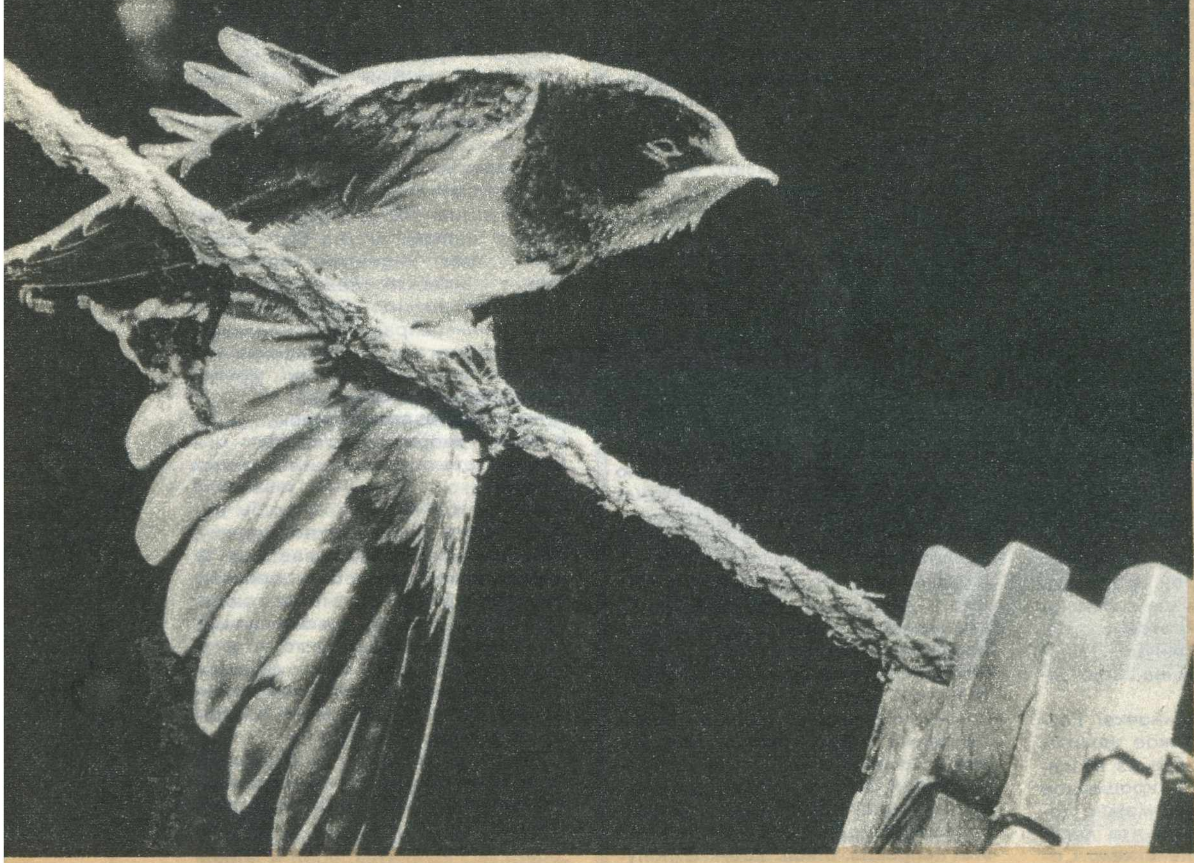
Леонарда уводят. Смотрю ему вслед и слышу щелчки автоматических замков решетчатых дверей...

Евгений МЕНКЕС

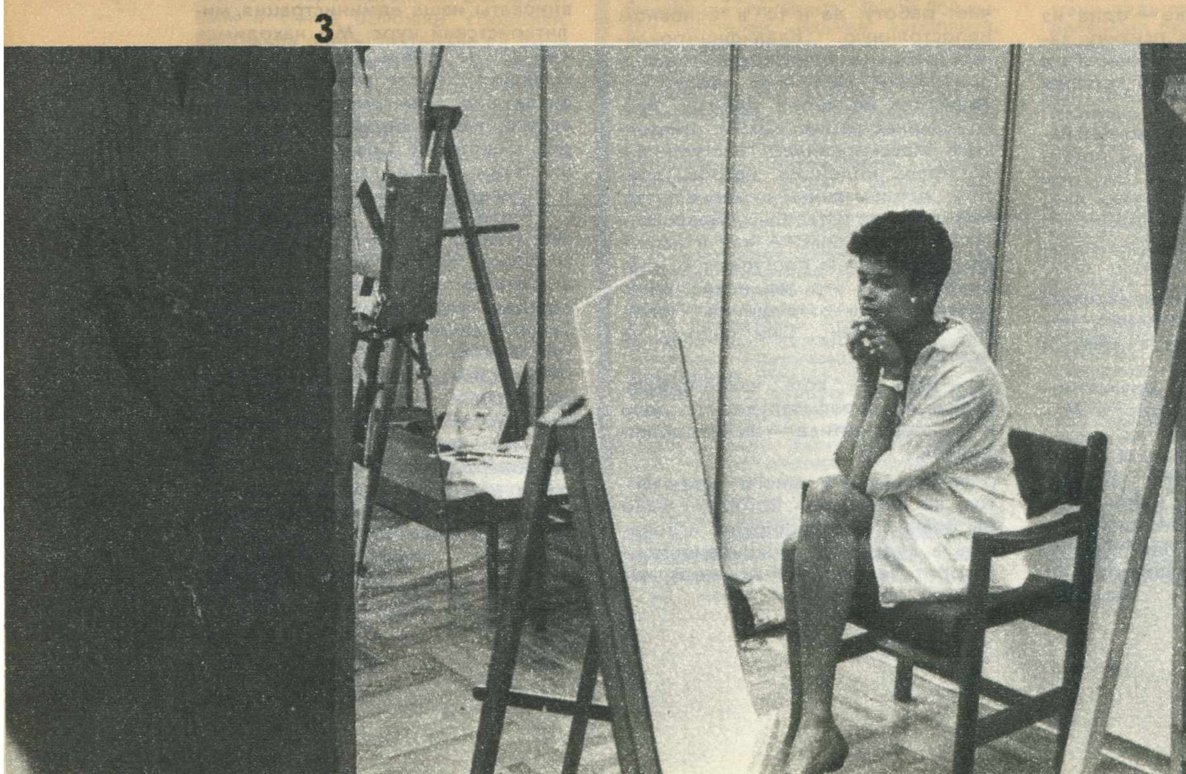

1

2

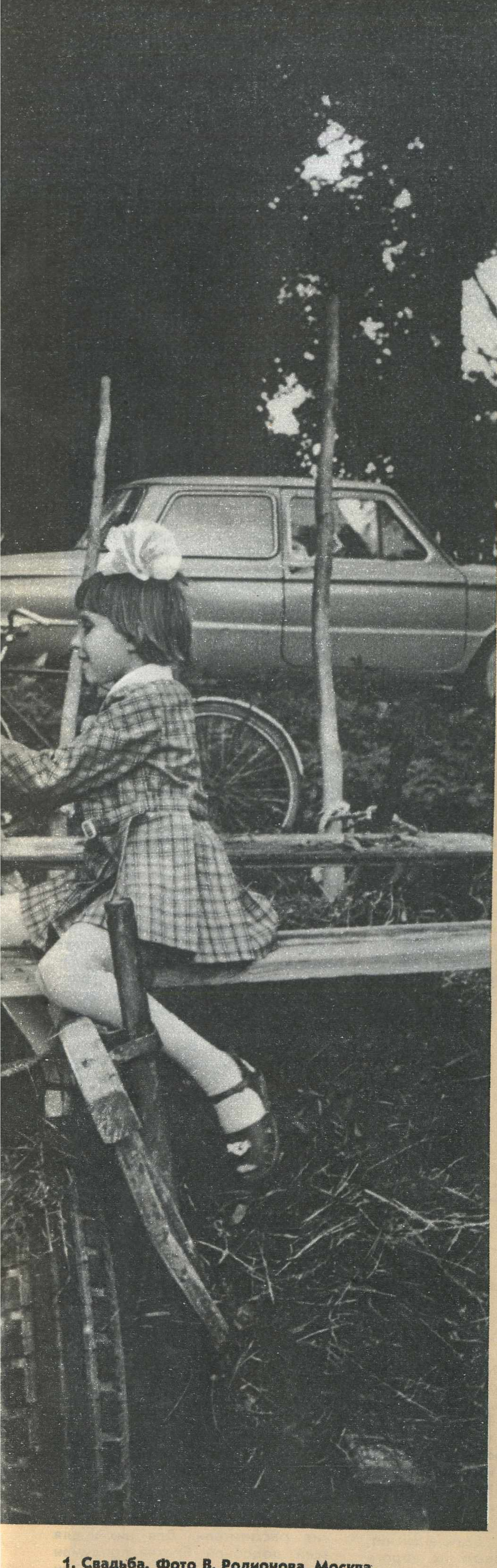
3

4

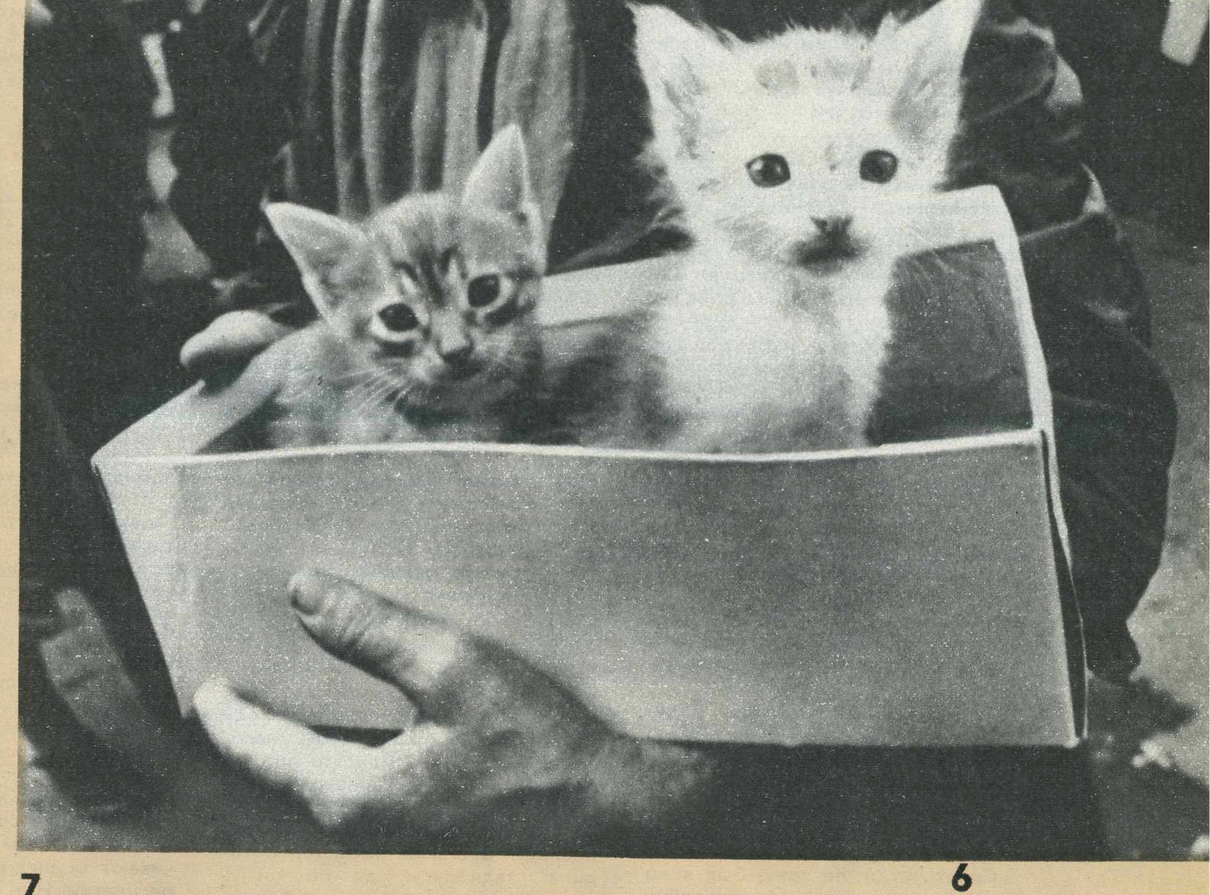

ВЕРНИСАЖ «ОГОНЬКА»

5

7 6

1. Свадьба. Фото В. Родионова. Москва.

2. Первая проба крыльев. Фото А. Бурьбо. Белгород.

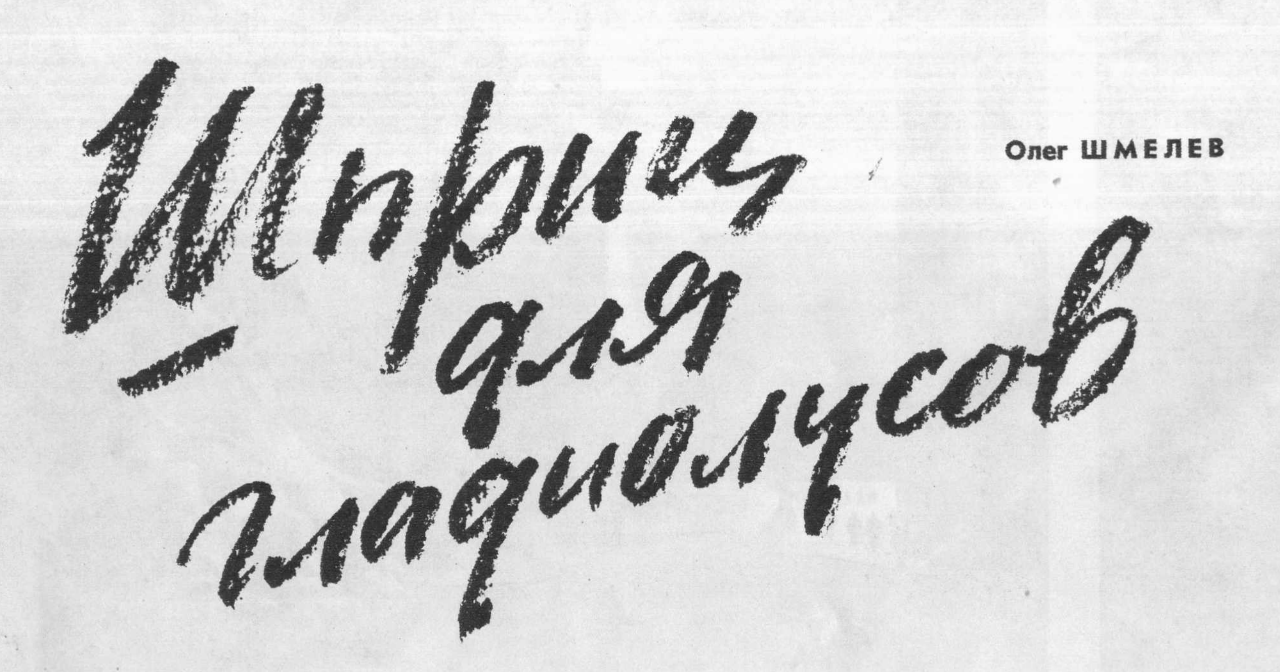
3. Из серии «Художник и модель». Фото В. Великжанина. Москва.

4. Цветение. Фото Р. Ракаускаса. Вильнюс.

5. Эрмитаж. Фото Б. Игнатовича. Москва.

6. Близнецы. Фото Б. Кремера. Москва.

7. Флейтист. Фото Г. Макарычева. Москва.

Шприц для гладиолусов

Олег ШМЕЛЕВ

Опаздывать не хотелось, а надо было еще купить цветы, поэтому я взял такси и сказал водителю, что поедем на Центральный рынок, а потом и дальше. Захлопнув дверцу, я покосился на его руки — они обращали на себя внимание. Толстые круглые пальцы были в ярких трехцветных разводах каких-то неестественных — анилиновых, что ли,— колеров: ядовито-малинового, пронзительно-голубого и лимонного. Краски казались не наложенными поверх, а были как бы уже свойством самой кожи, вроде татуировки. Подняв взгляд выше, я увидел лицо человека, которому порядочно за пятьдесят и который в данный момент чем-то глубоко огорчен. Поскольку таксисты — народ восприимчивый и отчасти нервный, можно было предположить, что мои косые взгляды запеленгованы и, вероятно, не одобрены. Чтобы исправить положение, я сказал первую ерунду, какая навернулась на язык:

— Бежит время... У друга на свадьбе, кажется, еще вчера гулял, а сегодня вот на серебряную позвали.

— Бывает,— согласился водитель и, погодив, хмуро поинтересовался:— За цветами?

— Да.

С полкилометра ехали молча, а потом он сказал:

— Гладиолусы не покупай.

Совет, судя по тону, был явно квалифицированный, но несколько неожиданный.

— Вообще-то розы нужны,— сказал я, поглядев в его визитную карточку, выставленную на приборной панели.— А почему вы против гладиолусов, Алексей Иваныч?

Он поиграл на баранке своими разноцветными пальцами.

— Там моя жена торгует.

— Гладиолусами?— догадался я.

— А чем же...

Вопрос запутывался, однако разъяснений приходилось только ждать, потому что было совершенно непонятно, в каком направлении спрашивать.

Помолчав, Алексей Иванович опять побарабанил пальцами и сказал так, словно отвечал на мой косой взгляд:

— А почему у меня руки вот такие, а, как думаешь?

Я пожал плечами.

— А потому,— отвечал он.— До семи утра цветочки красил.

— Бумажные? Искусственные?

— Почему искусственные? Самые натуральные... Прямо с грядки.

В его голосе звучали и горечь, и сарказм, и даже разочарование. Это была речь человека, разуверившегося в чем-то для него очень важном. И все это исторглось из глубины души по поводу пальцев, с которых не отмыта анилиновая краска. Трагизм тона вызывал мысль о несоответствии.

— Зачем же красить живые цветы?— спросил я.

— Дороже идут.— Алексей Иванович посмотрел на меня и переменил тему.— Курево есть?

Я дал ему пачку вместе со спичками.

— Полгода бросил,— сказал он, взяв сигарету.— Боюсь, голова закружится, перестоять бы минут пять. Не против?

Он прижал машину к тротуару, и мы закурили. И вот что рассказал Алексей Иванович.

Первая жена его умерла два года назад. Дети, сын и дочь, давно уже взрослые, сами семейные, живут отдельно. В прошлом году соседка сосватала ему свою знакомую, женщину пятидесяти лет, но еще в полном соку. У него есть садовый участок, а она оказалась большим земледельцем. Задумала развести цветы на продажу, посадила гладиолусы, да промахнулась — попались ей одни белые. Привезла из города шприц и краски и заставила красить. Ей самой нельзя — краска почти несмываемая, покупатели увидят руки — догадаться могут. Дело же простое: срезаешь, втыкаешь иглу в торец стебля и давишь на поршень. Медленно давишь, с терпением, но как ни берегись, а все равно измажешься.

И закончил свой рассказ Алексей Иванович с той же горечью, как и начал:

— Чертова баба, достала меня. Червонец везешь — мало, пятиалтынный — мало.

Было ясно, что в своем отношении к новой жене он начал переходить от частного к общему, но это, вероятно, жизнь ему не облегчало. От его рассказа сделалось и тошно, и тошнотно, как бывает, когда вместе с ягодой земляники нечаянно сунешь в рот лесного клопа. Я спросил:

— А розы можно красить?

Он ответил с каким-то злорадным торжеством:

— Черта с два! У них же ветка деревянная.

На рынке в цветочных рядах, купив розы, я отыскал гладиолусы, которые окрасил водитель такси Алексей Иванович. Их легко было узнать, хотя нежная живая ткань цветов смягчила и облагородила анилиновую грубость тонов, закрепленную на его пальцах. Они стояли в ведре. Другое ведро было пустое. Торговала ими немолодая, но очень моложавая полногрудая женщина со строгими серыми глазами, миловидная. На щеках ее цвел натуральный румянец. Держалась она с большим достоинством.

Крашеные гладиолусы, конечно, не могут разрушить веру в человечество, но появляется какая-то оскомина души. Не хочется верить, что кто-то способен ради лишних копеек накачивать химией живые цветы. Однако берет за горло трезвое соображение: ей-то, этой даме со шприцем, в высшей степени наплевать на эстетические, так сказать, запросы покупателей, ее интересует только их карман. Она, положим, «нетипична», но куда же от нее денешься — вон она стоит, торгует, и наивные простаки охотно переплачивают за анилиново-экзотическую расцветку. Нет, с таким видением невозможно мириться — надо выбросить эту оголтелую торговку из головы!

Но это не так-то легко. Неистребимый образ возникает всякий раз, когда слышишь о мелких обманах и пакостях. В столовой, скажем, едоки обнаружили в сметане нерастертый творог, к тому же сметана, по всей видимости, разведена молоком. Виновных обнаружить вряд ли удастся. Говорят, сметану именно такого состава получили с базы — значит, «баловали» ее где-то по дороге от молокозавода до столовой. Сверх того, среди едоков нашелся защитник: «И вообще чего вы ерепенитесь? Подумаешь, творог и молоко добавили — все ведь из-под коровы. Скажите спасибо, что не вода...». Или при покупке двух килограммов апельсинов гражданина обвешивают на двести граммов. Ну и что? Доброхот из очереди еще и стыдит обвешенного: «Подумаешь! Не на полкило же...»

Под этим разухабистым девизом — «Подумаешь!» — кое-кто совершает деяния, перед которыми мерзости предприимчивой цветочницы кажутся невинными шалостями.

...В отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности Тимирязевского РУВД пришло письмо, в котором его авторы жаловались, что на комбинате ясли-сад № 1020 работники пищеблока обкрадывают детей. Назывались и фамилии. По вечерам эти работники уходят домой с туго набитыми хозяйственными сумками.

Для этой несложной операции сотрудники ОБХСС не назначали дату заранее, не проводили предварительных мероприятий. Просто однажды к вечеру трое оперуполномоченных приехали на комбинат № 1020 и стали ждать.

Не будем называть фамилии кладовщика и двух поваров, которые интересовали оперуполномоченных, пощадим их детей и родственников. К тому же после суда у них было время поразмыслить и опомниться. Обойдемся инициалами.

Г. М. Б., Л. И. В. и З. Н. Б. несли тяжелые сумки. Их остановили, пригласили. В присутствии понятых осмотрели поклажу. В сумках было сливочное масло, сахар, сметана и пр. В общей сложности на 30 рублей. По десятке на брата — мелочь, конечно. Но сотрудники ОБХСС, всякое повидавшие и вовсе не склонные к открытому выражению чувств, не могли сдержать негодования. При взвешивании оказалось, что сливочного масла было в трех сумках два с половиной килограмма, то есть половина дневного рациона, получаемого на всех обитателей комбината ясли-сад. Если бы эта троица, кладовщик и два повара, работала в обычном продовольственном магазине и воровала в тех же пропорциях, ей бы понадобились не сумки, а грузовые автомобили...

Что может быть гаже вора, обкрадывающего беззащитных детей? Но нет смысла ставить риторические вопросы и взывать к отсутствующей совести. Более того, если бы мы назвали кладовщика и двух поваров ворами, они могли бы на законных основаниях считать себя оскорбленными.

Постановление пленума Верховного суда СССР от 11 июля 1972 года разъясняет: «В соответствии с законом присвоение либо растрата от кражи отличается тем, что виновный использует имеющиеся у него правомочия в отношении похищаемого им государственного или общественного имущества».

Все кладовщики и повара имеют такие «правомочия». Следовательно, могут уносить и не пятьдесят, а хоть все сто процентов вверенных им продуктов (в данном случае предназначенных детям)— это будет не кража, а они не воры. Они, самое большее, лишь мелкие расхитители. Для них и для всей подобной братии придуман народом меткий, но юридически несуществующий термин — «несуны».

Беспристрастный и справедливый законодатель, выведя несунов из-под клеймящей рубрики «кража», избавляет их от морального ущерба. В чисто карательном

Н. Касаткин. 1859—1930. ДОБРЫЙ ДЕДУШКА. Саратовский государственный художественный музей имени А. Н. Радищева.

Ф. Васильев. 1850—1873. БЕРЕЗОВАЯ РОЩА К ВЕЧЕРУ. Саратовский государственный художественный музей имени А. Н. Радищева.

смысле Уголовный кодекс РСФСР также выделяет всевозможных несунов в особую категорию — для них есть специальная статья 96: «Мелкое хищение государственного или общественного имущества». Если несун раньше не был судим за мелкое хищение, то максимальное наказание по этой статье — исправительные работы на срок до одного года или штраф от ста до двухсот рублей.

По этой статье суд и наказал кладовщика и двух поваров. В самом деле, что такое тридцать рублей? Вот если бы несуна поймать хотя бы два раза по тридцать, тогда его деяние можно уже квалифицировать как просто хищение и судить по статье 92, а она несравнимо строже 96-й. Но какой же дурак попадется два раза кряду на том же самом месте? И разве хватит у органов БХСС сотрудников, чтобы задержать каждого несуна хотя бы один раз?

Постановление пленума Верховного суда СССР от 27 ноября 1981 года указывает: «Судам необходимо усилить борьбу с мелкими хищениями государственного и общественного имущества, имея в виду, что ими причиняется обществу значительный материальный и моральный ущерб». Особенно моральный, подчеркнули бы мы. Если ребенок не получил в детском саду свою суточную норму жиров и углеводов, ему можно дать сливочного масла и сахару дома. Тут никакой морали, одна физиология. А вот развращающее влияние мелких хищников не компенсируешь ничем.

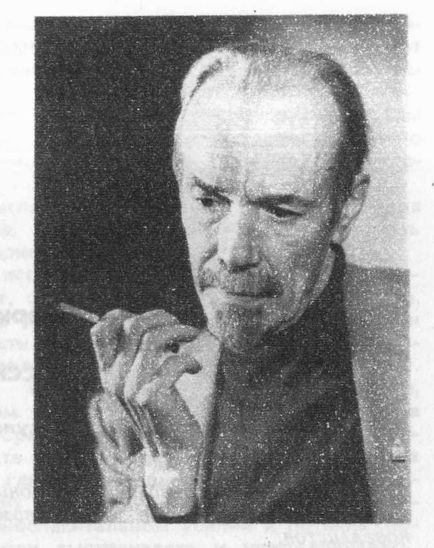
Невольно задумываешься: нет ли несоответствия между тем, как закон квалифицирует использование «правомочий в отношении похищаемого», и озабоченностью в связи с моральным ущербом?

Есть в жизни вещи, о которых порядочным людям хотелось бы не слышать и не ведать, а услышав, поскорее забыть, как скверный анекдот. Тут действует некая иммунная система, защитный механизм сознания, присущий порядочности. Иммунные силы отторгают, выталкивают все, что не укладывается у нормального человека в голове. Но в этом и заключается слабость порядочности. Ею и пользуется наглое вороватое племя стяжателей, мелких и крупных. Этого нельзя терпеть.

Могут сказать: мол, глубокая философия на мелких местах. Но семейные наши лодки и холостяцкие челны плавают не по океанам, во всяком случае, подавляющее их большинство. Вот и жена водителя такси Алексея Ивановича не тысячи наживает. И жадная троица несунов из комбината ясли-сад № 1020 была задержана с продуктами, которые стоили всего тридцать рублей. Неправомерно, разумеется, путем умножения этой тридцатки на количество детских садов страны выводить общую сумму ежедневных хищений, которые и хищениями-то считают не всегда. И воруют не везде. И не обязательно на тридцать рублей, можно и на пять.

Как же быть обыкновенным порядочным людям? Что касается цветов, то в конце концов всякий волен покупать не гладиолусы, а розы, хоть это и подороже. С мелкими хищниками выбора нет. Милиция одна с ними не справится. Тут надо действовать всем миром, каждый день и всюду, где они водятся.

КОГДА ДРУГУ ШЕСТЬДЕСЯТ...

На два года я старше Сергея Баруздина... В зрелом возрасте такую разницу иногда даже трудно заметить, определить, но в юном возрасте она очень значительна. И все же мы занимались в одном и том же литературном кружке Московского Дома пионеров и испытываем ныне одинаковую — светлую, сыновнюю — нежность к памяти руководительницы того кружка Веры Ивановны Кудряшовой. И деткорами «Пионерской правды» мы были в одно и то же время... Наши, разумеется, еще очень незрелые, литературные опыты принадлежали мальчишкам, которых звали Сережей и Толей. Так мы зовем друг друга и сейчас...

Прошло около полувека. Моему другу шестьдесят... И я мысленно подвожу предварительные итоги его жизни перед грядущим его путем, который должен быть долгим, счастливым и плодотворным.

Ну, а итоги?.. Они таковы, что я испытываю к другу не только любовь, но и глубокое уважение. «Повторение пройденного» — так называется во многом автобиографический роман Сергея Баруздина, произведение глубокое и масштабное. Повторение пройденного Сергеем Баруздиным означало бы повторение мужественной воинской службы в годы сражений, талантливого писательского творчества, гражданского подвижничества, самоотверженного и тоже талантливого редакторского труда. Стало быть, писатель сам жил и живет так, как советует жить другим!

Помню Первое Всесоюзное совещание молодых писателей. Был послевоенный 1947 год... С. Баруздин пришел на совещание с фронта, а я — с оборонной стройки. Удостоверения делегатов были подписаны Александром Фадеевым, мы с Сергеем, как святыню, храним их и сегодня. Мы оба попали в семинар, которым руководили С. Маршак и Л. Кассиль. Руководили очень взыскательно, но и щедро, даря нам удивительную свою доброту, свой опыт и знания. А потом такую же бесценную, хоть и тоже очень требовательную, доброту долгие годы проявлял к нам директор издательства «Детская литература» К. Пискунов. Воспитанный общением с М. Горьким, В. Маяковским, А. Гайдаром, Константин Федотович продолжал их традиции подлинно отеческого внимания к молодым. Спасибо им, дорогим нашим учителям!.. Уверен, что и Сергей Баруздин присоединится к этой благодарности, которую я произнес голосом сердца. Тем более что я знаю: он — человек, не забывающий добра, хорошо понимающий, что тот, кто не помнит вчерашнего, тот и сегодняшнее позабудет. Наши старшие товарищи сразу же внушили нам, что служение детству, отрочеству и юности требует благородного «фанатизма». С такой именно одержимостью вот уже сколько лет отдает себя Сергей Баруздин миллионам наших сыновей и дочерей, внуков и внучек. На его стихах, рассказах, повестях воспиталось уже не одно молодое поколение.

Сергей Баруздин не только автор художественных произведений, адресованных юным читателям, но, я бы сказал, и теоретик детской литературы, ее биограф: прочитайте его «Заметки о детской литературе» — и вы проникнете в суть творчества писателей, работающих для подрастающей смены, проблем той литературы для юных, которую ее создатель М. Горький именовал «великой державой».

Как все значительное, что написано для ребят, книги Сергея Баруздина, любимые детьми, интересны людям всех возрастов. Но и специально для взрослых им создано много волнующих книг прозы, поэзии, публицистики. Особо хочу отметить образы женщин-героинь минувшей войны, нарисованные пером поэтичным, гуманным, по-мужски сильным и добрым.

Имя Сергея Баруздина неотрывно и от рождения как бы нового журнала «Дружба народов» — того журнала, который, сохранив прежнее имя и прежние завоевания, удостоился все же несравненно большего, чем раньше, признания читателей всех республик нашей страны. Велика, очень велика в этом заслуга главного редактора Сергея Алексеевича Баруздина.

Вот я и назвал друга своей юной поры по имени и отчеству: все-таки 60! Шестьдесят... Это звучит весомо, особенно если учесть, как много сделано юбиляром. Чего пожелать ему? Здоровья и новых творческих взлетов... Это нужно, дорогой Сережа, не только твоим личным друзьям, но и поистине бесчисленным друзьям твоих книг, всем почитателям твоего редакторского труда, твоей общественной самоотверженности!

Анатолий АЛЕКСИН

среди книг

«ЕСТЬ В РУССКОМ ОФИЦЕРЕ ОБАЯНЬЕ...»

Этими словами начинается стихотворение, которое поэт Георгий Суворов посвятил офицерам своей дивизии. Лейтенант, командир взвода, фронтовик, он воевал умело и достойно. Г. Суворов был смертельно ранен в бою в начале 1944 года на Ленинградском фронте, и первая книга его стихов «Слово солдата» вышла в Ленинграде вскоре после его смерти. Об очень кратком жизненном (неполных двадцать пять) и литературном пути поэта Суворова рассказывается в сборнике, подготовленном и изданном Красноярским университетом.

Со страниц сборника встает сильный, мужественный и полный жизни человек. Сельский учитель из Хакассии, Г. Суворов присылал свои стихотворения в редакцию газеты «Красноярский рабочий» еще в довоенную пору. Окончательно же как поэт Георгий Суворов сложился в военное время.

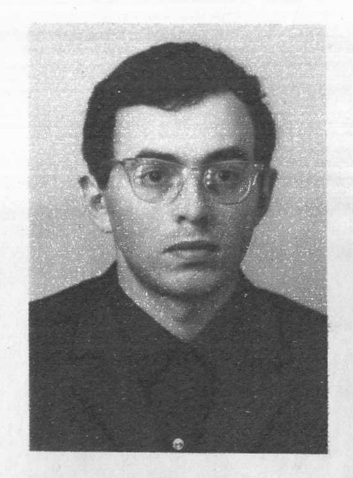
Леонид Решетников в статье «К портрету моего ровесника» уточняет: Суворов стал поэтом в сорок третьем году, когда появились его стихи в журнале «Звезда» и «Ленинград», произошли встречи с А. Сурковым, Н. Тихоновым, М. Дудиным. В эти наполненные дни и месяцы стремительно вызревал его своеобразный талант. Открытый, цельный, влюбленный в жизнь юноша становился воином и поэтом. Быстро накапливался духовный опыт, увиденное на дорогах войны, встречи с людьми, прожитое в землянках и в окопах — все это так естественно переливалось в предельно искренние поэтические строки:

Последний враг. Последний
меткий выстрел.
И первый проблеск утра.
как стекло.
Мой милый друг.
а все-таки как быстро,
Как быстро наше время утекло!..

Из воспоминаний и очерков людей, знавших Суворова и не знавших, но любящих его стихи, вырисовывается мир поэта, то поэтическое пространство, которое он выстроил, в котором жил и смог написать вещие строки: «Свой добрый век мы прожили, как люди, и для людей». Эти слова по справедливости выбиты на обелиске над братской могилой в городке Сланцы, где похоронен и Суворов. Здесь же, наверное, место и строкам С. Наровчатова: «О моем поколенье спросите меня, в списке жестоком и строгом погибших поэтов встают имена: Майоров, Суворов, Коган».

Е. СЕРБИНОВСКАЯ

Поэт. Воин. Сибиряк. Красноярск, 1985, 144 стр.

МУРАВЬИНАЯ ТРОПА

Марк НАУМОВ

РАССКАЗ

Рисунок М. ПЕТРОВОЙ

Я много лет, с дней первого монинского семинара молодых писателей, знаю Марка Наумова и слежу за его творчеством. Считаю его одним из самых интересных наших новеллистов.

Марк Наумов — геолог, кандидат наук, он работал в Средней Азии, на БАМе и других горячих точках страны, у него большой жизненный опыт, он пристально внимателен к человеку, своеобразно мыслит и всегда умеет выбрать чистое, свежее, емкое слово. Жаль, что он все еще остается автором лишь одного тощего сборника рассказов.

Юрий НАГИБИН

— Интересно, как это выглядит с их точки зрения? Светопреставление, не иначе... Сокрушение основ, понимаешь, конец мирозданию...—

Так весело, легко, в расстановочку выпевал Агеев, смачно, хрустко вырубая заступом ломоть дернины.

Слова его относились к муравьям, крупным, черным, будто бы заживо лакированным зверюгам, а адресовались спутникам Агеева, нескольким пожилым, сильно сосредоточенным мужчинам, скучившимся за его широченной спиной. Каждый из них в отдельности был солидным, заслуженным, не в малых чинах работником некоего значительного учреждения. Все же они вместе здесь представляли собой правление садового кооператива. Лично же Агеев за неизбывную силу его и неуемную предприимчивую энергию вопреки его молодости был поставлен ими в председатели. И бог весть сколько и каких препон пришлось ему сокрушить, прежде чем завоевал он им право стоять здесь, в ядреном сосновом воздухе, и вот вкапывать первый межевой столб, от которого должна была пойти нарезка участков. Это был миг торжества, и посему души их сейчас вмещали ликование победителей и сладко-томительное предвкушение благ, ожидающих их впереди. Но все это были прочные и прочно на земле стоящие люди. Оттого праздные, не относящиеся к переживаемому моменту слова Агеева прошли мимо, не зацепив ничьего внимания. Да и сам-то Агеев выдохнул их в мир бездумно, просто потому, что надо же было что-то сказать, когда все так хорошо вокруг, так славно и полно на душе.

А у ног их действительно разворачивалась великая драма разрушения мира. Под садовые участки выделены были, как водится, неудобья, места гиблые, овражные, ольхою, черемухой, осиной заросшие, заплетенные малиною. Кое-где лишь, разряжалось это чернолесье песчаными гривками с редким добрым сосничком. Они все, члены правления, за организационные муки свои освобожденные от жеребьевки, справедливо вознаградили себя участками на таких возвышеньицах. Поэтому и должна была пройти первая межа, а за ней и первый забор по такой вот природной грани, между сумрачно-сырыми подножиями и ласково-солнечными верхами. Все складно устраивалось при таком дележе: и по справедливости, и по согласию с природой, и по согласованию с общим собранием членов-пайщиков, и в соответствии с высшими интересами планируемого агеевского потомства.

Но вот там, внизу, под ногами победителей, агеевской лопатой был пересечен великий мировой путь, вечная торная Тропа.

Само собою понятно, что таким великим и вечным было это лишь для муравьев, существ мелких и краткоживущих.

Громадный муравейник, живое, непрестанно возводящее себя строение и одновременно организм, соединялся этой Тропой с источником своей жизни. Им служила особенно густая куща малины, в которой непрерывно шла борьба за право есть и жить. Борьба эта оставляла бесчисленные тела побежденных и проигравших: мух, тлей, гусениц, неудачливых ос и иных, имя коим легион. Тропа, будто насос, оттягивала в муравейник эти остатки погибших жизней, чтобы он мог создавать из них себя.

И вдруг в глухом скрежете и тяжком сотрясении земля на миг завернулась вверх, соединившись с небом, а затем разверзлось ее нутро, выворачиваясь безобразными глыбистыми хребтами, ощериваясь разорванными корнями трав. Сотни муравьев-носильщиков исчезли в земляном хаосе, тысячи беспомощно заметались, потеряв ориентиры, оттиснутые в родовой памяти. Лощинки, взгорки, приметные купы трав, песчаные проплешины между ними, зализанные макушки камней — все-все в единый миг смешалось и исчезло, поглощенное изнанкой мира. Распахнулось провалище мглы, и сырым холодом пахнуло оттуда, как бы обещая гибель уцелевшим.

Таков был космогонический аспект буйных, мощных, хотя и неловких, непрофессиональных манипуляций с лопатой начинающего земледельца Агеева.

Однако мир на том все же не прекратился, он стал другим, но продолжал быть.

И когда земля перестала скрежетать, дыбиться, выворачиваться наизнанку и приобрела хоть и безобразный, но по-новому постоянный облик, каждый из уцелевших уже знал главное — что он уцелел. Затем он знал, что уцелел не один, потому что вокруг по-прежнему сновали соплеменники; что уцелел и продолжает требовать пищи Муравейник. Откуда бралось это последнее знание, сказать было невозможно да и ни к чему. Хватало и того, что это было так же достоверно и неоспоримо, как и само ощущение индивидуальной жизни. И знание это принуждало каждого муравья вернуться к своему делу, сплачивало в колонны, давало новые силы и подсказывало новые пути в хаосе вновь народившегося мира.

И вот, не успели еще отшуршать последние струйки земли по стенкам агеевской ямки, не успело сосредоточенно-ликующее правление взяться за приготовленный столб номер первый, чтобы на веки вечные водрузить его на предназначенное место, как на Тропе возобновилось целенаправленное движение. Без команд, сигналов, принуждения и угроз из растерянности, толчеи и сумятицы возникли порядок, стройность, целеустремленность. Вначале россыпью и толпой, а затем цепями и колоннами, на глазах обретающими сплоченность, Тропа потекла вновь.

Но не было тех глаз, чтобы изумиться и восхититься таким преображением. Сами муравьи не могли любоваться собой со стороны. Да и не было для них в этом зрелища, но лишь исполнение основного закона жизни. Люди же давно забыли о них да и не стали бы глядеть, даже если бы и вспомнили. Глаза им с непривычки залило потом, пока они подтаскивали и водружали столб. И такой уж одышки и сердцебиения им это стоило, что и на самое торжество их легло не сомнение еще, но тень его: а по себе ли взялись рубить дерево? Не Агеев бы с его непочатой силушкой, так и неизвестно, как бы оно все развернулось. Но Агеев был с ними, и столб в его могучих руках с такой силой вонзился в предназначенную для того точку планеты, что последующая трамбовка, труд тяжелый и неблагородный, превратилась во что-то вроде ритуального танца вокруг тотемного столба. Полюбовавшись на плоды трудов своих, все они удалились, полные приятных надежд, соображений и тревог.

Для Тропы же последствия второй напасти — утаптывания были уже не в пример меньше, чем первой. Дело здесь было в том, что потрясения, перестройки, мировые катаклизмы должны были стать теперь и становились составной частью обыденной жизни коллективного существа — Муравейника и его щупальца — Тропы. Понимание этой неизбежности также родилось в каждом муравье само по себе, и существование их теперь происходило с учетом этой бесспорной реальности бытия.

Поэтому, когда в новосозданное провалище обрушилась уходящая без предела вверх стена, а взгромоздившиеся было горы оказались расплющены многократно падавшим небом, Тропа уже не пришла в такое замешательство, как попервости, и восприняла эти акты творения как должное. Правда, индивидуальное существование прекратилось, как и в первый раз, для очень большого числа муравьев, но теперь это даже и не расстроило течения Тропы.

Земля еще тяжело дышала и вздрагивала в судорогах уходящей боли, а разведгруппы Тропы уже нащупали легкие проходы среди невообразимых глыбовых развалов, отыскали перелазы, где растащили, где прогрызли посильные для такой работы нагромождения, а вокруг непосильных наметили обходы. Многие из них остались под обвалами, которые они же сами и вызвали, чтобы обезопасить неустойчивые склоны для идущих следом. Некоторые попались в ловушки муравьиных львов, когда в поисках пути далеко забирались в песчаные проплешины. Но и самим своим исчезновением они служили Тропе, потому что указывали направления, в которых двигаться не надо.

И вот запруженная было Тропа потекла, поспешая, по вновь обретенному руслу, чтобы Муравейник не успел ощутить по ее вине ни малейшего неудобства.

Но худшее, чем просто перебои в питании, ожидало Муравейник. Он, Муравейник, не знал еще, что с сего дня и часа вовлекается в борьбу на уничтожение. Да и откуда ему было взяться, этому знанию, в существе, обитающем в полном и очевидном согласии со всем остальным миром? И он ведь не претендовал на многое, Муравейник. Он считал своим кусок земли на половину дневного хода муравья. Но так случилось, что это простран-

ство, по людским меркам охватывающее сотки три, пришлось на ту часть планеты, на которой Агеев положил себе возвести дом, разбить теплицы и вообще в полной мере освоить.

Итак, состязание началось в тот момент, когда Агеев хозяйским взглядом окинул завоеванную землю и радостному воображению его предстали раскидистые яблони, стройные ряды ягодных кустов, клубничные плантации, сверкающие стеклом теплицы, просторный, в елочку обшитый вагонкой дом, гараж-мастерская, лакомая расторопная жена, толстые шустрые детишки, всякий миг посягающие на стройность и благолепие цветущего хозяйства. И он сам, с символическим пучком крапивы в руке — основатель, законодатель и опора этого светлого, изобильного и доброго мира. Он понял, входящий в полную силу, радостно готовый к жизни Агеев, что в самом начале перед ним открылась цель, действительно достойная употребления всех его сил, возможностей и умений. Создать несокрушимый, ни от кого и ни от чего не зависящий фундамент жизни себе, своим детям, и их, и их, и дальше! Что может быть достойней? Неужто среди всяческих учений, служений, борений и горений между прочим плодить нищету? Вроде недотепы папеньки... Ну нет! Он знал, раз и навсегда определивший свой путь Агеев, что ему предстоит борьба, и воистину, не лукавя перед собой, хотел ее и был уверен в победе.

Агеев не думал такими словами, его голова была постоянно занята другим, повседневным, насущным. Но мысли эти, неоформленные, непрозвучавшие, вели, довлели, определяли внутренний строй и внешний рисунок его жизни. Целеустремленной душой своей он провидел весь сонм своих будущих противников и, по-молодому бесстрашный, не боялся их, а лишь холодно, рассудочно оценивал. Здесь было и хитрованистое правление, и непредсказуемо капризное общее собрание, и полупьяные вымогатели всех чинов и специальностей, от сторожа базы стройматериалов до бригадира буровиков, назначенного судьбой для того, чтобы обеспечить агеевскому родовому гнезду на веки вечные автономное водоснабжение. Были тут и завистники соседи со своими доносами, и недотепа папенька со своими проповедями, и наседка маменька со своими заботами, и лодырюга дядя, который отслюнил-таки некую копейку в начальный агеевский капитал и, уж конечно, теперь не по чину широко разевал рот на весь будущий пирог. Об одном враге он знать не знал и думать не думал — о Муравейнике.

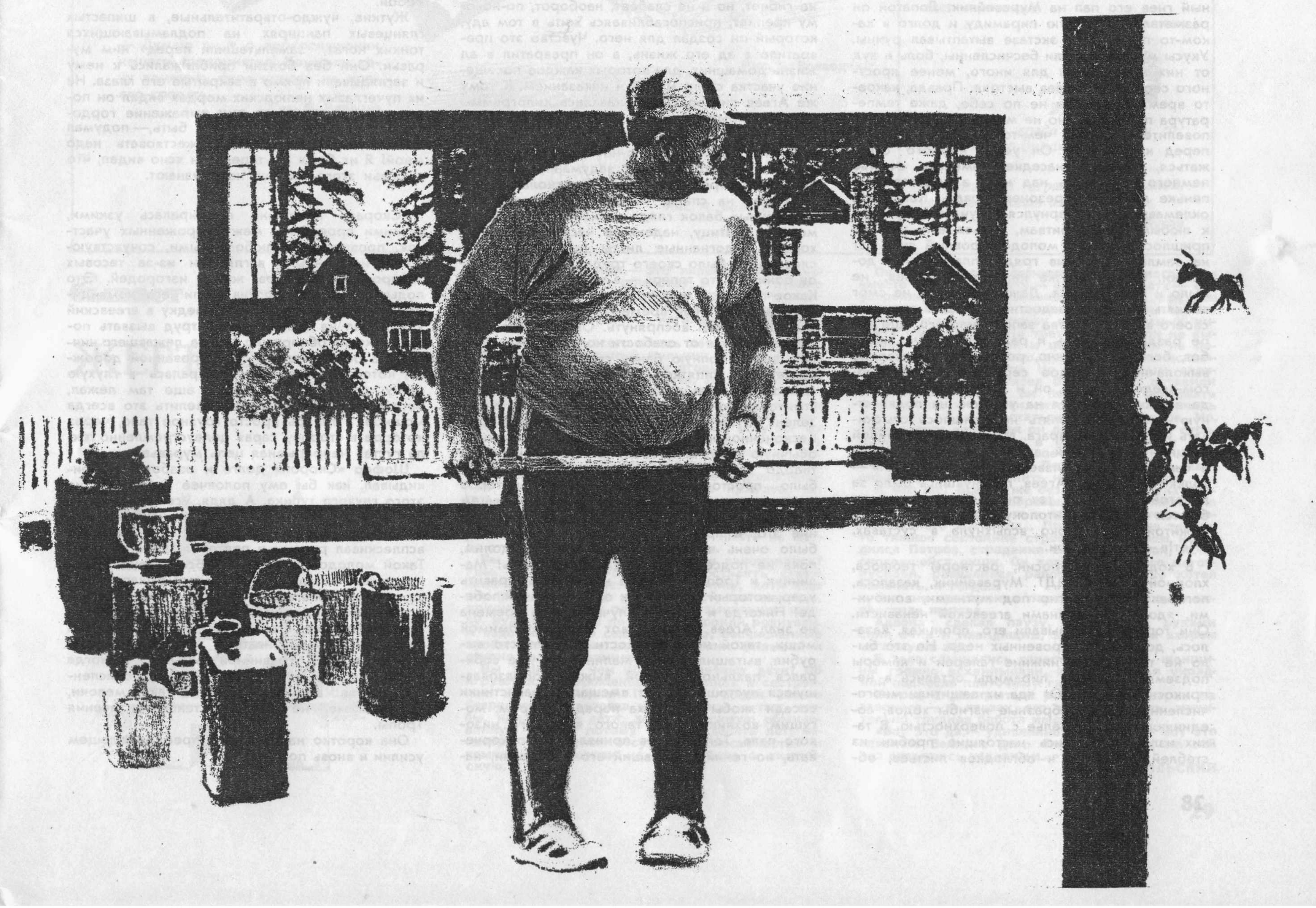
И хоть с этого мига все было предопределено в их судьбах, Муравейника и Агеева, но реальное их соприкосновение произошло позже, когда воздвиглось первое строение агеевского комплекса. Против своего желания, идя на поводу у всесильной злобы дня, Агеев начал освоение своего владения с времянки, отлично понимая, что этот путь принципиально порочен. Но все же — куда денешься — он начал застраиваться с каркасной сараюшки для хранения всяческих нужных вещей, сладостно отягощавших его хлопотливое сердце. Тут был инструмент — плотницкий, столярный, каменекладный, слесарный, даже радиотехнический и часовой. Все новое, комплектное, в промасленной заводской упаковке. Был тут, конечно, и садовый инвентарь от лопат и тяпок до насосов-опрыскивателей и подкормочных буров. В ближайшее время ожидалось поступление мотопилы, электрорубанка и скважинного насоса. В более отдаленном будущем возбужденному воображению Агеева представлялся дизельный энергоагрегат, мини-трактор, газовая отопительная система с автоматическим регулированием, токарный и сверлильный станки, сварочный аппарат... И многое другое, бог весть что еще, мстилось Агееву в добрых сладких снах человека, живущего в согласии с собой, с миром, со своим будущим... Он понимал разницу между сном и действительностью, но во всеоружии своей силы и решимости готов был претворять грезы в явь.

Однако решимость решимостью, добрые намерения сами по себе, а жизнь своим чередом. Вот и этот, в замысле еще нелюбимый Агеевым сарай все же воздвигся и, кроме внутреннего дискомфорта, послужил причиной первого соприкосновения с Муравейником. Стыдясь себя и экономя место, Агеев припрятал ублюдочное свое творение в самом неудобии, так что задняя стенка его встраивалась в нижний забор, да еще с опорой на тот самый межевой столб, с которого все и началось.

И тогда вновь проложенное русло Тропы оказалось наглухо перекрытым бесконечно протяженной, щетинистой, грязно-серой стеной.

Так выглядела в глазах Тропы неструганая тридцатка, которой снизу начал зашивать Агеев каркас сараюшки.

Как и все прежние, эта катастрофа произошла вмиг, обрушилась из неведомого Ничего. Да Тропе и дела не было до корней, причин и сущности явлений. Ей надлежало безостановочно продолжать свое течение, да и все тут. Поставив Тропу в безысходное положение, Агеев тем самым подвиг ее на чрезвычайные усилия. Сразу, неведомо как распознав слабые места в преграде — где трещинку, где гнильцу, где выпадающий сучок,— Тропа вонзила в них густые муравьиные клинья, замерла в жизнеспасительном усилии и потекла снова, на ходу выстраиваясь и упорядочиваясь. Конечно же, с этим можно было примириться, просто не замечать. Так Агеев поначалу и поступал. Но хозяйство его росло, мужало, набирало силу и требовало, все требовало и требовало. Требовало того и сего, штучно, фасовками и россыпью, бочками, ящиками и мешками. Все это — цемент, известь, рубероид, толь, краску и бог весть что еще — Агеев складировал в том же самом сарае, который, оставаясь времянкой, оставался и самым необходимым элементом усадьбы. И все эти агеевские сокровища несли урон от Тропы, поскольку она же была вынуждена протачивать преграды, невесть откуда возникающие на ее пути. Но и этого было мало. К тому времени успели воздвигнуться многие из задуманных Агеевым сооружений, и вот, вместо того, чтобы радовать его хозяйское сердце, они стали причиной его сокрушения. А дело было все в том же — они пересекали Тропу. Проклятые мураши прогрызали рамы и полиэтилен парников, протаптывали свои стежки через пышные торфяно-навозные гряды огурцов и помидоров. Видя это, Агеев впадал в изумление

и ярость. Никогда и ни от кого, даже от самых заматерелых огородников, ему и слыхивать не приходилось ни о чем подобном. «Не мутанты ли какие?» — думалось даже ему порой. Но и этого мало было пучеглазым вражинам. Они походя подтачивали опоры высокого резного крыльца, навечно, казалось бы, защищенные смолою и рубероидом. Вслед за Тропой, по отворенному ею пути, на дерево набрасывалась гнилостная влага. Та же судьба постигла душевой павильон и, наконец, гордость агеевского сердца — качели, которым при таком повороте дел явно не дождаться было толстых и шустрых агеевских отпрысков. Да уж, кстати, с ними, с отпрысками, произошла явная заминка, потому как не находило взыскательное сердце его женщины, которая при лакомости и расторопности обладала бы еще длинным списком достоинств, необходимых и полезных для столь широко задуманного хозяйства. Время шло, достойной не находилось, а качели меж тем гибли втуне. А ведь если кто понимает, это совсем не пустяки — самостоятельно воздвигнуть качели, абсолютно надежные во всех своих звеньях, от неколебимо затрамбованных столбов до намертво заклепанной перекладины с туго насаженными подшипниками. И этот любовный труд истреблялся в прах по вине ничтожных мурашек и людишек, неспособных оценить его величие, красоту и благородство.

И тогда в одночасье, подобно тому, как скисает молоко в грозу, агеевская любовь к своим творениям вывернулась ненавистью к их погубителям, да так, что более никаких причин для жизни у него и не осталось.

Известно, что ненависть не менее любви поднимает человека, извлекает из него такие возможности и способности, о которых не подозревал ни он сам, ни самые близкие ему люди.

Никогда чудесами натуры не интересовавшийся, знать ничего о муравьях не знавший, слыхом не слыхавший о существовании почтенной науки формикологии, Агеев за полчаса в яростном прозрении обнаружил и постиг глубинную связь малиновой кущи, Муравейника и Тропы-погубительницы. Поначалу холодный гнев его пал на Муравейник. Лопатой он разметал податливую пирамиду и долго в каком-то прямо-таки экстазе вытаптывал руины. Укусы муравьев были бесчисленны, боль и зуд от них нестерпимы для иного, менее яростного сердца, но Агеев выстоял. Правда, какое-то время ему было не по себе, даже температура поднялась, но не мог же он, карающий повелитель, хоть в чем-то выказать слабость перед казнимыми? Он уехал немного отлежаться, подарить наседке маменьке счастье немного поквохтать над ним, а недотепе папеньке малость порезонерствовать. Когда же, оклемавшись, он вернулся на участок, готовый к любым новым битвам, биться ему уже не пришлось. Чистый, молодой, ровный снег лег на землю, перекрыв гряды, плантации и дорожки. Не было уже никаких муравьев, не было и муравейника. Даже места его не смог сыскать Агеев. И радостное, гордое сознание своего всемогущества заполонило его, еще шире раздвинув грудь и развернув плечи. «Бог, бог, бог!» — медленно, ровно и торжественно выколачивало гордое сердце. Таким вот богом-вседержителем он и перезимовал, а когда весною вернулся на участок, на подвластную землю, ему опять не пришлось отыскивать и выискивать врага. Муравейник стройной мощной пирамидой высился в полной красе и силе на своем извечном месте. «Ага!» — только и подумал Агеев, потянувшись было за лопатой. Но не из тех он был, что дважды бьются об одну притолоку. Да и память о пережитой боли ярко вспыхнула в суставах. «Нет!» — подумал он.

В ход пошли керосин, растворы теофоса, хлорной извести, ДДТ. Муравейник, казалось, погибал безвозвратно под мутными, вонючими, ядовитыми волнами агеевской ненависти. Они топили и размывали его, проникая, казалось, до самых сокровенных недр. Но это было не так. Самые нижние галереи и камеры подземной основы пирамиды остались в неприкосновенности. От яда их защитили многочисленные коленообразные изгибы ходов, соединяющих подземелье с поверхностью. В таких изломах набились настоящие пробки из стеблей, черенков и обглодков листьев, обрывков хитиновых покровов жертв Муравейника и всяческой другой трухи, оставшейся здесь в тех случаях, когда муравей-носильщик не справлялся со своей кладью на повороте. Таким образом Муравейник, сам того не зная, за годы, а может, века, обзавелся системой фильтров, способных защитить его от самых страшных проникновений. И именно там, в темной глубине, сохранилось то, что обеспечивало вечное существование Муравейника — Муравьиха-Мать, выношенные ею яйца, личинки, муравьи-кормильцы, обязанные заботиться об их благополучии. А Тропа меж тем все продолжала и продолжала питать Муравейник, невзирая на возникшие ядовитые реки, болота и отравленные пустыни. Она трупами носильщиков гатила русло свое, но ни на йоту не отступила от своего жизненного предназначения. Поэтому, несмотря на гибель пирамиды и неисчислимого множества своих отдельных клеточек-муравьев, Муравейник выжил и даже не утратил своей плодотворящей силы. Она нашла иные, чем прежде, выходы, но не пресеклась. Над выходами из глубинных галерей, мудро устроенными вдали от развалин пирамиды, стали зарождаться, подобно пузырикам в закипающей воде, пирамидки-спутники. Борьба с этим кипением жизни была, очевидно, бесполезна. И наконец, в положенный срок, не позже, Муравьиха-Мать во всей красе и силе вылетела из потаенного, недоступного слепой злобе укрытия, чтобы со своими однодневными спутниками совершить крылатый танец продолжения жизни. После этого единственного брачного танца, в котором была соединена вся любовь огромного Муравейника, Муравьиха-Мать, утратив крылья, вернулась в свое потаенное подземелье, чтобы дать вызреть зародившейся в ней жизни. Спутники же ее, израсходованные до конца и Муравейнику более не нужные, из жизни исчезли.

А Агеев все жил и жил рядом, каменно дожидаясь смерти Муравейника и всеми силами торопя ее. Он долгое время был уверен, что присутствует при агонии врага, и жизнь его в те поры была осмысленна, легка и даже приятна. Но Муравейник все жил и жил, и Агеев, не понимая, чувствовал, что враг не только не гибнет, но и не слабеет, наоборот, по-новому крепнет, приспосабливаясь жить в том аду, который он создал для него. Чувство это превратило в ад его жизнь, а он превратил в ад жизнь домашних, для которых каждое посещение участка стало мукой и наказанием. К тому же Агеев сильно сдал. Сказались килограммы ядов, которые он собственноручно растворил, распылил, разлил и разбрызгал.

И тогда он слег уже по-настоящему, всерьез, в своем крепко, широко задуманном, но все еще не достроенном доме и несколько дней пролежал на спине, через редкую решетку потолочных балок глядя на изнанку крыши, на мощную матицу, надежные частые стропила, хорошо подогнанные листы кровли. Ему до слез жалко было своего труда, обреченного — он понимал это теперь — в пищу Муравейнику. Какое-то время ему хотелось умереть, но это была все же лишь временная слабость, в нем еще были силы воспрянуть. Он встал на подкашивающиеся от слабости ноги и первым делом выпил полную банку сгущенного молока, разведя ее кипятком. Потом он посидел немного и вышел на крыльцо. На земле его стояло раннее, бодрое лето. Неутомленная зелень бушевала и радовалась предстоящей бесконечной жизни. Он почувствовал прежнюю, обычную свою силу, бодрость и надежду. Он твердо знал, что надлежит ему делать. Это было простое, гениальное знание, которое и могло только возникнуть в мозгу, отходящем к смерти. А может быть, именно оно, прозрение это, и принудило его жить дальше. Все было очень просто. Муравейник неодолим, пока не подсечен питающий его корень! Малинник и Тропа! Вот куда надлежит направить удар, который приведет к окончательной победе! Никогда и в самые лучшие свои времена не знал Агеев за собой вот такой неутомимой мощи, такой неудержимости. Он начисто вырубил, вытащил и сжег малинник и уже собирался паяльной лампой выжечь образовавшуюся пустошь, но тут вмешались завистники соседи якобы из страха перед пожаром, могущим возникнуть от такого яростного низового пала. Тогда Агеев принялся было корчевать, но гений, осенивший его в болезни, нашептал иное решение. Обойдя многих конкурентов, Агеев добрался до ближайшего карьера, там откупил самосвал гравия, пригнал его на участок и вывалил на проклятое место. Затем он с какой-то воздушной легкостью раскидал ровным слоем эту трехкубовую груду камня. Он метал и метал огромной совковой лопатой в остервенелом забытьи, не ощущая ни слабости, ни усталости, ни сомнения, но одну лишь злобную радость. И кроме гравия, лопаты, не погубленной им еще благой земли, перед глазами его мерцали совсем уж затуманенные, смятые образы преуспевающего хозяйства, толстяков детишек, расторопной жены, себя, основателя и подателя жизненных благ... Он не остановился, пока не похоронил под камнем и сам источник жизни Муравейника, и широкую полосу земли, в пределах которой могла отыскать себе запасные русла Тропа. Совершив это, он отер пот.

Конечно, эта катастрофа для Тропы не шла ни в какое сравнение с прежними, она охватила все мироздание и не оставила отступных путей. Но и Тропа была уже не та, которая запнулась перед крошечной межевой ямкой. Теперь, после лет агеевского царствования, для того чтобы прекратить ее течение, мало было изменить или разрушить мир. Его надо было нацело уничтожить. Весь, целиком, до последних крупиц материи. Агеев постиг это, наблюдая, как Тропа отдельными муравьями начала высачиваться из-под гравия. Немыслимо обострившимся и изощрившимся зрением он видел, как они продирались, используя микроскопические щелки меж плотно залегшими камешками, как отыскивали там, во тьме, погребенные, как думалось, навеки останки насекомых. Он понимал, Агеев, какими муками и жертвами оплачивали они теперь пищу Муравейника, но понимал также, что они готовы платить и больше. А вместе было видно одно: Тропа переступила через невозможное и потекла дальше с единой целью — выполнять свое предназначение.

Когда Агеев допустил наконец в свой разум эту очевидность, настырное сердце его, мстя ему за поражение, ударило высоко в горло, а потом ухнуло вниз, увлекая Агеева за собой.

Жуткие, чуждо-отвратительные, в шипастых глянцевых панцирях, на подламывающихся тонких ногах, замельтешили перед ним муравьи. Они без боязни приближались к нему и заглядывали прямо в закрытые его глаза. На их пучеглазых нелюдских мордах видел он почеловечески понятное ему выражение гордости и торжества. «Не может быть,— подумал он.— Они не могут восторжествовать надо мной! Я их бог!» Но теперь он ясно видел, что муравьи этого больше не признают.

«Скорая» медленно пробиралась узкими, вязкими проездами меж огороженных участков, провожаемая любопытными, сочувствующими, испуганными взглядами из-за тесовых заборов, штакетников, живых изгородей. Это лодырюга дядя, против воли его командированный семейством на разведку в агеевский удел, взял на себя немалый труд вызвать помощь, когда обнаружил Агеева, лежавшего ничком на особо нелепо спланированной дорожке, которая как-то дико упиралась в глухую стену сарая. Он и теперь еще там лежал, потому что боязно было шевелить это всегда мощное, а теперь просто грузное тело, через которое в сторону сарая целеустремленно текла густая непрерывная цепь муравьев.

Шофер «Скорой» долго и озабоченно прикидывал, как бы ему половчее выбраться из этого глухого тупика. А дядя, усевшийся в водительском отсеке для указания наиболее короткого и спокойного пути, однообразно всплескивал руками и повторял: «Это ж надо! Такой молодой! Непьющий! Все в трудах! Все на свежем воздухе! Это ж надо! Выкарабкается, как вы полагаете?» Шофер устало и неопределенно покачивал головой, а потом и вовсе отключился, стал мучительно, короткими заходами разворачиваться, пробуксовывая в неулежавшейся гравийной отсыпке. А когда уехал наконец, за ним остались многочисленные глубоко взрытые колеи. Но такие мелочи, конечно же, не могли остановить течения Тропы.

Она коротко напряглась в преодолевающем усилии и вновь потекла.

в мире мудрых мыслей

МАРК ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН

Цицерон родился в 106 году до н. э. недалеко от Рима. Ему суждено было стать не только выдающимся оратором, теоретиком риторики, но и одним из основоположников латинской художественной и философской прозы, влиятельным государственным деятелем.

В своих сочинениях Цицерон также уделял большое внимание вопросам этики и политической теории, разработал учение о нравственных и гражданских обязанностях. Пример тому — его сочинение «Лелий, или О дружбе», с избранными мыслями которого мы знакомим сегодня читателей.

Дружба не только приносит множество великих радостей, но и тем в первую очередь возвышается над остальными, что исполняет нас бодрой надеждой, не дает ослабеть или пасть духом. Глядя на истинного друга, мы как бы созерцаем совершенный образ собственной жизни.

Нет для дружбы большей пагубы, чем алчность, если речь идет о большинстве, или чем честолюбие, если говорить о самых достойных,— именно отсюда не раз возникала вражда, разводившая даже самых близких друзей.

Зачем же изгонять из нашей жизни дружбу, во избежание горестей, с нею сопряженных? Отнимите у души способность волноваться, и какая же останется разница между человеком и не то что скотом, а бревном, камнем, любой вещью?

Не глупо ли ценить почести, славу, дома, наряды, внешность — и не ценить того, в ком душа исполнена доблести, в ком наша любовь может встретить ответную любовь? Нет ничего радостнее, как платить за приязнь — приязнью, за пылкое чувство — чувством столь же пылким, за услугу — услугой.

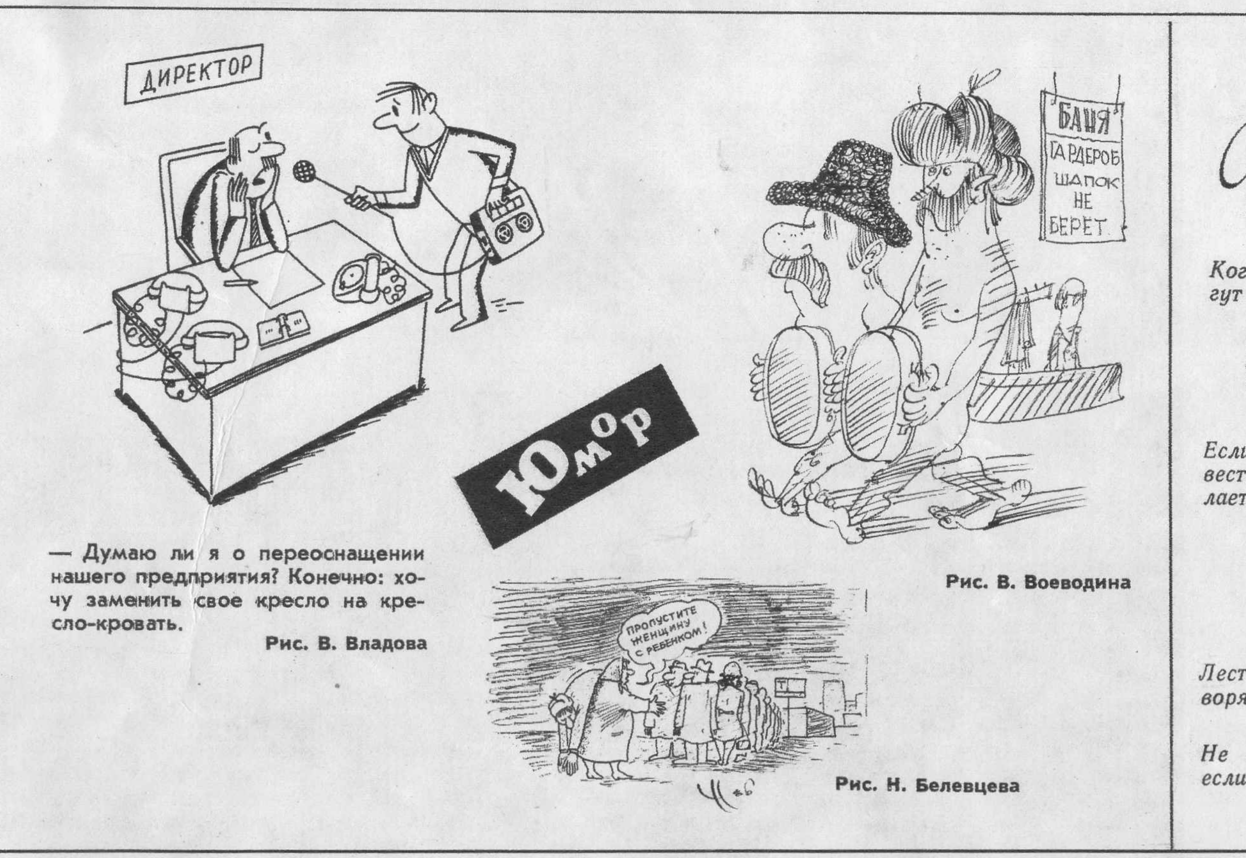
Настоящий друг не станет ни порицать, ни обвинять нас для собственного удовольствия, ни верить чужим наветам — из чего и складывается та преданность долгу, о которой я давно уже веду речь.

Дружбе неведомо пресыщение, столь свойственное другим чувствам, она, как выдержанное вино,— чем старее, тем слаще.

Надо судить человека, прежде чем полюбил его, ибо, полюбив, уже не судят.

Если даже в театре, то бишь на сборище, где самое место всяким басням и выдумкам, истина, высказанная прямо и честно, все-таки берет верх, то как же должны обстоять дела в дружбе, которая вся стоит на правде?

Подготовил к печати А. АЛЕКСАНДРОВ.

— Думаю ли я о переоснащении нашего предприятия? Конечно: хочу заменить свое кресло на кресло-кровать.

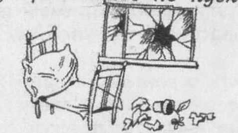
Рис. В. Владова

Рис. В. Воеводина

Рис. Н. Белевцева

Когда сердце золотое, его могут растащить по кускам.

Если разбудить дремлющую совесть, то неизвестно, что она сделает спросонья.

Г. Малкин

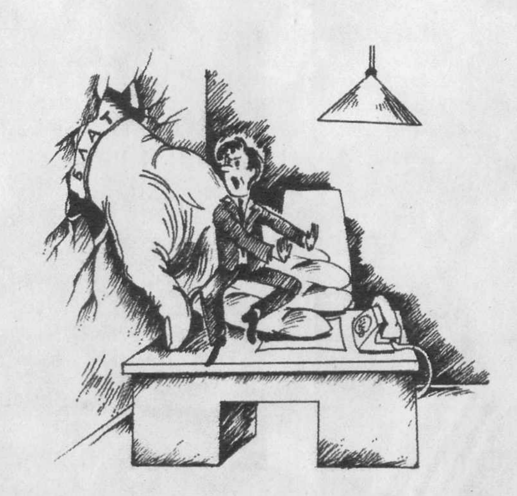
Лесть — это когда начальнику говорят, то что думают о себе.

Не вызывай страстных желаний, если не можешь их усыпить.

В. Бугов

бывает и такое

ЖЕРТВА

— Блат, товарищи,— это явление, органически чуждое нашему обществу, и очень глубоко заблуждаются те, кто думает, будто всего можно достичь по блату. Печальная, даже трагическая судьба Петрова — наглядный этому пример.

Петрову было всего шесть лет. Он был веселый и жизнерадостный мальчик, любил ловить бабочек, собирать грибы и ягоды, кататься на велосипеде и, как и все дети, иногда малевал в тетради. Однажды совершенно случайно он нарисовал маленького и смешного человечка и раскрасил его краской, и с этого самого момента Петров помимо своей воли вступил на скользкую и опасную дорогу блата, потому что честолюбивые родители, возмечтавшие, что Петров станет великим художником, с помощью связей устроили мальчика в художественную школу. Мальчику хотелось прыгать, бегать, играть в футбол, но вместо этого он целыми днями смешивал краски и страдал за мольбертом. Однако ничто — ни честолюбие родителей, ни мучения учителей — ничто не могло открыть в нем юное дарование.

Вы думаете, на этом его муки закончились? Увы, стоило только Петрову оставить стезю живописи, и несчастному мальчику, хотя еще при рождении ему на ухо наступил медведь, пришлось три года посещать музыкальную школу, куда его снова по блату устроили родители. А ведь были еще секция каратэ, бесчисленные пробы на главные роли в детских фильмах и студия бальных танцев.

Вы знаете, о чем обычно мечтают дети? Об игрушках, о мороженом, о братиках и сестренках! А наш бедный Петров во время своего безрадостного детства мечтал лишь о том, чтобы, как другие дети, ходить в самую обыкновенную школу, потому что все десять лет, несмотря на полное отсутствие способностей к языкам, его возили на автомобиле в английскую.

Он мечтал стать летчиком или геологом, но вместо этого по блату — опять по блату — его устроили в торгово-экономический. О, как там страдал Петров! Как душно было вольнолюбивому и жизнерадостному юноше в тесных институтских стенах! На третьем курсе он не выдержал, взбунтовался и целый семестр не посещал занятия. Любого другого тут же исключили бы из института. Но над Петровым, словно дамоклов меч, висел блат, и его оставили в институте. Тогда он понял, что бунтовать бесполезно, и согласился с отличием окончить институт и даже остаться в аспирантуре. Но, представьте себе, как он должен был там страдать, как восставали в нем поруганная гордость и чувство человеческого достоинства. Они-то и не позволили Петрову защитить кандидатскую и продолжить научную карьеру.

И что же? Все та же безжалостная рука блата непостижимым образом вопреки желанию Петрова перенесла его в кресло директора универсального магазина... Представьте же теперь то тяжкое состояние стресса, в котором находился Петров, страдания его измученной, истосковавшейся души. Он хотел уйти — его не отпускали, разваливал работу — никто не хотел замечать, и тогда...

Нет, не преступник перед нами, а только несчастная жертва...

Адвокат сделал паузу, дрожащими руками снял очки и невидящим, затуманенным взором взглянул в зал.

В зале слышались горестные вздохи, женщины громко всхлипывали, и даже судья украдкой поднесла платочек к глазам.

Петров с раскрытым ртом тупо смотрел на адвоката — в глазах его чувствовалась мучительно трудная работа мысли.

«Вот это да,— удивленно думал он.— Вот это адвокат! Великое дело блат. Пожалуй, на сей раз отделаюсь условным...»

Л. ПОДОЛЬСКИЙ

ДОБРЫЙ ПОЧИН

См. 2-ю стр. обложки.

Сергей Белоглазов (справа) в схватке с американским борцом Кевином Дэркусом проявил все достоинства, которые так ценятся в этом спорте,— выносливость, быстроту, силу.

кой атлетики завершила борьбу победой, да еще с новым мировым рекордом, она сказала окружившим ее журналистам и телеоператорам: «Я сделала все, что могла». И все поняли, что Джеки имела в виду не только свой результат, но и то, что она внесла свою лепту в доброе дело мира.

А вот еще одна любопытная деталь. Пловца Владимира Сальникова, установившего на Играх доброй воли мировой рекорд, тренирует его жена Марина, а Джеки Джойнер тренирует ее муж Боб, разделивший с ней успех в Москве. Какой великолепный квартет! И тут возникло у меня желание собрать вместе за круглым столом две семьи — Сальниковых и Джойнер, русских и американцев, чтобы поговорили они по душам о всех радостях и горестях спортивной жизни, чтобы можно было сделать интересный кадр. Но где их соберешь! Несется время, одно событие сменяет другое. Так и оказалось это желание невыполнимым, не удалось снять их всех вместе, и я подумал: если не удалось воплотить эту идею в зримый фотокадр, то надо хотя бы упомянуть об этом.

Если вспомнить о наивысших результатах, показанных на Играх, то мы должны назвать прежде всего нашего Сергея Бубку. Только в прошлом году Сергей преодолел планку на высоте 6 метров и вот теперь в Москве отвоевал у высоты еще один сантиметр.

Президент Международного Олимпийского комитета Хуан Антонио Самаранч, прилетевший в Москву как почетный гость Игр доброй воли, на пресс-конференции отдал дань высокому уровню Игр и сказал: «Я хотел бы особенно выделить рекорд, установленный во вторник вечером Сергеем Бубкой, который является самым выдающимся атлетом наших дней».

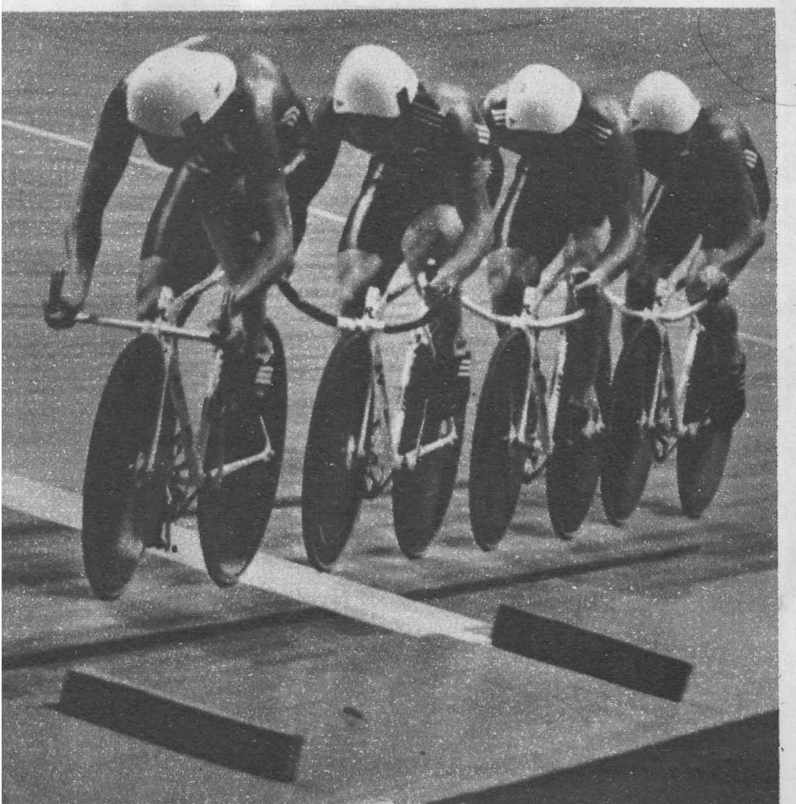
Только один бегун мог, пожалуй, сравниться с Льюисом по интересу, проявленному к нему в Москве. Это Эдвин Мозес, не превзойденный никем на дистанции 400 метров с барьерами. Мозес не проиграл ни одного из 80 стартов, которые брал. Был он первым и на этот раз, только ему одному удалось «выбежать» из 48 секунд (его время—47,94 секунды), а нам осталось лишь одно утешение: серебряную медаль получил советский бегун Александр Васильев. Но утешение это слабое: по-прежнему не радуют нас стайеры. Трудно с этим смириться, если вспомнить, что на беговой дорожке в Лужниках сверкали Владимир Куц и Петр Болотников.

Спортсмены уезжают домой с надеждой, что Игры доброй воли станут традиционными. Почин удался! Через четыре года должна состояться новая встреча, на этот раз в американском городе Сиэтле. Будем надеяться, что она состоится.

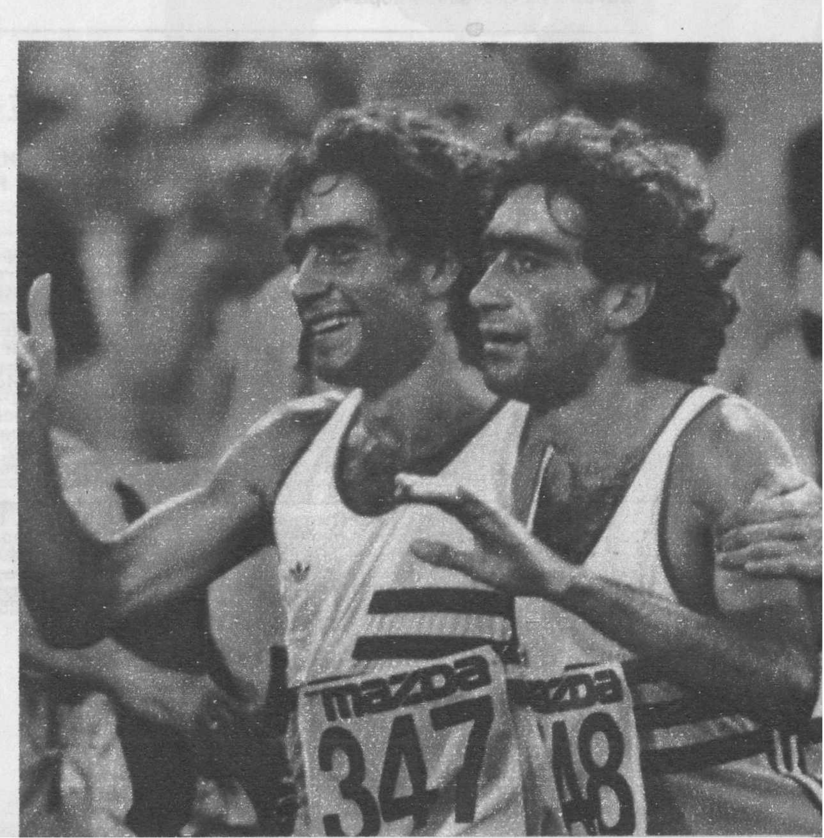

Сейчас Петра Фельке (ГДР) выпустит свое копье, и оно пролетит 70 метров 78 сантиметров.

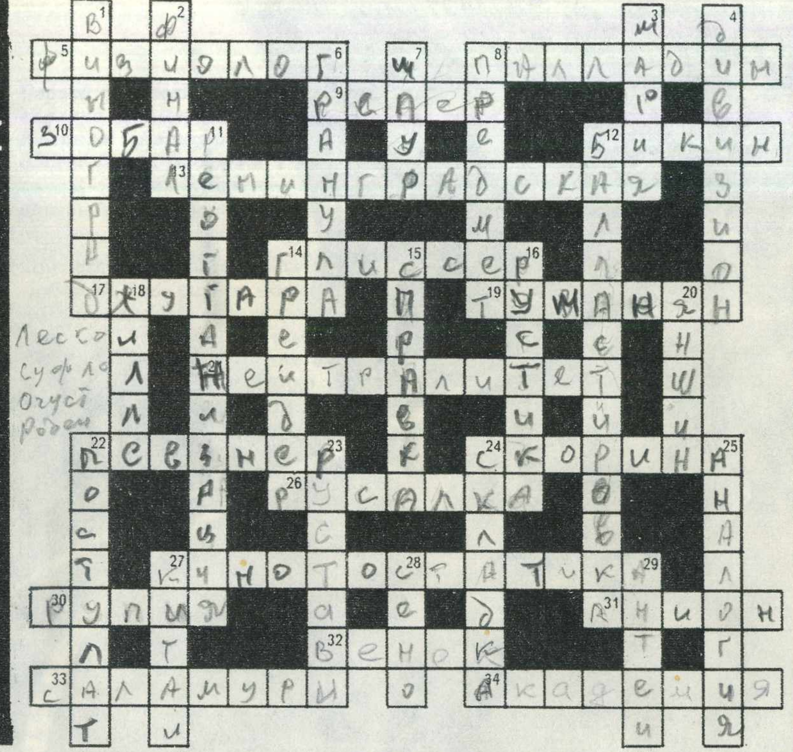

◀ *Командная гонка преследования на 4 километра. Советским гонщикам В. Екимову, А. Краснову, С. Хмелинину и В. Шпундову потребовалось всего 4 минуты 12,830 секунды, чтобы домчаться до финиша с мировым рекордом.*

▶ *Мы запомним вместе с братьями Домингос и Дионизио Кастро этот счастливый миг. Португальские стайеры — герои бега на 10 000 метров.*

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Ученый, специалист, изучающий жизнедеятельность организма. 8. Биохимик, академик, Герой Социалистического Труда. 9. Геодезический знак. 10. Один из героев рассказа М. Горького «Макар Чудра». 12. Приток Уссури. 13. Симфония Д. Д. Шостаковича. 14. Спортивное быстроходное судно. 17. Южный злак рода сорго. 19. Армянский советский писатель, общественный деятель. 21. Отказ от участия в военных блоках. 22. Английский историк искусства. 24. Белорусский первопечатник и просветитель. 26. Опера А. С. Даргомыжского. 27. Раздел механики. 30. Денежная единица Индии. 31. Отрицательно заряженная частица. 32. Украшение, сплетенное из цветов, ветвей. 33. Грузинский духовой инструмент в виде флейты. 34. Научное учреждение, учебное заведение.

По вертикали: 1. Вьющееся ягодное растение. 2. Заключительная встреча в спортивных соревнованиях. 3. Поэма Т. Г. Шевченко. 4. Подразделение артиллерийского полка. 6. Плотный комочек минерального удобрения. 7. Цилиндрическое отверстие, пробуренное в горной породе. 8. Вещь. 11. Преобразование, перестройка. 12. Засыпка железнодорожного полотна щебнем, песком для укладки шпал. 14. Машина для планировки земляных насыпей. 15. Рассказ А. П. Чехова. 16. Рельефная кладка, облицовка стен камнями. 18. Французский скульптор XVIII века. 20. Актер, режиссер МХАТа, народный артист СССР. 22. Положение, принимаемое без доказательств, аксиома. 23. Город в Грузии. 24. Изгиб в пластах земной коры. 25. Сходство явлений, процессов. 27. Государство в Азии. 28. Высушенная трава для корма скота. 29. Марка советского транспортного самолета.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 28

По горизонтали: 1. «Набоб». 4. Туман. 8. Легенда. 9. Эмблема. 12. Ерофеева. 13. Пируэт. 15. Ксенон. 17. Ретранслятор. 18. Рукавишников. 21. Тобаго. 23. Страус. 25. Прилавок. 26. Сандино. 27. Плотина. 28. Ленск. 29. Рельс.

По вертикали: 2. Алгебра. 3. Бюджет. 4. Томпак. 5. Аретино. 6. Клупп. 7. Сазан. 10. Колмановский. 11. Мезальянсова. 14. Эренбург. 16. Стокпорт. 19. Общение. 20. Панцирь. 21. Такси. 22. Опенок. 23. Скаляр. 24. Судак.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Молодые смоленские конструкторы, лауреаты премии Ленинского комсомола (справа налево) Л. М. Болотин, А. И. Шерманов, А. А. Федосеенков, С. Н. Момотюк и их робот.

Фото Д. ДЕБАБОВА

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Художник М. Володин. ГРИБЫ * КОНЦЕРТ НА СТРОЙКЕ * ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ * ЦВЕТЫ И ФРУКТЫ НА ФОНЕ БЕРЕЗОВОГО ЛЕСА. (См. в номере материал «Из березовой коры».)

Главный редактор — В. А. КОРОТИЧ

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора), Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

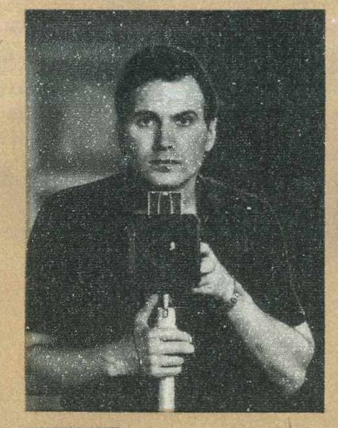
Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 30.06.86. Подписано к печати 15.07.86. А 02007. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 1839. Заказ № 3034.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865. ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

В планах «Огонька» ● в планах «Огонька» ● в планах «Огонька» ● в планах «Огонька»

В ЖУРНАЛЕ

ВАЛЕРИЙ ПЛОТНИКОВ И ЕГО ФОТОГРАФИИ

Автор портретов этих известных актеров кино и театра — фотограф Валерий Плотников. Некоторые из них уже были опубликованы в нашем журнале под рубрикой «Рампа», другие читатель увидит в номерах этого года.

Что можно сказать о фотографиях Валерия Плотникова? Они, несомненно, несут в себе печать индивидуальности автора. Рассматривая некоторые работы Валерия, видишь, как много надо было решить творческих задач, которые ставил перед собой мастер.

Тщательно работая над образом, он пытается найти и находит среду, в которую и вводит своего героя. Упорно ищет цветовое решение — подбирает обстановку, костюмы — и все это для углубленного раскрытия образа. Его поиск может одним нравиться, другим не нравиться, но одно ясно: в своих лучших работах это, несомненно, талантливо.

Истоки этого направления у Плотникова закономерны — они в его биографии. Учился в художественной школе при Академии художеств, а потом в художественном институте, но художником не стал. Окончил в дальнейшем операторский факультет киноинститута, но оператором не стал.

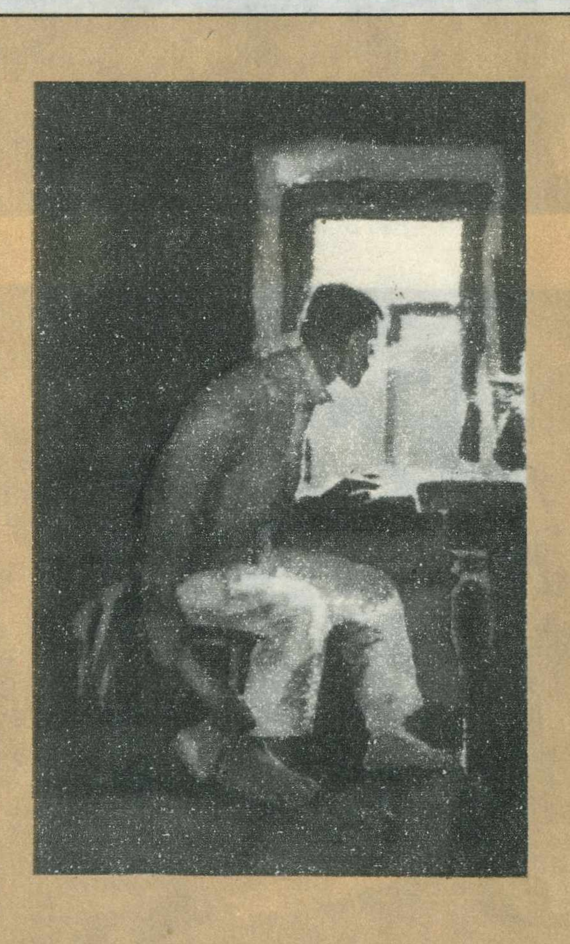
Стал известным фотографом, сохранив в себе многое от художника и оператора.

Закончить это короткое представление нашего автора хочется словами о нем, сказанными выдающимся кинорежиссером Григорием Козинцевым: «...Искусство фотографии для него — постановка фильма, который приходится снимать по одному кадру, но каждый из них — сцена, сюжет, действие; это кадры очень длинной ленты, название которой — Жизнь».

Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ

ВАШЕ МНЕНИЕ?

В нашем журнале периодически печатаются остросюжетные произведения советских и зарубежных авторов. Мы не слишком обольщаемся, но по вашим же письмам можно судить, что у многих пользовались значительным успехом романы Юлиана Семенова, политический детектив Л. Млечина «Обстоятельства смерти господина N», романы Дж. Димоны «Последний на Арлингтонском кладбище», А. Уиннингтона «Миллионы Фэрфакса» и другие.

Однако в редакционной почте встречается и такая точка зрения: трудно запоминать интригу, а потому и неинтересно читать детектив в восьми — двенадцати номерах.

Выскажите свое мнение: нужны ли на страницах «Огонька» остросюжетные приключенческие повести? Если да, то каких авторов вы хотели бы видеть в нашем журнале?

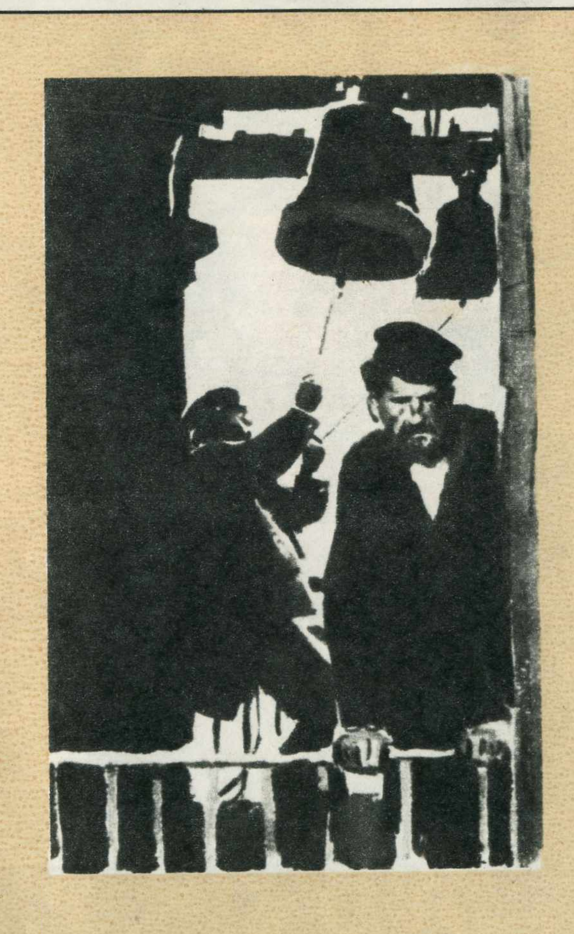
Ждем и других ваших советов и предложений.

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» /ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА/ ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

Шеститомник Федора Панферова, автора знаменитых «Брусков» — романа о становлении колхозной деревни в конце двадцатых годов, а также романов «Борьба за мир», «Волга — матушка река» и повестей, вошедших в это издание. Иллюстрирует его народный художник РСФСР Петр Пинкисевич. Это прекрасный график, много лет сотрудничающий в «Огоньке». Им созданы сотни иллюстраций к широкому кругу классиков отечественной и зарубежной литературы. Достаточно назвать имена Чехова, Куприна, Короленко, Голсуорси, Джека Лондона, Драйзера, Максима Горького, Вересаева, Малышкина, чтобы увидеть широту его палитры.

Публикуем иллюстрации Петра Пинкисевича к первому и второму томам собрания сочинений Федора Панферова, выходящего приложением к журналу «Огонек» в 1986 году.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

